

*Да, мы оттуда –
из глубин веков*

Республиканский Совет старейшин хакасского народа

К XIII Съезду хакасского народа

Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов

КЛЮЧЕВЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХАКАСОВ

Сборник статей

Абакан
Хакасское книжное издательство
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
К11

Серия «**Да, мы оттуда – из глубин веков**» основана Республиканским Советом старейшин хакасского народа в 2015 году
Книга «**Ключевые вопросы истории хакасов**» издана по решению Республиканского Совета старейшин хакасского народа при финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Авторы:

Л. Р. Кызласов – профессор, доктор исторических наук;
И. Л. Кызласов – доктор исторических наук

При оформлении использованы иллюстрации Р. И. Субракова,
В. А. Тодыкова
Редактор текста – И. Л. Кызласов

Ответственный за выпуск *В. М. Торосов*

Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л.

К11 **Ключевые вопросы истории хакасов** / Л. Р. Кызласов, И. Л. Кызласов. Сборник статей. – Абакан : Хакасское книжное издательство, 2016. – 136 с.
ISBN 978-5-7091-0752-6

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7091-0752-6 © Кызласов Л. Р., наследник, 2016
© Кызласов И. Л., статья, 2016
© Субраков Р. И., Тодыков В. А., иллюстрации, 2016
© Республиканский Совет старейшин хакасского народа, 2016
© Оформление. ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство», 2016

Предисловие

На хакасские земли академическая наука пришла уже через 3 года после их присоединения к России. Немало учёных, изучающих богатое событиями и свершениями прошлое, поныне приходит на наши древние земли или трудится в пределах самой республики.

Но многие ли исследователи ставили своей целью на всю историческую глубину изучить происхождение хакасского народа, возникновение особенностей его вековой культуры? За все времена научной жизни таких специалистов мы почти не встретим.

Для этого недостаточно знаний в одной из сфер науки. Мало быть археологом или историком, этнографом или фольклористом. Нужно быть и археологом, и хорошим историком, знающим этнографом и даже сведущим языковедом. Именно таким редким специалистом был Леонид Романович Кызласов. Только он поставил перед собою задачу со времен изначальной древности постигнуть возникновение и развитие родного народа. В этом научном поиске он, увы, все еще не имеет достойного преемника.

Но остается и встает перед каждым хакасом вопрос: «Кто мы?». И каждый должен ощутить и отыскивать тайну своих корней, кровную связь с нашей древней материнской землей, со всеми поколениями своих предков. Ради этого и трудился всю жизнь Леонид Романович Кызласов.

Совет старейшин хакасского народа обдуманно собрал в лежащий перед вами книге статьи профессора Л. Р. Кызласова, ставящие и разрешающие ключевые вопросы истории хакасов. Понятна и та причина, по которой нам следует сегодня обращаться

ся к этим работам, выполненным в начале 1990-х гг., 25 лет назад, или даже вновь вчитываться в статью 1959 г., содержащую изыскания 60-летней давности. Ибо, хотя и появилась по отдельным вопросам новая литература, не устарели эти исследования, фундаментальны положенные в их основу материалы и научные подходы. Так же, как в годы написания, они нужны сегодня, способны разъяснить возникающие в наши дни вопросы и послужить добротной основой новых серьезных поисков. В этом состоит предвидение большого ученого, полноценным исследованием прошлого закладывавшего знания поколений будущего.

По общему решению в книгу добавлен раздел о происхождении современных кыргызов и их имени. Актуальность этого вопроса для жителей Хакасии не требует пояснений.

Тексты четырех статей, вошедших в книгу, издаются здесь по сборнику: Профессор Л. Р. Кызласов. Земля Сибирская / Хакасская археологическая экспедиция Совета министров Республики Хакасия. Страницы истории и современность. Вып. 1. Абакан–Москва, 1994. С. 6–49 и 69–85. Статья «Об этногенезе хакасов» вышла в Абакане в 1959 г. в VII выпуске «Ученых записок» Хакасского НИИ языка, литературы и истории.

Читателю надо помнить, что перед ним переиздание, особенно встречая в текстах такие слова автора, как «недавно», «еще предстоит» и т. п., характеризующие явления того времени, а также в отношении политических оценок, даваемых в концовке статьи. Хотя надо сказать, что в них, как и в связанных с этим надеждах, Леонид Романович тогда и позднее был совершенно искренен. Боль за постигшую страну историческую несправедливость нарастала в нем к 1990-м гг., особенно явно проявившись в статье «Сибирь: на границе прошлого с грядущим».

Редактор внес в тексты статей минимальные примечания, способствующие пониманию специальных и редко употребляемых терминов.

И. Л. Кызласов

Л. Р. Кызласов

доктор исторических наук, профессор

Как нам себя называть?

От самоназвания народа многое зависит в его жизни, судьбе, психологии, самопознании и самоутверждении. За последнее время, в особенности после I съезда хакасского народа в 1990 г., в этот вопрос внесена изрядная путаница. Возникла необходимость серьезно рассмотреть эту проблему.

В Российской империи царские чиновники вели политику искусственного расчленения народа на придуманные ими административные «племена» и «роды». Единый хакасский народ был разделен между тремя различными уездами: Ачинским, Кузнецким и Минусинским. Имя народа заменялось обобщающими сословными наименованиями типа «ясачные инородцы», «кочевые инородцы» и др. Для всех тюркоязычных народов России было введено неправильное в этническом отношении, но общее официальное российское название «татары». Это имя по сходству языка с татарами Золотой Орды было распространено на все тюркоязычное население, попавшее в сферу российского влияния. Казалось бы, в таком «языковедческом» по происхождению термине нет ничего особенного. Однако, кроме его ошибочности, есть и другое важное обстоятельство.

В сознании народов, особенно русского народа, это название связано с именем жесточайших врагов России – монголоязычных захватчиков эпохи Чингисхана и его потомков. И хотя предки «минусинских татар» вообще никогда не участвовали в монгольских

завоевательных походах и никогда не входили ни в состав Золотой Орды, ни в Сибирское государство хана Кучума, но, наоборот, сами они являлись жертвой монголоязычных ханов, все же российские администраторы только ввиду тюркоязычности народа бассейна рек Среднего Енисея, Абакана и верховий Чулыма называли и его «татарами». Под этим несправедливым именем людей заносили во все служебные реестры и документы. Тем самым на них навсегда ставилась как бы Каинова печать: на них переносилась историческая обида и порожденная ею неприязнь русских к татарам.

Чтобы выжить и уцелеть в жестоких колониальных условиях Российской империи, «минусинские» (или «абаканские») турки под страхом правительственных репрессий принуждены были принять на себя навязанное им прозвище «татары»¹. В ту пору зародилась хакасская поговорка: «Смирной головы и сабля не отрежет».

Некоторые хакасские старики, помнящие спасительные заповеди своих запуганных царизмом родителей и дедов, до сих пор сохраняют в употреблении эти прозвища и называют себя «тадарларбыс» (мы татары) или «піс прай ясашнай инородецтербіс» (мы все ясашные инородцы). Так, например, мне еще недавно говорил на Чёрном озере Харол Кашков. К сожалению и нашему общему стыду, имперские клички, унижающие народ в глазах соседей, передаются и до сих пор воспринимаются молодежью. Употребление некоторой частью народа в качестве самоназвания прозвища «тадар чон» (татары) является нашим национальным позором, с которым следует решительно покончить.

Вопрос о самоназвании народа обосновал известный ученый С. Д. Майнагашев. Он выступил с докладом на II съезде инородцев в Чарковом улусе в 1917 г. Съезд единогласно постановил вернуть народу его древнее самоназвание – хакасы. Постановления уездного съезда Советов 1918 г. подтвердили народное решение. В то время это имя с энтузиазмом было принято хакасским народом и прочно вошло в употребление всех его этнических групп. Ныне к хакасам себя причислили и бывшие камасинцы, и так называемые чулымские татары².

Некоторые ученые заявляют, что слова «хакас» не существовало в древности, и оно якобы появилось в науке в резуль-

тате ошибки средневековых китайских летописцев. Это ложное утверждение³. Китайские хронисты записали имя народа со слов хакасских послов. Кроме того, вне всякой зависимости от китайских записей, древнее самоназвание народа, «хакас», сохранилось сквозь многовековую трудную историю хакасского языка.

Язык этот, по моему мнению, пережил три основные стадии развития: период древнехакасского языка (VI–XII вв.), период старохакасского языка (XIII–XVII вв.) и период новохакасского языка (XVIII–XX вв.). Самоназвание «хакас» существовало в древнехакасском языке, имевшем, кроме разговорной, и литературную форму, записанную руноподобным алфавитом (так называемой енисейской письменностью). К сожалению, до нас дошли преимущественно эпитафии⁴, в тексте которых не было принято употреблять имя народа.

Для становления старохакасского языка характерно появление новых прежде в древнехакасском языке небывалых явлений.

Это появление метатезы, т. е. перестановки слогов и звуков, а также возникновение стяжения гласных звуков, сопровождающееся выпадением согласного между ними. В результате первого явления – перестановки слогов – из древнего этнонима «хаКАС» закономерно образовался этноним «ХАСХа» (впервые «Земля Хасха» в источнике отмечена уже под 1293 г.)⁵.

В ту же эпоху из этнонима «хакас», при выпадении промежуточного звука «к» (или «г») и при стяжении гласных, образовался хакасский этноним «хаас» – самоназвание современной этнической группы хакасов, по-русски называющихся качинцами.

Имя «хакас», как видим, никуда не исчезло, а претерпело в XIII в. двойное видоизменение в местном старохакасском языке, приняв форму «хаас» и «хасха». Такое положение сохранилось до нас в новохакасском языке в виде слова «хаас» – самоназвания «качинцев», а также в виде имен сеоков хаасов, называющихся «Ах-Хасха», «Хара-Хасха», «Паратан-Хасха» и др. Отметим еще самоназвание «Сагай-Хаас», бытовавшее у сагайцев, проживающих в долине уйбатской Бейки и в долине реки Нини⁶.

Таким образом, научно и практически, этноним «хакас» есть подлинное историческое самоназвание хакасского народа, ко-

торым он справедливо называет себя и которое необходимо сохранять на века. Это древнее самоназвание наших предков, обитавших в Южной Сибири в VI–XII вв., в свое время было записано в средневековые китайские хроники и потому счастливо сохранилось до нашего времени в своей истинной форме⁷. Стоит задуматься над показательным фактом: в середине XIX в. китаист Н. Я. Бичурин восстановил народное имя «хакас» по древним иероглифам, ничего не ведая о том, что на свете есть люди, называющие себя именем «хаас», прямо восходящим к воссозданной им старинной форме. Позднее истинность прочтения Н. Я. Бичурина подтвердил советский востоковед Н. В. Кюннер – единственный специалист-китаист по истории Сибири.

В выступлении В. Я. Бутанаева на I съезде хакасов в 1990 г. и затем в целом ряде его заявлений и статей повторяется одно и то же утверждение, будто бы хакасы с древности называли себя «хоорай». Поэтому он даже рекомендовал съезду самоназвание хакасов изменить, а название республики утвердить в форме «Хонгоройская» или «Хоорайская»⁸. Поскольку эти утверждения и требования исходят от человека, облеченного научной степенью, то они были восприняты некоторыми людьми на веру. В действительности, они не имеют под собой совершенно никакой научной основы. Необходимо показать это людям.

Сначала рассмотрим: что такое «хоорай»?

Во-первых, слово «хорай» (или «хоорай») отсутствует в живой разговорной речи хакасов. Поэтому его нет ни в одном хакасском словаре. Во-вторых, оно не упоминается ни в одном из исторических письменных документов прошлых эпох в качестве хакасского этнонима. В-третьих, «хоорай» вообще не имеет никакого отношения к хакасским этнонимам. Его нет ни среди названий хакасских этнических групп, ни среди наименований хакасских сеоков, ни вообще среди этнонимов других тюркоязычных народов.

И в этом нет ничего случайного – ведь сохранились же от эпохи раннего средневековья такие этнонимы хакасов, как Хырғыс (от древ-

него Кыркыз), Хаас и Хасха (от Хагас/Хакас), Читі-Пүүр (от Йэти-Бори), Туран (от Туран) и т. д.⁹

В начале XVII в. русские застали в Хакасии и зафиксировали следующие этнонимы: киргизы, кызыльцы, качинцы, сагайцы, бельтиры и другие этнические группы, составлявшие хакасскую народность и частью дожившие до современности, частью переименованные (моторы, байкотовцы и др.), частью ассимилированные хакасами и потерявшие свое имя (котты, ястынцы, керельцы и др.).

Но среди исторически известных этнонимов не обнаружены ни «хоорай», ни «хоры». Таких этнонимов просто никогда не было на хакасской земле.

Только в фольклоре, среди других малопонятных терминов разного времени и происхождения, слово «хоорай» употребляется в качестве обозначения всей совокупности людей. В зависимости от контекста оно может означать и все человечество, и людей, собравшихся в одном месте. Это известно хакасам – знатокам устного творчества и было доказано И. Л. Кызласовым в специальной дискуссии на страницах журнала «Этнографическое обозрение»¹⁰, разобравшим истинное содержание всех примеров из фольклора, использованных В. Я. Бутанаевым. Не удивительно, что именно в фольклоре тюркоязычных соседей хакасов также встречается это понятие: у тувинцев «хоор чон» – народные массы, у алтайцев и киргизов «кор» – скопление людей (во время пира или конских состязаний), у якутов «хорой» означает: выставляться из среды, из народной массы¹¹.

У тувинцев есть прямой термин «хоорай», означающий город. Есть он и в хакасском языке – «коорат» (в записи Н. Ф. Катанова)¹². Появилось это слово у тюрков Енисея как народное заимствование из русского языка. Возникла звуковая адаптация слова «город», близкая к русскому оригиналу, но в то же время точно соответствующая по смысловому содержанию все тому же тюркскому понятию – скопление людей.

В фольклорных произведениях встречаются и двойные термины, которые образованы путем добавления впереди слова, являющегося усилением основного термина. Например, «аг хоора» у тувинцев, «толы хорай» у хакасов и «тоола-корай» у шорцев.

И всякий раз у саяно-алтайских тюрков это одно и то же понятие – сполна весь народ. По-якутски «толу» – полный; по-кыргызски «толу» – полный, полно; по-уйгурски «тола» – много или очень («адэм тола» – много людей). У древних тюрков «толу» – весь, полный, сполна¹³.

Итак, у тюркоязычных народов нет этнонима «хоорай» или «хорай»¹⁴.

Профессиональный историк обязан знать, что произведения устного народного творчества (сказания, сказки, песни, заговоры и т.д.) не являются прямыми историческими свидетельствами, не содержат точных, документальных данных. Все они непременно требуют специального литературоведческого и предварительного исторического анализа. В исторической науке существует отдельная область исследований, называемая критикой источников. Это критика не в привычном всем обыденном смысле, а выяснение (при помощи особых изыскательных приемов) истинности содержащихся в источнике сведений. И такая критика источников – закон для овладевшего своей наукой профессионального историка¹⁵.

Фольклорные материалы – очень специфичны для исторического осмысления. Произведения устного творчества – это художественные произведения: и сюжет, и образы персонажей, и все виды описания, включая мелкие детали, – все это подчинено в них особым законам жанра, особым правилам вымысла и поэтического выражения, а не установлениям точной передачи действительности.

По отношению к интересующему нас хакасскому фольклору в научной литературе имеются прямые предостережения крупнейшего этнографа-сибироведа, несколько лет прожившего в Абакане, С. А. Токарева, который писал: «Хакасские предания о происхождении родов собраны Катановым. Но как исторические свидетельства эти предания можно использовать только в редких случаях, и, в частности, мне кажется, тогда, когда они содержат в себе географические указания»¹⁶.

Наиболее важны здесь исследования В. Я. Проппа, установившего, что «эпос как особый вид народного творчества возникает раньше, чем создается государство», и что «легко впасть в ошибку, полагая, будто фольклор непосредственно отражает социальные

или бытовые, или иные отношения. Фольклор, в особенности на ранних ступенях своего развития, – не бытописание». Пропп доказал, что «фольклор творчески активен по самой своей природе и сущности, но творчество осуществляется на основе каких-то законов, а не произвольно, и задача науки и состоит в выяснении этих законов»¹⁷.

Филологи-фольклористы давно установили, что в хакасском эпосе, как и в шорском, вообще нет ни исторического имени народа, ни этнических имен его врагов. Нет названий этнографических групп, нет и самого понятия «род» (сеок). Есть лишь коллективный образ народа (чон), всей массы людей, населявших солнечный мир или данный чурт. В героических сказаниях также отсутствуют сцены перекочевок – народ живет оседло в аалах, в постоянных деревянных жилищах, а ханы – во дворцах. В эпосе совершенно не упоминаются шаманы. Среди богатырских эпитетов нужно отметить «ала харахтыҕ» или «хоор харахтыҕ». В первом случае – пестроглазый, во втором – сероглазый, ибо «хоор» по-хакасски означает серый, каурый¹⁸.

Произведения устного народного творчества, в силу их мечтательной сказочности и нередкой сакральности, по замыслу своему и назначению не изображают, да и не могут изображать реальную жизнь людей и существ, их общественной жизни.

Прибавьте к этому множество фантастических существ и ирреальных действий, постоянно фигурирующих в фольклорных произведениях, и вы поймете, можно ли использовать эти творения народа в качестве прямых исторических документов или даже наряду с ними.

Всего этого никак не учел В. Я. Бутанаев. Он, следовательно, оказался неподготовленным к профессиональной работе историка. Методическое неведение, простительное только дилетанту, проявилось, например, в том, что В. Я. Бутанаев предлагает ученым жившего в XVII в. хакасского князя Еренака отождествить с Оджен-пигом – героем хакасского эпоса¹⁹.

Но известный крупный монголовед-историк и фольклорист Б. Я. Владимирцов справедливо подчеркивал: «Народные сказания и легенды о какой-нибудь известной личности очень часто сильно отклоняются от исторической правды, несмотря даже

на то, что события, которые они рисуют, относятся к недавнему прошлому»²⁰. Приведу пример, показывающий, насколько справедливо предупреждение С. А. Токарева и заключение Б. Я. Владимирцова. В раннем собрании русского фольклора, составленном в Сибири в 40–60-е гг. XVIII в. и известном как «Сборник Кирши Данилова», содержится предание «Ермак взял Сибирь»²¹. Действующие лица самостоятельной прозаической части предания и его география – все реальны и историчны: царь Иван Васильевич, Ермак Тимофеевич со своими казаками, «татары котовские» (ясачные котты, жившие по правому берегу Енисея вплоть до реки Кана) и «большая быстрая Енисея-река». Но любой человек, знающий историю Сибири XVI–XVII вв., сразу увидит, что никакой правды истории в этом народном «историческом» предании нет. Например, Ермак «под Тобольском на Иртыше» не мог биться с «татарами котовскими», которые там никогда не бывали; не брал Ермак в плен и «Кучума-царя» (Кучум был убит спустя 16 лет после гибели атамана); не ездил Ермак Тимофеевич с повинною в Москву к царю Ивану Васильевичу; не посылал царь Ермака собирать дань с «татар котовских»; не бунтовали последние против казаков и не нападали «на Ермака Тимофеева на большой Енисее-реке».

И, наконец, самое главное, не погибал и не мог погибнуть реальный казачий атаман Ермак в бою «на тое Енисее – быстрой реке», коли в действительности он утонул 5 августа 1585 г. в Иртыше, при устье Вагая²².

Итак, все сибирские летописи XVII в., Синодик ермаковым казакам и другие письменные документы своей исторической правдой надежно противостоят сказочным обстоятельствам фольклорного предания.

Так можно ли слепо верить любому из исторических преданий? Или необходимо раз и навсегда осознать, что, как в данном конкретном случае, если казачий атаман Ермак Тимофеевич есть историческое лицо со своей биографией, то названный его именем герой предания – это не более чем былинный персонаж, биография которого создана творческим воображением народного сказочника.

Пренебрегая специфическими законами и методами исследования фольклорных произведений, В. Я. Бутанаев тем самым ставит себя вне науки. Поэтому к этногенетическим поискам этого автора невозможно относиться сколько-нибудь серьезно – они построены на домыслах и предположениях, за факты нередко принимаются самые наивные народные этимологии наших современников. Все это дополняется еще и ошибками в понимании встречающихся в фольклоре слов. Так, как мы видели, произошло со словом «хоорай», которому был произвольно приписан совершенно не свойственный ему смысл народного имени.

Теперь рассмотрим: что такое Хонгорой?

В построениях В. Я. Бутанаева этому слову отводится очень важное место. По его мнению, Хонгорой есть ранняя форма, от которой произошло слово «хоорай». Он полагает также, что Хонгорой было некогда названием всей страны, расположенной к северу от западносибирских хребтов²³. О чем же в действительности свидетельствуют известные и ускользнувшие от внимания В. Я. Бутанаева данные?

В 1978 г. были опубликованы три маньчжурских дипломатических документа (1708, 1712 и 1725 гг.), переведенных на русский язык. В первом из них (№ 48 от 31.08.1708 г.) правительству России был адресован протест цинских властей по поводу того, что русские люди «поставили город деревянной» «на урочищах Хонгороя». Требовалось «новопоставленной город раззорить»²⁴. Речь шла о строительстве на правом берегу Енисея в 1707 г. русского острога, который был назван Абаканским. Об этом маньчжурскому правительству в Пекин тотчас же сообщил монгольский управитель Урянхая (Тувы) князь Бубей, кочевавший вдоль русской границы и заявивший, что «тою землею Хонгороя издавна владел мой дядя Гекдун Дайчин» (последний Алтын-хан, владения которого включали озеро Косогол)²⁵.

В указанных документах речь шла об урочище Хонгорой, расположенном на правом, восточном, берегу Енисея, где «моторы Бошхак Котан с товарищи, слишком 30 человек, на Хонгорое

кочуют». И монгольский князь Бубей (в текстах: «гун Бабай» или «Банбья») «в прошлом и нынешнем году из них ясаку по прежнему уставу по пять соболей взял, а русские люди из них по соболю взяли ж». В следующем документе № 73 вновь выражен протест, что русский город «построен на месте, которое близко Хонгороя расстоянием на одно только кормище (станцию) езды», и что «оное Хонгорой место состоит во владении нашего бейлы...», а «моторы Бошхак Котан» уточнены как «бошихан котонцы», т. е. по-русски «байкотовцы» – котты из рода Бай. В третьем документе № 270, составленном 17 лет спустя, чиновники по забывчивости называют место действия просто «Хонгора»²⁶.

Из анализа дипломатических документов проистекает, что Хонгорой есть топоним – название урочища, находящегося на правом, восточном, берегу Енисея²⁷, где в начале XVIII в. проживали не тюркоязычные хакасы, а остатки кетоязычного племени коттов. По данным Б. О. Долгих, число коттов, обитавших в низовьях реки Тубы и по восточному берегу Енисея, как раз увеличилось «к началу XVIII века»²⁸.

Расселявшиеся по Восточному Саяну котты и моторы издревле славились как охотники и удачливые добытчики драгоценной пушнины, и прежде всего шкурок саянского соболя. Они являлись извечными данниками-кыштымами хакасского правящего рода Хыргыс. Но в XVII в. сами хакасы, в силу военной слабости, периодически попадали под власть то монгольского Алтын-хана, то его соперника – правителя калмыцкого Джунгарского государства.

В этих условиях в течение всего XVII в. соболевщиков-коттов принуждали платить албан²⁹ хозяева земель долины среднего течения Енисея. Именно «саянцы и моторцы» в 1690 г. просили красноярские власти: «чтоб де красноярцы поставили на Абакане острожек... и их иноземцев от киргиз оберегать» и включить их землю в русский Красноярский уезд.

После погрома «киргизской Тубинской землицы» в 1692 г., когда отрядом казаков во главе с Василием Многогрешным было убито около 700 мужчин, котты и моторцы стали облагаться ясаком и с русской стороны³⁰. В разные года им приходилось платить албан одновременно и тюркским, и монгольским феодалам,

а иногда и русским. Двоеданство и даже троеданство окончательно разоряло терпеливых охотников. Поэтому они неоднократно просили русского царя о строительстве острога в их земле и о защите их теперь от монголоязычных грабителей.

После разрушения хакасской государственности в 1703 г., как явствует из тех же документов, с двоеданцев-коттов собирали двойной албан и старая монгольская, и вновь возникающая русская власть. И вот только теперь прояснилось, почему же так называемый Абаканский воинский острог в 1707 г. был сооружен не при устье реки Абакан (как требовал под страхом смертной казни указ царя Петра I 1706 г.)³¹, а почти на 80 км ниже по Енисею, и к тому же на правом его берегу.

Дело в том, что в урочище Хонгорой давно уже располагался старый монгольский центр ясачного сбора, куда ежегодно съезжались жадные до пушнины калмыцкие и монгольские сборщики албана. Хонгорой был удачно расположен – к нему вели удобные подходы по речным притокам восточного берега Великой реки и сходились многие дороги с Запада. Здесь находилась древняя паромная переправа через русло Енисея, удобно разделенное двумя островами на рукава.

На ровной речной террасе, у отлогого берега Тихой протоки, «близко Хонгороя расстоянием на одно только кормище (станция) езды», 975 казаков за 15 дней (4–18 августа 1707 г.) построили деревянную русскую крепость, названную Абаканским острогом. Так был исполнен указ царя. Место было выбрано, конечно, давно и вполне осознанно. Город с казачьим воинским гарнизоном навсегда закрепил установление нового твердого порядка для населения всего енисейского правобережья. Отныне котты и моторы, которых в первой половине XVIII в. стали называть койбалами, перешли в подданство Русского государства и вошли в Красноярский уезд³². Установив к началу XVIII в. свой протекторат в Монголии и в Урянхае (в Туве), династия Цин возбудила с русским правительством спор о Хонгорое. Следовательно, это было важное в экономическом и политическом отношении конкретное место на карте Хакасии начала XVIII в. В этом споре стороны вообще не касались левобережных земель тогдашней Хакасии, населенных тюркоязычными группами хакасов.

Откуда же взялось название этого урочища и что оно означает? «Хонхор» по-монгольски это есть «углубление, вымоина, впадина, яма, рывина, овраг» (см. письменномонгольский, калмыцкий, хаккасский и бурятский языки)³³. «Ой» на языке монголов означает лес, бор, роща (см., например, «харанхуй ой» – дремучий лес, бурятские топонимы: «Барун ой» – Западный лес, «Зуун ой» – Восточный лес)³⁴. Следовательно, топоним Хонгорой, безусловно, монгольский и в переводе означает – лес (растущий) во впадине³⁵.

Таким образом, Хонгорой никогда не был и не мог быть общим названием Хакасско-Минусинской котловины, где в средневековье преобладало господствующее тюркоязычное население. Однако как монгольское название сборного пункта дани топоним Хонгорой обычный для Монголии и Забайкалья (см. топонимические словари Э. М. Мурзаева)³⁶ длительное время в XVII и XVIII вв. существовал на восточном берегу Енисея.

Первым из ученых о Хонгорое сообщил Ф. И. Страленберг-Табберт, проживший зимою 1721–1722 г. 24 дня в Абаканском остроге. Он отметил топоним *Honkoroï* на изданной им карте и сделал рядом с ним приписку: «*Modur Mungalogum genus*», т. е. «моторы монгольского рода»³⁷. Данные Страленберга подтверждают наличие монголоязычного топонима Хонгорой на восточном берегу Енисея и старую зависимость проживавших там моторов и коттов от монгольских феодалов.

Сказанное выше подтверждается еще тем, что приенисейские котты (самоназвание их: коттуен) и сами себя, и койбалов начали нарицательно называть «конгрыйчиен»³⁸, т. е. хонгоройцами-кыштымами, сдающими ясак в Хонгорой³⁹. (По той же схеме позже возникли наименования податного населения: томские, красноярские, минусинские, канские (и другие) татары – только по причине уплаты ими ясака и налогов в города Томск, Красноярск, Минусинск, Канск и т. д.)

Вскоре, однако, выяснилось, что правобережным коттам и койбалам (бывшим моторам) ясак теперь требовалось (от русских властей) сдавать не в Хонгорой (откуда были выдворены монголы) и даже не в заменивший его Абаканский острог, а прямо в город Красноярск. Все дело в том, что Красноярская воеводская канцеля-

рия давно зачислила восточноеенисейские земли, а следовательно, и урочище Хонгорой, в состав Красноярского уезда⁴⁰.

И тогда произошло очень показательное для нас явление. Чужое монголоязычное наименование одного урочища, ставшее нарицательным именем для жителей Восточного Саяна, было ими перенесено на русский город Красноярск – новое место сдачи пушнины в счет ясака⁴¹. И Красноярск – главный город управления и фиска Красноярского уезда Енисейской губернии – прослыл Хонгороем (Конгораем) для коренного населения Южной Сибири не только в XVIII, но и на весь XIX в.

Еще финский филолог М. А. Кастрен, путешествовавший по Восточной Сибири в 1847–1848 гг. и пристально изучавший языковую ситуацию среди аборигенов Восточного Саяна, отметил это явление. Он писал: «Относительно коттов не могу не упомянуть, что встретил близ Канска... обрусевших представителей этого племени... но водятся еще другие котты под именем конгрыйчиер. Судьба этих последних... состоит в том, чтобы смешаться с койбалами и татарами. Что касается их названия конгрыйчиер или конгорыйчиер, то так (в XIX в., – Л. К.) обозначается не собственно ответвление коттов, но вообще все те татары (Красноярского уезда, – Л. К.), которые платят подать в Красноярск, который по-татарски называется Конгорой. Это есть место, где звонят колокола»⁴². Следовательно, «конгрыйчиер» – это не этноним, а своего рода административный термин.

Даже в 1890 г. известному тюркологу Н. Ф. Катанову, совершившему путешествие по Восточному Саяну, последние кыштымы бывшего хакасского Тубинского княжества – тюркоязычные туба-тофалары – говорили, что «Красноярск мы называем Хонгорай»⁴³.

Нельзя не упомянуть, что жители Горного Алтая, запомнившие Джунгарское владычество (продолжавшееся до 1756 г.) настолько, что даже свою автономную область в 1920–1930-е годы называли Ойротской, сохраняли в XIX в. отдаленную память об этом топониме. Известный путешественник Г. Н. Потанин сообщал, например, что алтайцы реку Енисей называют Конграем. А «конграй-сагай» в их понятии – это «енисейские сагайцы». Прежде, вероятно, алтайцы слышали о кыштымах, плативших подать в Хонгорой на Енисее, но их этнического имени они знать не могли.

А вот Сагайскую тропу, ведущую с Телецкого озера в Сагайскую степь, они знали, как слышали, что где-то за сагайцами течет большая река Енисей. Таежники шорцы, как отмечал миссионер-тюрколог В. И. Вербицкий, Конгураем называли не хорошо знакомых им сагайцев, а именно степь⁴⁴.

Таким образом, и для горно-таежных соседей хакасов имя Хонгорой-Конгорой связывалось, век и даже полтора века спустя, с названием местности на Енисее.

Как мы видим, нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что тюркоязычные хакасы называли бы себя хонгоройцами, а свою страну Хонгороем.

Остается разобрать последнее: существует ли какая-либо связь между известным только в фольклоре тюркоязычным (хакасским) словом «хорай» («хоорай»), означающим «скопление народа, народные массы», и монгольским по происхождению топонимом Хонгорой, который переводится «лес (растущий) во впадине»? Не нужно быть филологом, чтобы осознать, что ничего общего между ними нет.

Но даже если бы не был проделан необходимый этимологический анализ слов «Хонгорой» из исторических документов и «хорай» из фольклора, взаимосвязывать их все равно нельзя. И не потому только, что названия эти не встречаются совместно в одной сфере их применения – ни в истории, ни в фольклоре. Предположение В. Я. Бутанаева, что «хоорай» восходит к «Хонгорой», образуясь якобы от последнего путем стяжения гласных, филологически не может быть подтверждено. Оба термина бытовали одновременно. Если бы процесс стяжения гласных завершился в более раннюю эпоху, то полная форма «Хонгорой» давно уже сменилась бы стяженной, а она продолжала существовать, как мы видели, даже в XVIII–XIX вв.⁴⁵

В научном отношении, следовательно, предположения и желания В. Я. Бутанаева несостоятельны и не могут быть приняты. Здесь нет возможности рассматривать морально-нравственную сторону попытки В. Я. Бутанаева добиться переименования хакасского народа. Она ясна каждому здравомыслящему человеку.

Хакасами назвал себя народ, освободившийся в 1917 г. от колониального рабства, хакасами умирали наши отцы, дядья и бра-

тья на фронтах Великой Отечественной войны и в период сталинских репрессий, именем хакасов гордились наши дети и должны гордиться внуки. От имени хакаса может отречься человек, который не ощущает себя хакасом ни по крови, ни по голосу предков, ни по любви к земле, к своей Родине. Если в этом заключается добрая воля человека, то ему не следует мешать, но хакасский народ к этому не должен иметь никакого отношения.

Следует беречь славное древнее имя хакасов – народа малочисленного, но крепкого по духу, способного внести свой весомый вклад в общую культуру народов Сибири. Народ получил это имя от далеких и славных предков и достойно пронес его сквозь века. Ныне в составе России создана Республика Хакасия. Пора прекратить называть себя колониальной кличкой «тадар» – ведь монгольские татары были поработителями и угнетателями хакасского народа в течение долгих столетий (XIII–XVII вв.). Как показывают факты, собранные в первой «Истории Хакасии с древнейших времен до 1917 года» – книга выпущена коллективом авторов в 1993 г. – хакасы с глубокой древности были и остаются коренными тюркоязычными жителями Хакасско-Минусинских степей и предгорий⁴⁶.

Примечания

1. Татарами принудили называться по той же причине и таких соседей хакасов, как кумандинцы, шорцы, тубалары Алтая, аринцы, тюркоязычные камасинцы Восточного Саяна, мелесцы и еежи Чулыма.

2. См.: История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 3–5.

3. Критику см.: Кызласов, И. Л. О самоназвании хакасов. – Этнографическое обозрение, 1992, № 2. – С. 52–59; он же. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай. – Там же. – С. 69–75.

4. Эпитафия (от греческого) – надгробная надпись, посвященная умершему (примечание редактора).

5. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – С. 61–63.

6. Кызласов, Л. Р. Этнонимы хаас и хасха в хакасском. – Советская тюркология, 1990, № 5.

7. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. – Л., 1950, ч. 1. – С. 350–357; Кюннер, Н. В.

Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 55–60.

8. Бутанаев, В. Я. Развитие хакасского народа до Октябрьской революции. – Газета «Советская Хакасия» от 15.08.1990, № 186.

9. Хакасско-русский словарь. – М., 1953. – С. 357–358.

10. Кызласов, И. Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай. – С. 73–75.

11. Тувинско-русский словарь. Под ред. Э. Р. Тенишева. – М., 1968. – С. 33 и 483; Киргизско-русский словарь. Состав. проф. К. К. Юдахин. – М., 1965. – С. 405; Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка /Б. м./, 1959, т. 3. – С. 3507.

12. Тувинско-русский словарь. – С. 483; Катанов, Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. – Ученые записки Казанского университета. Год 54. Казань, 1897, кн. 5 и 6. – С. 5.

13. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка, т. 3. – С. 2719; Киргизско-русский словарь. – С. 746; Уйгурско-русский словарь. Под ред. Ш. Кибирова и Ю. Цунвазо. – Алма-Ата, 1961. – С. 187; Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 573.

14. Род Хори (Хори-Тумад, Хорилар) известен у монголыязычных народностей с XIII в. Хоринцы составляют часть бурят. Часть хоринцев, попав на Лену, была обьякучена – см.: Нимаев, Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск, 1988; Широбокова, Н. Н. О якутско-монгольских контактах. – Народы и языки Сибири. – Новосибирск, 1980. По-тибетски «хор» – монголы, а «хор-йиг» – монгольские буквы – см.: Кара, Д. Книги монгольских кочевников. – М., 1972. – С. 32.

15. В. Я. Бутанаеву следовало бы знать работы прямых предшественников и прежде всего доклад хакасооведа Н. Н. Козьмина, опубликованный почти 80 лет тому назад – Козьмин, Н. Н. Исторический метод исследования. – Двадцатипятилетие Красноярского краевого музея (1889–1914). – Красноярск, 1915.

16. Токарев, С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л., 1936. – С. 86.

17. Пропп, В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. – М., 1976. – С. 26, 30, 122.

18. Дыренкова, Н. П. Шорский фольклор. – М. – Л., 1940. – С. XXVIII, XXXIV; Алтын-Арыг. Запись и перевод В. Е. Майногашевой. – М., 1988. – С. 495, 545; Унгвицкая, М. А., Майногашева, В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972. – С. 120, 130; ср.: Русско-хакасский словарь. Под ред. Д. И. Чанкова. – М., 1961. – С. 780.

19. См.: Бутанаев, В. Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв. – Материалы к серии «Народы Советского Союза». Хакасы. – М., 1990, вып.

3. – С. 179.

20. Владимирцов, Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане. – Восточные записки. – Л., 1927, т. I. – С. 271.

21. «Сборник Кирши Данилова». Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М., 1977.

22. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. – Новосибирск, 1982. – С. 192–205.

23. Бутанаев, В. Я. Этническая история хакасов XVII–XIX вв.

24. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – М., 1978, т. I, 1700–1725 гг., документы № 48 (с. 105–106), № 73 (с. 129), № 270 (с. 432).

25. История Тувы. – М., 1964, т. I. – С. 210–212.

26. Русско-китайские отношения в XVIII веке. – С. 129 и 432.

27. Через пять лет после написания этой статьи был издан еще один документ (грамота № 82, 1667 г.), содержащий изложение речи монгольских послов Алтын-хана, подтверждающее этот вывод Л. Р. Кызласова. См.: Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. Сборник документов. Составитель Г. И. Слесарчук. – М., 1996. – С. 172 (примечание редактора).

28. Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – С. 269 и карта.

29. Албан (от монгольского) – дань, подать. То же, что ясак (от тюркского) (примечание редактора).

30. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – С. 188, 192. См. также четвертую статью настоящего сборника (указание автора уточнено в соответствии с размещением статей в данной книге – примечание редактора).

31. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – С. 192.

32. См.: Потапов, Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов. – Абакан, 1952. – С. 63, 82, 98, 104, 110, 126. Саянский острог в 1718 г. был построен тоже на восточном берегу Енисея, поближе к таежному Восточному Саяну.

33. Номинханов, Ц. – Д. Материалы по изучению истории калмыцкого языка. – М., 1975. – С. 273.

34. Монгольско-русский словарь. Под ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957. – С. 294, 537; Мельхеев, М. Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1989. – С. 85, 95, 99.

35. Номинханов, Ц. – Д. Указ. соч. – С. 273; Монгольско-русский словарь. – С. 536.

36. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984. – С. 596; он же. Очерки топонимики. – М., 1974. – С. 250.

37. См.: Андреев, А. И. Очерки по источниковедению Сибири.

Вып. 2. XVIII век (первая половина). – М. – Л., 1965. – С. 42.

38. Дульзон, А. П. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. – Ученые записки Томского гос. пединститута. – Томск, 1961, т. XIX, вып. 2. – С. 169, 170; Вернер, Г. К. Коттский язык. – Ростов-на-Дону, 1990. – С. 321, 323.

39. Возможно, что на коттов (монгольских «хонхоройцев») джунгарские феодалы претендовали и ранее, еще в 40-х годах XVII в. – См.: Чимитдоржиев, Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России в XVII–XVIII вв. – М., 1978. – С. 179, примеч. 119.

40. См. примеч. 36.

41. Этот случай показывает, какое важное значение имеют экономические и политические факторы для развития языков аборигенов Сибири, а также для их собственного отношения к культуре чужеземных правителей.

42. С присоединением к России хакасский народ был разделан на «племена», одни из которых оказались приписаны для выплаты ясака к Кузнецкому острогу (шорцы, сагайцы, бельтиры), другие – к Ачинскому (кызыльцы, июские качинцы, чулымцы), третьи – к Красноярскому уезду (качинцы, аринцы, койбалы и другие «татары» восточного правобережья Енисея вплоть до бурятов и тофаларов Восточного Саяна). «Колокольный звон», упомянутый Кастреном, возможно, ранее применялся для оповещения кыштымов и в старой Хонгоройской «фактории». См.: Castren, M. A. Nordische Reisen und Forschungen. – В кн.: M. A. Castren's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849 – Herausgegeben von Anton Schiefner. – St. – Ptb., 1856. – S. 387.

43. Катанов, Н. Ф. Поездка к карагасам в 1890 году. – Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1891, т. 17, вып. 2. – С. 153. То же см.: Радлов, В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Тексты. – Казань, 1903, т. IX. – С. 622.

44. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883, ч. 4. – С. 10, 72; Вербицкий, В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий. – Казань, 1884.

45. Кызласов, И. Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай. – С. 74, 75.

46. Впервые краткий вариант статьи опубликован в газете «Советская Хакасия» от 6 августа 1991 г. (примечание редактора).

К вопросу об этногенезе хакасов

Проблема происхождения любого из современных народов есть проблема большой сложности. Общеизвестно, что для решения ее недостаточно материалов лишь одной какой-либо науки, а необходим комплексный анализ данных целого ряда наук и прежде всего: истории, археологии, антропологии, лингвистики и этнографии.

Процессы формирования народов, изучаемые с позиций исторического материализма, раскрывают нам сложную динамику этногенеза тех или иных этнических групп, свидетельствующую о подлинном историческом их развитии. При этом следует иногда различать вопросы происхождения и развития языка от вопросов происхождения и развития того или иного народа, ибо язык зачастую мог восприниматься или же один язык мог одерживать победу над другим в период их взаимодействия.

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы раскрыть имеющимися в настоящее время средствами науки процесс формирования самого народа, а не только языка, на котором он теперь говорит и на котором полностью или частично мог и не говорить даже не в столь отдаленном прошлом.

I

Формирование современного хакасского народа имеет свою историю, которую следует начинать с весьма отдаленного времени, во всяком случае со II в. до н.э. К этому выводу давно уже пришел крупнейший специалист по древней и средневе-

ковой истории народов Сибири член-корреспондент АН СССР С. В. Киселев. В своем капитальном труде «Древняя история Южной Сибири»¹, характеризуя терракотовые маски из погребений таштыкской эпохи (I в. до н. э. — V в. н. э.), он пишет: «...портретные погребальные маски позволяют сделать вывод очень большого исторического значения: они дают основание связать формирование современного хакасского населения со всей предшествующей историей Минусинской котловины. Они позволяют тем самым и приемников таштыкского населения, предков современных хакасов, енисейских кыргызов VI–X вв., считать народом, сложившимся на том этническом материале, который пережил столь сложные изменения в таштыкское время»².

Исследования немногочисленных китайских письменных источников в сопоставлении с громадным археологическим материалом раскрывают картину сложных этнических преобразований в населении Хакасско-Минусинской котловины в период II–I вв. до н. э.

В так называемую «тагарскую эпоху» (VII–III вв. до н. э.) на этой территории проживало население, отличавшееся европеоидным физическим типом, говорившее на языке нетюркской языковой группы, которое китайские источники называли динлинами.

В конце III века до н. э. в Центральной Азии сложился мощный гуннский племенной союз, во главе которого стоял удачливый военачальник Модэ-шаньюй. Годы его пребывания у власти (209–174 гг. до н. э.) ознаменовались началом широкой экспансии гуннов на Китай и окружающие их инородные племена, находившиеся, как и гунны, на стадии разложения первобытнообщинных порядков.

Как известно, эпоха разложения первобытнообщинного строя и перехода к классовому обществу характеризуется значительным усилением межплеменных столкновений, ведущих, при взаимодействии и смешивании разнородных этнических компонентов, к сильному изменению этнической карты той или иной географической области, к появлению новых родоплеменных общностей.

Под 201 г. до н. э. китайские источники, среди прочих покоренных гуннами племен, называют динлин и гэ-гунь, или гянь-гунь. Так впервые в источниках появился этноним гяньгунь, который,

по мнению большинства ученых, есть ранняя китайская транскрипция имени тюркоязычных кыргызов. И действительно, даже в китайском тексте IX в. на известном Хара-балгасунском памятнике кыргызы названы именно гяньгунями, как, впрочем, это имя упомянуто и в других китайских источниках VIII–XI вв. Если динлины населяли в тагарскую эпоху Хакасско-Минусинскую котловину, то гяньгуни тогда жили в Северо-Западной Монголии в районе современного озера Кыргыз-нур; территория же современной Тувы была заселена племенами – создателями так называемой «уюкской» культуры. Таким образом, шедшие с юга гунны в 201 г. захватили Северо-Западную Монголию, Туву и Хакасско-Минусинскую котловину, разгромив военною силою существовавшие там племенные союзы гяньгуней, уюкцев и динлин. Сравнительно скурые сообщения письменных источников хорошо подтверждаются и конкретизируются археологическими данными. Именно в конце III в. до н. э. заканчивают свое существование цветущие культуры раннего железного века: уюкская в Туве³ и тагарская на Среднем Енисее.

На территории Хакасско-Минусинской котловины первый период владычества гуннов продолжался с 201, примерно, по 74 г. до н. э. В это время здесь впервые появляются тюркоязычные племена – гяньгуни, часть которых под натиском гуннов, а, возможно, и в результате принудительного переселения попадает на Средний Енисей. Их появление нашло отражение в археологических материалах, которые, однако, свидетельствуют и о том, что сами гунны не поселились здесь, оставив лишь, видимо, свои гарнизоны во главе с наместником. Таким наместником в начале I в. до н. э. был известный китайский полководец Ли Лин, попавший в плен к гуннам в 99 г. до н. э. Дворец Ли Лина, в 9 км к юго-западу от г. Абакана, был раскопан археологами.

После смерти Ли Лина в 74 г. до н. э. гяньгуни вместе с оставшимися динлинами составили антигуннскую коалицию, освободились от гуннов и на протяжении четверти века вели борьбу с ними, совершая военные набеги через Туву на Центральную Азию.

Однако в 49 г. до н. э. северные гунны во главе с Чжичжи-шаньюем вновь на короткий срок завоевали все эти территории,

причем Чжичжи с огромной армией поселился на родине гяньгуней в районе озера Кыргыз-нур. С этими событиями связано новое вытеснение тюркоязычных гяньгуней со старых мест и переселение их к северным сородичам в Хакасско-Минусинскую котловину. Эта волна переселенцев во взаимодействии с динлинами и заложила здесь основы новой таштыкской культуры, начало которой относится как раз к середине I в. до н. э.

Таковы основные события (не вдаваясь в детали), которые привели во II–I вв. до н. э. к первому появлению тюркоязычного населения в Хакасско-Минусинской котловине и к его взаимодействию с оставшимися здесь аборигенными нетюркоязычными племенами. Естественно, что в основной своей массе тюркоязычные гяньгуни-кыргызы и пришедшие с ними тувинские уюкцы, антропологически смешанные или принадлежавшие к центральноазиатскому монголоидному типу, привели к сильному изменению физических особенностей населения Хакасско-Минусинской котловины, которое, как уже указывалось, было до этого времени европеоидным.

Именно этот процесс кратко отмечен в китайской истории династии Тан (Таншу), где о кыргызах-гяньгунях, уже живущих на Енисее, сказано: «Их племена смешались с динлинами».

Тюркские языки, как известно, к современности (XIX в.) вышли победителями у коренных народов на всем Саяно-Алтайском нагорье, однако как в раннюю эпоху их появления, так и в средневековье, вплоть до начала XIX в., на территории Хакасско-Минусинской котловины и окружающих ее горно-таежных районов всегда жила группа племен, различающихся как по своему происхождению, так и по языку. Эта исторически сложившаяся со времени II–I вв. до н. э. — V в. н. э. этническая пестрота населения является важнейшей особенностью этногенетического процесса, протекавшего в Хакасско-Минусинской котловине, без учета которой невозможно понять не только этногенез хакасов, но и решать вопросы происхождения ряда современных народов Сибири, причем не только южных, но и северных ее областей.

Твердо установив, что тюркоязычность на Среднем Енисее появилась лишь во II–I вв. до н. э., можем ли мы выяснить, не имея никаких письменных сообщений, на каких языках говорили жившие здесь люди до прихода тюркоязычных кыргызов? Да, до известной степени можем, если привлечем для этого один из важнейших источников, к которому, к сожалению, мало обращаются наши ученые и, в первую очередь, лингвисты. Источником этим является топонимика – главным образом древние названия рек, которые в большинстве своем сохраняются даже при смене языка населения на данной территории. В эти названия рек входит обычно элемент в значении «вода», «река» на аборигенном языке, к которому затем при смене языка иногда вновь добавляется «вода» или «река» на новом языке без существенного изменения старого названия, что свидетельствует о непонимании последнего новым населением этих мест.

Анализ топонимики Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих к ней районов свидетельствует о том, что наряду с наслоившимися тюркскими топонимами более позднего происхождения здесь в основном господствовали топонимы, разъясняющиеся из угорских и самодийских языков.

По-самодийски: «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы) – вода. Этот термин носят следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Ерба (Чорба) и т. д.

Чрезвычайно важно, что эти названия рек встречаются на единой территории, которая охватывает целиком Восточные Саяны (от реки Оки на востоке и до Енисея на западе), часть Западно-Саянского хребта, где они заходят на левобережье Енисея, так же как и в районе Ерба (Чорба).

Такая географическая локализация этих топонимов, преимущественно в горно-таежном районе енисейского правобережья, т. е. как раз на территории исторически зафиксированного расселения, ныне полностью отюреченных, но еще до начала XIX в. сохранявших элементы родного языка самодоязычных групп (койбалы, маторы, карагасы, часть камасинцев) – позволяет

утверждать, что указанные выше топонимы являются, безусловно, самодийскими, свидетельствующими об исконном заселении самодийцами этого района.

Угорские топонимы распространены на другой территории. Они охватывают южную и, отчасти, западную часть Хакасии и весь Северный Алтай⁴ от Горной Шории до Кемерово.

Известно, что угорские термины «ас» или «ес» означают река. По-хантски «ас» соответственно – большая река, и, в частности, Обь просто называется Ас или Ес, так же называют некоторые группы мансей и реку Иртыш – Ас или же Катан-ес, т. е. татарская река. Енисей по-угорски – Кокынг-ес, река Таз – Тас-мес и т. д. Термины «ас» и «ес» входят и в такие слова хантов, как «пас» – протока, «оуес» – низовье реки, «натес» – ручей. Все это свидетельствует о том, что в древности термины «ас» и «ес» в значении река – большая река и, очевидно, вода (ср. мансийское «Ась» – море) в угорских диалектах были более широко распространены, чем в настоящее время.

И вот в указанных местах Саяно-Алтайского нагорья распространены очень древние названия рек, которые невозможно расшифровать с тюркских языков и которые являются угорскими. В Хакасии это: Асхыс (Аскиз), Ес-сух или Ис-сух (образующаяся при слиянии рек М. Есь и Б. Есь), Тес-сух, Бес-сух, Магази-сух, Базы-сух, Избас, Албас, Сарас и т. д. На Северном Алтае: Мрас-су, Тельбес-су, Терес-су, Кырмес, Тесь, Бадавас, Каз, Тутуяс, Антибес, Кельбес, Кибрас и др.⁵

Названия речек в форме Ес-сух, Бес-сух, Базы-сух (Хакасия) и Мрас-су, Терес-су, Тельбес-су (Северный Алтай) доказывают, что тюркский термин «сух» (хакасы) и «су» (шорцы) – вода, река присоединен к более древней угорской основе, в которую входило угорское «ас» – «ес», само уже означающее реку, воду.

Аналогичная топонимика есть как раз в Западной Сибири в местах, где жили раньше или же и сейчас живут ханты. Например, в районе расселения селькупов: Нопас-кы, Локес-кы, Косес и др.; в районе расселения хантов: Тартас, Туртас, Таурас, Рогарес, Кутис, Атнис; речка Порос у Томска и т. д. Причем здесь уже угорское название не имеет более поздних наслоений вроде тюркского «сух» – «су» или селькупского «кы».

Есть и еще одна группа угорских топонимов, распространенная на тех же территориях, с окончанием на «сос», «зос», «зас», «сас» от угорского «сос» (шош) – речка, ручей. Это действительно небольшие речки – притоки: Сос, Онзос, Кызас, Канзас, Анзас, Кайзас, Хабзас (Хакасия), Пызас, Майзас, Узас, Калзас, Сынзас, Базас, Укзас, Барзас, Алзас и т. д. (Северный Алтай)⁶.

Те же топонимы известны также только в Западной Сибири: реки и поселки Узас, Майзасс, Кейзасс на правых притоках реки Тары и речка Айсаз в бассейне Васюгана.

Следует отметить, что некоторые современные исследователи, вслед за В. В. Радловым, ошибочно считают, что топонимы Саяно-Алтайского нагорья с окончанием на «зас» – «сас» являются кетскими (от кетского «сес» (шес) – река, ручей). Но это невозможно по следующим существенным обстоятельствам:

1) кетское «сас», из которого можно было бы объяснить «зас» – «сас», является множественным числом от «сес» и означает реки. В таком значении оно не могло входить в окончание названия одной речки;

2) на территориях прежнего и современного расселения кето-язычных племен (аринов, ассанов, коттов, части камасинцев и современных кетов) нет названий рек с вышеприведенными топонимами. Там распространены топонимы с окончанием на «дат», «тет» от коттского «сет» (шет) – речка и аринского «сат» – река (Итат, Чердат, Ирдет, Тюхтет, Тайшет и др.) и «ул» от кетского «ули» – «уль» – вода (Агул – приток Кана, Тагул, Ибрюль и т. д., да и сам Кан переводится с кетского как путь, дорога);

3) современные данные по этнографии кетов не находят никаких связей с археологическими культурами Хакасии и Северного Алтая.

Таким образом, эти топонимы, безусловно, угорские. «Зас» – «сас» есть лишь современное тюркское звучание угорского «сос» – речка, которое, впрочем, сохранилось в Хакасии и в прямом своем произношении – речки Сос, Онзос и др. (ср., однако, реки Айсаз, Узас и др. в Западной Сибири).

В древности на всех этих территориях угорских топонимов было неизмеримо больше, что, например, наглядно вид-

но и по самым старым картам этих районов в «Чертежной книге Сибири», составленной известным русским картографом С. У. Ремезовым в 1701 г. По этим картам видно, что сходные по топонимике районы Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири тогда еще не имели разрыва, составляя единую топонимическую область.

Кроме того, на «Чертеже земли Красноярского города» Ремезовым показан правый приток Енисея – Язагал, т. е. Асигал, что по-угорски значит буквально малый приток большой реки, ибо «игал» на ваховском диалекте хантыйского языка означает малый приток реки. Это, очевидно, подтверждает, что раньше угры, некогда жившие на Енисее, называли его так же Ас, как и их потомки.

Отметим, что река Чулым чулымскими тюрками, по данным С. Е. Малова, называется Цёим, что совпадает с хантским «сойм» – одно из значений реки⁷.

Из приведенного анализа топонимике представляется несомненным, что в дотюркскую эпоху угры населяли левобережье Хакасско-Минусинской котловины и Северный Алтай⁸, а самодийцы – правобережье котловины и Восточные Саяны.

Угорские и самодийские топонимы имеют то чрезвычайно важное значение, что они доказывают распространенность здесь до II–I вв. до н.э. угорских и самодийских этнических групп, в которые во II–I вв. до н.э. впервые влились тюркоязычные кыргызы-гяньгуни.

III

Находят ли вышеразобранные топонимы соответствие в исторических материалах того времени? Да, находят, и в первую очередь в археологических памятниках тагарско-таштыкского переходного этапа (II–I вв. до н.э.) и памятниках таштыкской эпохи (I в. до н.э. — V в. н.э.). Не имея возможности излагать здесь в деталях специальный анализ археологических материалов, который, кстати, изложен в книге, скоро выходящей в свет⁹, позволю себе кратко остановиться лишь на основном.

После удара гуннов в 201 г. до н.э. часть разбитых тагарских угров (динлинов) бежала из привычных им степей в северную ле-

степную зону по линии Красноярск – Мариинск, где впервые в это время появились тагарские курганы конца II-й и III-й стадии, датирующиеся II–I вв. до н.э. Это бегство положило начало первому проникновению ранних угров в Западную Сибирь, которое зафиксировано пока появлением на Оби целой серии тагарских комплексов этого времени. Но значительная часть динлинов осталась на прежней своей родине, попав в зависимость от гуннов и вступив во взаимодействие с пришлыми тюркоязычными кыргызы-гяньгунями, что привело к сложению здесь новой таштыкской культуры и сложению смешанного физического типа этой раннеугорской этнической общности, которая на раннеташтыкском этапе (I в. до н.э. — I в. н.э.) достаточно отличалась от пришельцев. Различие проявилось в обособленном устройстве могильных сооружений, главным образом грунтовых могил, с преобладающим обрядом трупоположений с тагарскими масками и погребальными куклами, в то время как пришлые кыргызы с частью «непоследовательных» угров хоронили в склепах, представляющих собой полуземлянки с деревянной конструкцией.

Грунтовые могилы дали большой палеоэтнографический комплекс явлений материальной и духовной культуры, который целиком совпадает с современным хантским и не находит себе (как комплекс) параллелей ни в других археологических культурах, ни в этнографии современных народов Сибири. Это подтверждается палеоантропологическими исследованиями Г. Ф. Дебеца, который, изучив черепа из раннеташтыкских грунтовых могил, пришел к выводу, что «они сходны, скорее всего, с осянками»¹⁰.

Постепенно пришлые кыргызы, после окончательного освобождения от гуннов в 30-х гг. I в. до н.э., стали оказывать сильное давление на ранних угров, которые ко II в. н.э. в значительной своей части удалились вниз по течению Томи на Обь, вслед за своими тагарскими предками. Это переселение находит свое отражение и в археологических материалах с территорий Верхней и Средней Оби, а также нашло свое отражение в том, что грунтовые могилы, до того бывшие многочисленными, со II в. н.э. уже не сооружались на территории Хакасско-Минусинской котловины.

Что касается самодийских племен в эту эпоху, то их памятники, ввиду недостаточной археологической изученности Восточного Саяна, в основной своей массе еще не выяснены. Но следует указать, что памятники правого берега Енисея настолько существенно различались в таштыкскую эпоху от левобережных, что есть основание предполагать этническую обособленность оставившего их населения, которое, возможно, было самодийским по языку. Наиболее важным археологическим свидетельством присутствия самодийцев являются сделанные нами в одном из склепов на Сырах находки двух статуй взнузданных северных оленей, являющихся свидетельством того, что в первые века нашей эры в горно-таежном окружении Хакасско-Минусинской котловины жили охотники-оленоводы, а таковыми всегда за всю их историю были самодийские племена, впоследствии распространившие оленеводство по всему сибирскому Северу.

После того, как около середины I в. н. э. основная масса ранних угров – потомков тагарских динлинов, послужившая ядром для сложения современных обских угров (конкретно хантов), — удалась из Хакасско-Минусинской котловины в Западную Сибирь, часть их продолжала оставаться, смешавшись с кыргызами и войдя в их племенной состав. Свидетельством тому являются многочисленные факты сохранения сильных тагарских традиций и специфических угорских черт в памятниках II–V вв. Вместе с тем некоторые родовые группы угров продолжали жить, в особенности в горно-таежных местах, сохраняя в относительной чистоте свой физический тип и язык благодаря изоляции от тюркоязычного населения.

Кроме того, имеются факты, свидетельствующие о замедленном процессе отюречивания и ассимиляции угров и самодийцев также непосредственно в степной зоне, что объясняется малочисленностью тюркоязычного кыргызского населения.

Итак, в период первых пяти веков нашей эры следует констатировать этническую неоднородность и пестроту родового состава у населения Хакасско-Минусинской котловины, где наряду с тюркоязычными кыргызами продолжали жить угрозязычные потомки динлинов и самодийские группы. Эта особенность этногенетического процесса наложила яркий отпечаток на все даль-

нейшее его развитие, вплоть до образования современного хакасского народа.

В этом отношении показательно неоднократно высказанное мнение известного антрополога Г. Ф. Дебеца о том, что «относительно слабая монголоидность хакасов, по всей вероятности, объясняется сохранением в их составе древнего европеоидного типа минусинских степей, господствовавшего там в тагарское время. Погребальные маски таштыкской культуры характеризуются теми же признаками, что современные сагайцы и бельтыры»¹¹.

IV

Теперь рассмотрим период VI–X вв., вошедший в историю как период Древнехакасского государства, сложившегося в VI в. Ассимиляция не закончилась и в это время. Имеется целый ряд свидетельств того, что древние хакасы не были чем-то цельным в этническом отношении, а состояли из ряда племен, различающихся между собою и по происхождению, и по языку, хотя в то время уже слагалось тюркоязычное ядро в результате тюркизации части угров и самоедов.

Именно в этот период впервые в исторических источниках появляются термины «хакас» и «кыргыз» для обозначения населения Хакасско-Минусинской котловины. Термин «хакас» встречается лишь в очень осведомленных китайских источниках, и появляется он после того, как, по свидетельству истории династии Тан, гяньгуньские «племена смешались с динлинами»¹².

Западноевропейские, арабо- и персоязычные авторы, а также памятники орхонских тюрок употребляли термин «кыргыз», первое упоминание которого относится к VI в. в сообщениях византийского историка Менаандра¹³.

Этническая неоднородность древних хакасов проявляется в целом ряде фактов. К этому времени, как известно, относится появление на Енисее своей письменности на тюркском языке, так называемой «енисейской письменности». И вот любопытно, что в енисейских письменных памятниках (эпитафиях на каменных стелах, надписях на скалах и отдельных предметах), найденных в большом числе как в Хакасско-Минусинской

котловине, так и в Туве, ни разу не упоминается имени кыргыз, но всегда лишь название отдельных племен. Фактически нет никаких данных считать, что термин «кыргыз» является самоназванием всех племен, входивших в состав Древнехакасского государства. Тюркоязычные кыргызы, будучи ядром, объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена и рода (угорские и самодийские), входившие в одно государственное целое, продолжали оставаться малочисленными. Недаром в известном памятнике древнетюркского полководца Кюль-тегина (VIII в.) сказано при описании войны орхонских тюрок с кыргызами: «мы завели порядок в немногочисленном народе кыргызов»¹⁴.

Именно в силу главенствующей роли кыргызов в государстве, население которого составляли разноязычные родоплеменные группы, орхонские тюрки и западные авторы называли все эти племена кыргызами.

Но по той же причине хорошо осведомленные китайцы в эпоху Тан называли их не кыргызами, а хакасами, хотя собственно термин «кыргыз» (в китайской транскрипции – гяньгунь) был им известен, и именно он употреблен в китайском тексте Хара-балгасунского памятника IX в.¹⁵ и в ряде источников VIII в. («Ю-ян цзацзу» и др.).

В чем же здесь дело? А дело, видимо, в том, что китайское «хакас», вопреки мнению ряда исследователей, не является транскрипцией тюркского слова «кыргыз», которое китайцы ранее и в эту эпоху транскрибировали, очевидно, как гяньгунь, а позднее, в истории династии Юань (Юаньши, XIII–XIV вв.), передавали гораздо точнее в форме «ки-ли-ки-цзе» (цзилицзисы).

Китайский термин «хакас» гораздо шире, чем «кыргыз», и точнее, ибо это имя действительно охватывало все, в том числе и кыргызские разноязычные племена, входившие в Древнехакасское государство. По недавно высказанному предположению С. Е. Малова, китайское «хакас» происходит от «карагас»: «Ведь китайцы под хакасами-карагасами могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами»¹⁶. Это мнение С. Е. Малова уже близко к истине, однако оно не может считаться решением вопроса.

Термин «хакас», употребляемый правильно китайцами, не являлся собственно китайским, так как в китайской транскрипции

его иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли и поэтому варьируются, утрачивая присущий им собственный смысл. Так китайцы транскрибируют лишь чужеземные слова.

Совершенно ясно, что сохранный китайскими летописями термин «хакас» является местным термином. Как его расшифровать?

Как известно, долгие гласные в современном хакасском языке имеют вторичное образование в результате стяжения двух гласных вследствие выпадения согласного между ними, чаще всего г, ɣ, к, х и ц. Сравните: хак. «оол» и древнетюркское «огул» в значении сын, парень, хак. «аас» и древнетюркское «агыз» – рот.

С этой точки зрения представляется, что совершенно прав тюрколог Н. Г. Доможаков, выявивший недавно, что древнее «хакас» является нестяженной формой слова «хаас», в котором теперь выпал звук «к» или «ɣ». А «хаас», как известно, есть самоназвание одной из групп хакасов, неточно по-русски называемых качинцами¹⁷.

При всем том и древнее «хакас», и современное «хаас» не являются изначально тюркскими терминами так же, как и «карагас», т. к. они не переводятся и не осмысляются с тюркских языков. Это термины самодийские. Здесь большую важность имеет доказанный исследователем самодийских народов Г. Н. Прокофьевым факт, что термин «кас» – «хас» является самодийским в значении «человек, мужчина, люди» и что он входит в самоназвание ряда самодийских племен, в древности распространившихся на север с Алтае-Саянского нагорья (сравни: «хасава» – самоназвание ненцев). По Г. Н. Прокофьеву «карагас» просто переводится «журавлиные люди»¹⁸.

Помимо самоназвания «хаас», основное ядро хакасской группы хаасов, как известно, составляют сеоки и их подразделения с наименованиями «хасха»: ах-хасха, паратан-хасха, тай-джан-хасха и ўс-хасха, в которые также входит этноним «хас».

Этот этноним входит и в отмеченные Н. Г. Доможаковым наименования групп, не являющихся родовыми: хара хаас, кӧк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) и т. д. Следовательно, широко распространяясь у хакасов, этноним «хаас» имеет, несомненно, самодийское происхождение, так же как и само-

название ныне тюркоязычных, а прежде, как это исторически нам известно, в основном самоедоязычных¹⁹, соседних с хакасами карагасов (сеоки «каш» и «сарыг каш») и кашинцев XVII в. Это только доказывает, что основное ядро качинцев является отюреченными в глубокой древности самодийцами, сохранившими до нашего времени свое самоназвание. Судя по древности качинского языка, этот процесс проходил еще в эпоху Древнехакасского государства, VI–X вв.²⁰

Таким образом, древний термин «хакас» правильно характеризует разноязычное население этого государства, ибо в нем содержится первое свидетельство наличия, наряду с киргизами-гяньгунами, «касских» самодийских по происхождению племен.

Прямые, на этот раз языковые, подтверждения этому находим в Таншу и других китайских источниках VI–X вв.

Там, с одной стороны, среди упоминаемых хакасских слов имеются явно тюркские, по-китайски транскрибированные слова: «гань» (кам) – шаман, «бей» – бег, «ай» – месяц, «сзе-му» (сыын) – марал, «меу-сзе» (мус) – лед, «со» (сол) – левый и т. п. Но в то же время рядом с ними фигурируют и самодийские слова: «кя-са» или «цзя-ша» (кысе) – железо (а не тюркское «темир»), «мидичжита» (меади – миди) – место палатки, «А-бу» – река Абакан (с явным самодийским топонимом «бу» – вода) и др.

Даже сам титул государя (кагана) хакасов Ажо не является транскрипцией тюркского «каган» или «хан», а лишь самодийским: «ацсе» – отец, в значении – отец страны.

Весьма вероятно, что и приводимое китайцами название Енисея «Кян», которое можно читать и как Кем или Ким, происходит от самодийского «ке» или «кы» – река (сравни хакасское «ким» и тувинское «хем»), так как в тюркских языках, кроме языков современных народов Алтае-Саянского нагорья, такого термина в значении реки или воды нет, а на территории самоедоязычных селькупов имеются названия рек Кем и Кемчуг.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что и в VI–X вв., подобно периоду I–V вв., на территории Хакасско-Минусинской котловины существовала этническая пестрота населения. Здесь, наряду с тюркоязычными киргизами и уграми, проживали и име-

ли большую силу самодийские родоплеменные группы. Однако здесь же жила и уже отюреченная часть угров и самоедов, расселяясь в степной части котловины.

Кроме того, в этот период времени сюда проникают алтайские и центральноазиатские тюрки, что нашло себе отражение как в письменных, так и в археологических данных. Первые сведения об этом содержатся в упоминавшемся уже орхонском тексте памятника Кюль-тегина. Там говорится, что в начале VIII в. каган орхонских тюрков Мочжо (Капаган-каган) после победоносного похода выселил часть киргыз из долины Енисея и их землю передал тюркам. Это видно и по археологическим данным, в особенности для IX–X вв., т. е. для времени, когда хакасы, руководимые киргизами, разгромили в 840 г. каганат уйгуров и включили в свое государство Алтай, Туву и Центральную Азию²¹. Население этого государства, естественно, стало еще более пестрым в этническом отношении. Для этого времени археологи зафиксировали на Среднем Енисее значительный прилив тюркского населения, резко выделяющегося свойственным ему с древности алтайским обрядом погребения – с конем, в то время как для киргизов-гяньгуней уже со II в. до н. э. был характерен лишь обряд трупосожжений, зафиксированный археологами, что совершенно совпадает и с сообщениями разноязычных восточных²² и западных авторов от VI вплоть до XVII в.²³

К тому же времени относятся погребения по обряду трупосожжения с хакасскими вещами, которые также впервые появились на территориях Алтая, Тувы и Центральной Азии.

Из-за устойчивого обряда трупосожжений, к сожалению, мы не имеем краниологического²⁴ материала и, следовательно, не имеем представления о физическом типе киргизов. Исключением являются таштыкские погребальные маски II–III вв., которые, по-видимому, позволяют говорить о смешанном типе, хотя среди них встречаются европеоидные и монголоидные маски, что само по себе подчеркивает неоднородность, механическую смешанность типов и характеризует все население, а не только киргизов.

О физическом типе хакасов VI–X вв. мы имеем представление по письменным источникам того времени, среди которых китайские наиболее подробны.

В Таншу²⁵ говорится: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин (китайского полководца – наместника гуннов, — Л. К.)». В этой характеристике Таншу хорошо отражен смешанный состав хакасов, среди которых, наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми потомками динлинов, были черноволосые и кареглазые люди.

Персидский автор XI в. Гардизи, заимствовавший свои данные у арабского географа VIII в. Ибн-Мукаффы, сообщает о том, что у кыргызов «красные волосы и белая кожа».

Эти данные отмечают значительное своеобразие древних хакасов, отличающее их от типичных монголоидов и свидетельствующее об устойчивости черт старого динлинского типа. Следует также отметить прямое указание одного китайского источника VIII в. («Ю-ян цзацзу», глава 4, стр. 2), где подчеркнута различное происхождение собственно кыргызов и орхонских тюрков: «Племена гяньгунь не принадлежат к расе волков (т. е. тюрков, — Л. К.)».

V

Приведенные выше данные по этническому составу населения Хакаско-Минусинской котловины не изменились ни в домонгольский (XI–XII вв.), ни сколько-нибудь существенно в монгольский период (XIII–XV вв.), так как собственно монгольские племена в массовом порядке не переселялись на эту территорию даже после захвата ее монголами в 1207 г. Это не значит, что сюда не проникали в это время монголыязычные и иные этнические элементы, но об этих проникновениях мы пока не имеем данных. Следует отметить, что неоднократные восстания хакасов, во главе которых по-прежнему стояли кыргызы, вызывали карательные походы монголов, огнем и мечом усмирявших непокорное население. Монголы даже несколько раз высылали группы «мятежников» за пределы страны. Такие переселения были произведены в 1276 и 1293 гг. В 1276 г. монголы в Приамурье (нижнее течение Сунгари) в области Апалаху основали город Чжао-чжоу и насели-

ли его «людьми из племен Усухань, Ханас (хакас? – Л. К.) и Цилицзис (кыргыз, — Л. К.)». В 1295 г. там было учреждено военно-хлебобашное поселение²⁶.

В 1293 г. император Хубилай переселил одну группу кыргызов в На-ян, в Северную Маньчжурию.

Монгольское завоевание и угнетение привели к резкому падению культуры хакасов, расцвет которой в VI–XI вв. так хорошо известен благодаря подробным сообщениям письменных источников и многочисленным археологическим материалам. Уменьшилось в связи с войною и выселениями количество населения. Отметим, что подробное описание внешности хакасов, данное в Таншу, уже не повторяется в истории монгольской династии Юань (Юаньши), и может сложиться представление, что среди хакасов к этому времени блондинов уже не оставалось. Однако это не так (возможно, конечно, только для групп, проживавших на Чулыме), так как имеется сообщение арабского географа начала XIV в. Ибнфадлаллаха Эломари, который, со слов купцов-очевидцев, сообщает о живущих «в землях Сибирских и Чулыманских» людях: «Нет... красивее их телом и лучше их по белизне. Фигуры их совершенство создания по красоте, белизне и удивительной прелести; глаза у них голубые»²⁷. Эти данные о блондинах на Чулыме, вероятно, следует связывать с кызылами, или кызыльцами (кызыл – красный), которые, по сведениям И. Фишера, посетившего их в 1741 г., называются кызыльцами «из-за рыжих волос, которые будто бы были у их предков; ибо это среди татар большая редкость».

К началу XIII в. относится и первое упоминание в источниках о сагайцах. Они упомянуты в форме «сагаит» монгольской хроникой 1240 г. «Сокровенное сказание»²⁸. Их называет также, в числе тюркских племен, в своем «Сборнике летописей» знаменитый персидский историк начала XIV в. Рашид ад-Дин в форме «сагаит» или «сакаит», но, к сожалению, не сообщает никаких подробностей²⁹. Поскольку «т» есть одно из окончаний множественного числа в монгольском языке, то следует полагать, что в XIII в. сагайцы называли себя так же, как и теперь, — «сагай». Юаньши (под 1293 г.) упоминает уже и «хасха» – качинцев.

Приведенное выше сообщение Эломари является важным свидетельством того, что и к XIV в. физическая ассимиляция потомков древнего европеоидного населения еще не окончилась. Это подтверждается и тибетскими летописями XIII–XIV вв., где о хакасах говорится: «Они имели голубые глаза и рыжие волосы»³⁰.

Однако языковая ассимиляция (отюречивание) в степной зоне в XI–XV вв. значительно продвинулась вперед и, во всяком случае, тюркоязычное ядро хакасов (кыргызы, сагайцы, качинцы и шорцы) значительно возросло.

При всем том и в период XI–XV вв. население Хакасско-Минусинской котловины в целом, при учете замедленности процесса ассимиляции, продолжало, очевидно, быть еще достаточно пестрым по этническому составу.

VI

Близкую в своей основе, хотя, конечно, и не тождественную в деталях, картину застали на Среднем Енисее первые русские землепроходцы в самом начале XVII в., когда, наряду с тюркоязычными енисейскими кыргызами и целым рядом других, отюреченных к тому времени племен, составлявших основное население «кыргызских» княжеств, здесь продолжали обитать самодоязычные (в основном Тубинское княжество на правом берегу Енисея и в междуречье Енисея и Абакана), кетоязычные (район Красноярска и бассейн Кана) и угроязычные мелкие этнические группы, вошедшие к XIX в. в состав современных хакасов.

Русские документы XVII в., хранящиеся в обширном фонде Сибирского приказа, до сих пор изучены и опубликованы еще далеко недостаточно для того, чтобы составить себе детальное представление об этническом составе населения того времени. Эту работу еще предстоит проделать. Кроме того, следует заметить, что и в известных документах содержатся иногда противоречивые сведения или же факты приведены в таком изложении, которое позволяет истолковывать их по-разному, и поэтому необходима критическая оценка всех источников. Следовательно, до полного научного освоения всех этих документов, очевидно, не следует делать кате-

горических выводов, тем более без учета данных других отраслей исторической науки или же выводов таких важных для выявления вопросов этногенеза наук, как лингвистика и антропология.

На основании опубликованных источников по XVII в. применительно к этногенезу хакасов можно сделать, очевидно, следующие общие заключения.

К началу XVII в. на территории Хакасско-Минусинской котловины сохранялась феодальная раздробленность, начало которой, судя по письменным источникам, восходит еще к XIII в. Здесь существовало 4 патриархально-феодальных улуса или княжества: Езерское, или Исарское, Алтысарское, Алтырское и Тубинское.

Основное население Езерского, или Исарского, улуса составляли тюркоязычные хаасы (качинцы), по имени одного из сеоков которых (Ызыр) этот улус и назывался. Другое его название – Исарский – есть географическое название и в переводе с хакасского означает «Внутренний» (от «исты сархы» – внутренняя сторона). Он занимал земли «внутри» других улусов – от Красноярска и до Абакана по левобережью Енисея. В состав этого улуса входили и некоторые кетоязычные группы. Алтысарский улус, т. е. буквально в переводе с хакасского – «Нижний» улус (от «алтынсархы» – нижняя сторона), так как он располагался вниз по течению реки Енисея, в современной Северной Хакасии с центром на Белом Июсе. Основное его население составляли тюркоязычные кызыльцы со всеми их родовыми подразделениями.

Алтырский, или Алатырский, улус также был назван по географическому признаку. Его название происходит от «алатар» – пестрые или белые («ала» по-хакасски – пестрый или белый), так как этот улус занимал отроги Кузнецкого Алатау, которые на картах 1701 г. С. У. Ремезова обозначены как Белые горы. По этому же Ремезов отличает белых алтыр (собственно алатар) от черных алтыр, т. е. черневых (по-хакасски – чыстар).

Кроме отрогов «Белых гор», Алтырский улус занимал левобережье Абакана до Уйбата и имел центр то на реке Тее, то на реке Нине. Алтырцы частично жили и на правом берегу реки Абакан.

Подобно тому, как современные сагайцы называют ширинских качинцев «алтынсархы чон», т. е. народ нижней стороны, а сагайцев, в свою очередь, называют «ўстўнсархы чон» (народ

верхней стороны), так и «алтырцы» по-русски назывались в XVII в. «верхними киргизами», а «алтысары» – «нижними киргизами».

Основное население Алтырского улуса составляли сагайцы и их родовые подразделения, шорцы и бельтыры.

Тубинский улус с центром на реке Упсу (по-тюркски), или Туба (по-самодийски), занимал правобережье Енисея до Саянских гор и междуречье Абакана и Енисея, т.е. как раз ту территорию, где, как мы показали выше, распространены самодийские топонимы. Ее основное население состояло из самодийских в основном групп и части кетоязычных родов, живших на правом берегу Енисея и примыкавших к кетоязычным территориям бассейна Кана.

Где же жили тюркоязычные кыргызы, именем которых называлась вся эта «Киргизская земля» (причем киргизами называли нередко многих из вышеперечисленных групп разноязычного населения)? В чем здесь дело и почему это происходило?

Все дело в том, что, очевидно, следует вспомнить разобранное уже нами положение, которое существовало на этой территории еще в VI–X вв., когда разные по этническому происхождению хакасские племена лишь возглавлялись немногочисленной группой кыргызов. И в XVII в. кыргызы, как когда-то прежде, были лишь немногочисленной группой, о которых русские документы XVII в. сообщают, что «всего де киргизов, прямых людей, 100 человек» или что всех киргизов «самых человек с 300»³¹. И эти 100 или 300 (в этом случае, видимо, сюда включены и члены семейств) человек кыргызов, оказывается, составляли феодальную верхушку каждого из упомянутых княжеств, т.е. эти 100–300 человек жили не в одном каком-то месте, а в четырех местах сразу, грубо говоря, по 25–75 взрослых мужчин в центрах каждого из княжеств, составляя там феодальную верхушку, управляющую целым улусом «киргизских киштымов».

При таком их количестве ясно, что кыргызы в каждом улусе составляли не более чем родовую группу-сеок «кыргыз» среди подчиненных им тюркоязычных и других киштымов, которые будучи основным населением улуса, в свою очередь, распались на ряд сеоков, по именам которых и становились известны русской администрации.

Отсюда становится понятным, почему киштымы заявляли русским, что «киргизы де государи наши», т.е. речь здесь шла о всем сеоке кыргызов данного княжества. Поэтому же кыргызы, в свою очередь, нередко заявляли русским, что они с киштымами «одни люди и род и племя» и «сами у них женятся, и дочерей своих за них выдают, и мысль у них с ними одна». Поэтому же в русских документах нет данных о киштымах из рода кыргызы, а выражение «киргизские улусные мужики», так же как и «киргизские киштымы», еще не определяет имени сеока, к которому относились эти люди. Потому же ни в каких документах XVII и XVIII вв. нет никаких указаний о каких-либо собственно кыргизских сеоках.

Близкую картину разделения на сеоки мы видим и у современных хакасов, причем у кызыльцев, сагайцев и качинцев до сих пор имеются сеоки «хырғыс».

Уход верхушки кыргизских князьков и насильственный угон некоторой части населения в Джунгарию в 1703 г. был предательским актом кыргизских феодалов по отношению к хакасскому народу, но и он не изменил основной этнической картины края, так как большинство населения, в том числе и многие кыргызы, разбежалось «в камень» и «в черные леса», а некоторые из угнанных впоследствии вернулись обратно.

В истории хакасов уводы и переселения происходили неоднократно, начиная с переселения, устроенного тюрками в VIII в., затем монгольских переселений XIII в., увода 1664 г., совершенного Алтын-ханом, и кончая изменой 1703 г. История последствий всех этих насильственных переселений (которых в действительности могло быть больше, чем нам известно) свидетельствует о том, что этническое состояние населения в основном не подвергалось резким изменениям, меняясь лишь на время в количественном отношении. Правда, следует сказать, что после 1703 г. количество собственно кыргызов уменьшилось и, главное, резко изменилась роль этой группы после добровольного присоединения Хакасии к Русскому государству, закончившегося в конечном итоге строительством Абаканского острога в 1707 г.

Кыргызы, которые входили и входят в состав современных хакасов, являются потомками исторических гянгуней-кыргызов. Это выразилось хотя бы в том, что еще в XVII в. их погребальным обрядом оставалось трупосожжение³² – единственный для них способ погребения, известный науке, начиная со II в. до н.э. Это была с давних времен смешанная в результате перекрестных браков группа³³.

Хаастар (качинцы), как уже говорилось выше, сохранили свое древнее самодийское самоназвание и являются в основном, давно уже, начиная с VI–X вв., отюреченными³⁴ аборигенными самодийскими племенами, смешавшимися с кыргызами и, возможно, тюрками. В XVIII в. в их состав влились отюреченные ими кетоязычные сеоки и затем, в XIX в., койбалы – потомки самодийских маторов Тубинского княжества, также усвоившие тюркскую речь.

Что касается сагайцев, шорцев, бельтыр и кызыльцев, то основные корни их происхождения уходят в выявленную нами древнюю угорскую общность, остатками которой они являются, будучи отюречены также в древности (VI–X вв.) благодаря взаимодействию с кыргызами и частично тюрками (особенно шорцы).

Такое заключение подтверждается данными антропологии, археологии, лингвистики и этнографии.

Профессор А. И. Ярхо, производивший в 1924–1927 гг. антропологическое изучение народов Саяно-Алтая, выяснил, что современные хакасы разделяются на два антропологических типа: южносибирский (качинцы) и урало-алтайский (шорцы, сагайцы, бельтыры и кызыльцы).

Как выяснилось, уральский тип идентичен типу обских угров и к нему относятся все северные алтайцы (шорцы, кумандинцы, челканцы и частично телеуты)³⁵.

Этот вывод принят и уточнен современными антропологами. В обобщающей статье Н. Н. Чебоксарова выделяется «уральская» антропологическая группа, занимающая промежуточное место между монголоидами и европеоидами, представленная главным образом обскими уграми (ханты и манси). Наиболее важен вывод: «Наличие в составе угро-финнов тех же уральских антропологиче-

ских типов, что и в составе ненцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами»³⁶.

Эти указания антропологической науки важны еще и тем, что они указывают и географические районы, через которые установились древние генетические связи населения Западной Сибири с обитателями Алтае-Саянского нагорья. Образуется как бы непрерывная цепочка: Хакасско-Минусинская котловина (хакасы, без качинцев) – Северный Алтай (северные алтайцы) – река Томь и Средняя Обь (сибирские татары), ниже – ханты.

Это и есть путь продвижения раннеугорских племен из Хакасско-Минусинской котловины на Среднюю Обь в I–II вв. н.э., что выявлено археологически.

При всем том необходимо помнить, что существовавшая некогда угорская языковая общность впоследствии оказалась разорванной, так как у значительной части живущих в этих районах народов (барабинцы, северные алтайцы, хакасы) наука застала уже тюркские языки. Вероятнее всего, здесь следует допустить языковую ассимиляцию без особых изменений как физического типа, так и целого ряда этнографических особенностей.

И действительно, в этнографической науке существуют мнения, что барабинские татары есть отюреченные угры³⁷, а для шорцев допускается внедрение нового языка (отюречивание) в сложившуюся историко-этнографическую область (охотничье-рыболовецкое хозяйство и культура) путем заимствования тюркской речи от южных соседей «без больших переселений»³⁸.

Вероятно, в настоящий момент можно наметить и время отюречивания этих народов. В классификации тюркских языков в историческом отношении С. Е. Малова шорский и хакасский языки отнесены к группе «древних тюркских языков», наряду с языком памятников орхоно-енисейской письменности³⁹. Отсюда можно заключить, что в эпоху Древнехакасского государства (VI–X вв.) они уже существовали, а начало отюречивания угорских предков северных алтайцев и части хакасов падает в основном на конец предшествующего времени.

То, что какие-то осколки угров, сохранившие отчасти свой язык, дожили в лесной полосе Хакасско-Минусинской котловины

до начала XIX в., свидетельствует Г. И. Спасский, первым из ученых собравший в 1806 г. словари койбальского и маторского языков, к счастью, ныне найденные и опубликованные Л. П. Потаповым. Лингвистический анализ словарей еще предстоит проделать.

Г. И. Спасский указывал, что койбалы в языке имеют сходство «с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки». Угорские элементы были, видимо, и в составе аринов, так как Спасский, отметив сходство их языка с кетоязычными группами, указал, что арины «по языку сходятся с остяками, живущими в нижних местах реки Оби», т. е. с хантами⁴⁰.

Весьма важно также, что и тюркологи (Н. А. Баскаков) отмечают следы скрещивания как хакасского, так и североалтайского языков с остяцким⁴¹, происходившее, очевидно, в древности.

Все изложенное, взятое комплексно, свидетельствует о первоначальном вхождении упомянутых выше народов в угорскую этническую общность, хотя затем их этногенез протекал в тюркоязычной среде.

Мы уже рассматривали выше результаты антропологического изучения современных хакасов, произведенного А. И. Ярхо. Отмечалась также точка зрения профессора Г. Ф. Дебеца, который не только на основании анализа соматического (т. е. изучения живых людей), но и большого палеоантропологического материала (т. е. изучения черепов из древних погребений) неоднократно говорил о том, что современные хакасы сложились при большом участии древнего тагарского европеоидного элемента (VII–III вв. до н. э.), который сохранился в их составе, благодаря чему современные хакасы не являются типичными монголоидами центральноазиатского типа, подобно тувинцам или монголам.

Это означает, что основу современных хакасов составило местное коренное население, формирование которого восходит к глубокой древности.

Во всех приведенных исследованиях не хватало лишь анализа краниологического материала по современным хакасам, т. е. изучения черепов и сопоставления их с черепами из древних погребений с территории Хакасско-Минусинской котловины. Этот материал недавно был получен и исследован

В. П. Алексеевым. Результаты не только подтвердили, но и углубили в деталях, теперь уже на более широком материале, выводы Г. Ф. Дебеца.

Краниология сагайцев, койбалов, качинцев, бельтыров и верхнеабаканских шорцев привела автора к выводу, что во всех этих группах имеется европеоидная примесь.

Все эти группы (за исключением качинцев – южносибирский тип) относятся к уральскому типу и обнаруживают «большее сходство с самоедо- и угроязычными народами, чем с тюрко-монгольскими».

Отсюда, на базе изучения всех категорий антропологического материала, исследователем сделан важный вывод: «Антропологический процесс этногенеза хакасов явился результатом смешения европеоидного типа афанасьевско-тагарского населения Минусинской котловины эпохи бронзы с низколицым монголоидным типом, начавшим проникать сюда в начале тагарского времени, по-видимому, с более северных лесных территорий, и центральноазиатским монголоидным типом, впервые принесенным сюда кочевниками из Центральной Азии в таштыкское время»⁴².

Таким образом, мы закончили рассмотрение в исторической последовательности того этногенетического процесса, который протекал в Хакасско-Минусинской котловине, начиная с глубокой древности, и который в конечном итоге привел к формированию современной хакасской народности, сложившейся окончательно в XVII–XIX вв., но основное тюркоязычное ядро которой, включая в него и кыргызов, возникло еще в VI–X вв. в процессе ассимиляции. При этом нами были комплексно использованы материалы и выводы целого ряда наук, имеющих отношение к проблеме этногенеза.

Следует подчеркнуть, что без комплексного подхода к решению вопросов подобного рода всякие заключения будут односторонними.

Основным выводом доклада⁴³ является вытекающее из всего вышеизложенного заключение о том, что современные хакасы

в своей основе имеют местное происхождение, корни которого уходят в седую древность истории Хакасско-Минусинской котловины, что в своем происхождении хакасы тесно связаны генетическими нитями со многими современными народами Сибири, и не только Южной, и не только с тюркоязычными, но и с угорскими народами Западной Сибири, и с самодийскими народами Крайнего Севера.

Так с глубокой древности складывалось единство многонациональных народов Сибири, объединенных Великой Октябрьской революцией в дружную семью советских народов во главе с великим русским народом⁴⁴.

Этногенетический путь, пройденный хакасами, свидетельствует о том, что все основные этнические группы, входившие в VI–XI вв. в Древнехакасское государство, нередко бывшие тогда еще в какой-то части разноязычными, вошли и в состав современных хакасов, ставших в результате победы одного из языков, в конце концов, только тюркоязычными. Причем процесс тюркизации начался уже в первых веках нашей эры.

В этом смысле хакасы являются наследниками тех лучших культурных традиций, которые развивались населением этих мест за всю их многотысячелетнюю историю.

Местный термин «хакас», сбереженный до нашего времени китайскими летописями, сохранившийся, по мнению лингвистов, в самоназвании хаасов (качинцев), является, безусловно, правильным историческим именем хакасов, так как он объединяет все те основные этнические компоненты, из которых в результате длительного и нелегкого исторического процесса сформировался хакасский народ.

В заключение следует подчеркнуть, что только благодаря добровольному присоединению 250 лет назад Хакасии к Русскому государству хакасы смогли преодолеть вековую раздробленность и угрозу физического уничтожения, смогли сплотиться в единую народность и с братской помощью великого русского народа в славной семье нашей социалистической Родины могут ныне развивать свою, социалистическую по содержанию, национальную по форме, культуру, внося свой вклад в дело победы коммунизма⁴⁵.

Примечания

1. Киселев, С. В. Древняя история Южной Сибири. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 9. — М.-Л., 1949.
2. Киселев, С. В. Указ. соч. — С. 256.
3. Кызласов, Л. Р. Этапы древней истории Тувы. — Вестник МГУ, серия историко-филологическая, 1958, № 4.
4. Кроме того, они встречаются и в Северо-Восточной Туве.
5. В Северо-Восточной Туве: Мынас, Хор-ос, Кадыр-ос, Кадрос, То-оргу-оос-хем и др.
6. В Северо-Восточной Туве им соответствуют речки Азас и Казас.
7. Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 9. — СПб., 1909.
8. А также, очевидно, центральный район Северо-Восточной Тувы.
9. Имеется в виду вышедшая год спустя монография: Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. — М. 1960 (примечание редактора).
10. Дебец, Г. Ф. Палеоантропология СССР. — М.-Л., 1948. — С. 130.
11. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. II. — М.-Л., 1951. — С. 131.
12. Китайцы писали именно «хакас», а не «хягас» или «хагас». Правильность этого чтения еще в конце XIX в. доказана известным немецким синологом В. Шоттом, обосновавшим его произношение фонетически с помощью южнокитайских диалектов. См. Schott, W. Über die ächten Kirgisen. — Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. — Berlin, 1865. — S. 437 и 473.
13. См. «Византийские историки», перевод с греческого С. Дестуниса. — СПб., 1861. — С. 379.
14. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951. — С. 39.
15. Radloff, W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung. — SPb., 1895. — S. 289.
16. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков. — М.-Л., 1952. — С. 7.
17. Доможаков, Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов. — Записки ХАКНИИЯЛИ, вып. IV. — Абакан, 1956. — С. 65.
18. Прокофьев, Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. — Советская этнография, т. III. — М.-Л., 1940. — С. 69–74.
19. «Самоедоязычные» — обозначение одной из языковых семей сибирских народов, от старорусского термина «самоед, самоеды». Применяется в литературе XVIII–XIX вв. и в основанных на ее данных современных исследованиях. То же, что «самодийские» (примечание редактора).

20. Впервые это высказано нами в рецензии на книгу Л. П. Потапова. Очерки по истории алтайцев (М.-Л., 1953) в журнале «Вопросы истории», 1954, № 7, с. 149–153.

21. Русское понятие Центральной Азии, применяемое Л. Р. Кызласовым, основано на географических критериях – стоках и водоразделах рек. Включает Монголию, Северный и Западный Китай, Тибет. Ныне распространяется иное понимание термина, восходящее к английской традиции и имеющее историко-культурное, в основном, религиозное значение. Оно включает мусульманские страны, в том числе те, которые в России относят к Средней Азии (примечание редактора).

22. Китайская история династии Тан (Таншу) сообщает о похоронах хакасов VI–X вв. следующее: «Обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости чрез год погребают».

23. О погребениях кыргызов в анонимном сочинении (написанном в X в. по-персидски) «Худуд ал-Алам» сказано: «Они почитают огонь и сжигают мертвых». Автор XI в. перс Гардизи в своем сочинении «Украшение известий» писал: «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: "Огонь – самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов"» (см. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. — СПб., 1897. — С. 111). Арабский автор XII в. Тахир Марвази в книге «О Китае, тюрках и Индии» сообщает, что кыргызы «имеют обычай сжигать мертвых, утверждая, что огонь их очищает», и добавляет, что «это есть их древний обычай». О сведениях XVII в. см. ниже.

24. Краниология (от греческого) – дисциплина, в нашем случае изучающая форму головы и лица человека по черепу (примечание редактора).

25. Таншу (китайское) – средневековый летописный свод «История династии Тан», ср. далее в тексте статьи: Юаньши «История династии Юань» (примечание редактора).

26. Чжан-му и Хэ-цю-тао. Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Перевод с кит. П. С. Попова. — СПб., 1895. — С. 171, примеч. 35.

27. Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. — СПб., 1884. — С. 238

28. Козин, С. А. Сокровенное сказание, т. 1. — М.-Л., 1941.

29. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 1. — М.-Л., 1952. — С. 125 и 128.

30. Huth, G. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei, II. — Strassburg, 1896. — S. 33.

31. ЦГАДА, фонд Сибирского приказа, ст. № 886, л. 172 и ст. № 126, л. 47.

32. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1. — С. 19.

33. Напомним, что даже в XVII в. кыргызы употребляли самодийский термин «ожо» (от «Ажо» VI–X вв.) в значении «судья». Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 15 и № 37.

34. Здесь и далее имеется в виду переход населения на язык тюркской языковой семьи. В исторической реальности распространялась форма хакасского языка, ранняя или поздняя – в зависимости от эпохи (примечание редактора).

35. Ярхо, А. И. Алтае-саянские тюрки. — Абакан, 1947.

36. Чебоксаров, Н. Н. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. — Советская этнография, 1952, № 1. — С. 36–50.

37. Журнал «Советская этнография», 1952, № 3. — С. 95.

38. Токарев, С. А., Чебоксаров, Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии. — Советская этнография. — 1951, № 4. — С. 18.

39. Малов, С. Е. Указ. соч. — С. 7.

40. Спасский, Г. Народы, кочующие в верху реки Енисей. — Сибирский вестник, ч. V. — СПб., 1819. — С. 2 и 5–6.

41. Баскаков, Н. А. К истории изучения хакасского языка. — Записки Хакасского НИИЯЛИ, вып. II. — Абакан, 1951. — С. 86.

42. Алексеев, В. П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения. — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, т. XXVIII. — М., 1958. — С. 92–97.

43. В основу текста лег доклад, прочитанный в июне 1958 г. на конференции, посвященной 250-летию присоединения Хакасии к России (примечание редактора).

44. Процесс сложения культурного и языкового единства разных народов Сибири всегда происходил в рамках того или иного политического объединения. В этом смысле и бывшее вхождение в Древнехакасское государство, и включение в состав России, и стремление к равноправному единению народов СССР – было одной из объективных форм сложения такого единства в конкретных исторических условиях. Изменение политических границ всякий раз приводит к переоформлению объединительных процессов (примечание редактора).

45. В политических оценках, даваемых в концовке статьи, как и в связанных с этим надеждах, Леонид Романович тогда и позднее был совершенно искренен (примечание редактора).

Сибирь: на границе прошлого с грядущим

Говорят, что история беззащитна. Такое утверждение кажется справедливым, но только на первый взгляд. Правда истории непременно проявится в последующих непредвзятых исследованиях, а фальшивые построения канут в Лету. История Сибири – этой благодатной, развивающейся страны – искажалась в разные времена. В раннюю пору сибирской историографии¹ многое утверждалось или измышлялось по неведению, позднее – зачастую намеренно.

Основаниями для начальных искажений нередко служили смутные слухи, дошедшие издалека. В результате в древности и раннем средневековье у владеющих письменностью цивилизованных народностей Северной Африки, Ближнего и Дальнего Востока так и не возникло правильных представлений ни о настоящем, ни о прошлом тогдашних коренных обитателей далекого от них Севера. В библейские времена, например, считалось, что северную окраину мира населяли полчища страшных всадников-кочевников, названных в Библии Гогами и Магогами. С возможным прорывом конных полчищ на юг люди древних цивилизаций связывали всемирную катастрофу, знаменующую собой конец Света и начало страшного суда над грешным человечеством (Иезекииль, 38–39)².

Позднее, в VI–XII вв., арабы «расселили» на севере Западной Сибири, за Уралом, «в седьмом климате», полулюдей-полуживотных – страшилищ, называемых йаджуджами и маджуджами. Они обитали в северных заснеженных равнинах близ таинственного моря Мрака. Бесчисленные толпы их были якобы отгорожены от всего человечества железной стеной или плотиной, которую

построил знаменитый герой древности – царь Александр Македонский. Предание это в середине VII в. было включено в священное писание мусульман – Коран. В Коране герой-спаситель мира назван Зу-л-Карнайном, т.е. Двурогим (Коран, Сура 18: 92–97 и Сура 21: 96)³.

Арабская традиция также утверждает, что конец цивилизованного мира наступит из-за разрушения великой стены. Тогда из страны Мрака на человечество хлынет все истребляющий поток чудовищных йаджуджей и маджуджей. Как видим, представления народов семитской языковой семьи (древних евреев и арабов) были близки, ибо ведут свое начало от одного и того же древнейшего предания, основа которого откровенно мифологична⁴.

Легендарными являлись и представления древних народов Китая, восходящие к IV–III вв. до н.э. Согласно им, где-то в Южной Сибири, «в стране Динлин», обитали вечные всадники, как бы сросшиеся со своими конями, своеобразные кентавры: «Еще были там богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. Это были жители страны Динлин. Они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи с быстротой ветра с криками "га, га, га!", как дикие гуси в осеннем небе»⁵.

Иная версия сложилась у индоиранских народов, далекие предки которых, арии, как считают многие ученые, населяли в древности горы и равнины Западной Сибири. Продвижение ариев на юг и их переселение на Иранское и Северо-Индийское плоскогорья, как полагают, началось только во второй половине II и в начале I тыс. до н.э.

По сведениям, содержащимся в индийских священных гимнах, собранных в «Ригведе» (составленной не позже X в. до н.э.), а также в древних эпических поэмах «Махабхарате», «Рамаяне» и в иранской «Авесте», предки древних индийцев и иранцев обитали некогда в стране, прилегающей к Уральскому горному хребту. В этой земле в то время располагался земной рай. Над ним, на сияющих вершинах гор, пребывали всеблагие боги.

Считалось, что дальше – Северный океан, называемый Молочным морем. Посреди него на острове лежала «страна бла-

женства» и «вечного счастья». Островитяне во всем были равны между собой и наслаждались всевозможными благами жизни. Их сердца были свободны от зла. Именно им была дарована божественная справедливость. Усердно почитая богов, люди не ведали ни войн, ни раздоров, не знали ни нужды, ни горя. Жили они до тысячи лет.

Страна блаженных имела ровный благодатный климат, ее земля сама порождала чудесные плоды. Обитающие там счастливы сохраняли жизненную силу, даже не вкушая никакой пищи. В том краю цвели золотые цветы и реки текли в золотых берегах⁶.

Примечательно, что из древних народов индоевропейской языковой семьи подобную же легенду о Северном рае знали и древние греки. Уже в VII в. до н.э. странствовавший на север, в заскифскую область, Аристей сын Каистробия посетил возле Репейских (Уральских) гор живших там исседонов. Он сообщал с их слов о других северных народах: аримаспах, «стерегущих золото грифах», а также о гипербореях, живущих на границе с Северным морем⁷.

По античной традиции гипербореи были близки к богам, их любил и раз в девятнадцать лет навещал бог Аполлон. Они вели блаженную жизнь с музыкой, песнями, танцами, пирами, но и с благоговейными молитвами. Веселясь весь век, гипербореи, пресытившись жизнью и испытав все наслаждения, с легкостью умирали, бросаясь в море. Любопытна впервые встречающаяся подробность о поэтапной торговле-обмене сибирских аборигенов с югом: гипербореи оставляли свои дары на границе соседней страны, откуда их постепенно переносили другие народы, пока они не достигали острова Делоса в Греции⁸.

Таковы древнейшие представления иноземцев о Сибири и ее обитателях. Индоиранцы и греки – потомки бывших индоевропейских обитателей Сибири или же очевидцы-путешественники, достигавшие в свое время границ сибирских земель, — описывают Сибирь как блаженную райскую страну. Более отдаленные древние семиты, исполненные суеверным ужасом перед северными Мраком и Стужей, напрасно, с трепетом душевным, ожидали оттуда исхода не существовавших мифических существ,

которые, по их представлениям, должны были погубить все цивилизованное человечество.

Как бы то ни было, но северную оконечность ойкумены и тогда, в древнем мире, составляла территория современной Сибири. В южных центрах ранней цивилизации ее почитали землей населенной, необыкновенной и очень загадочной. О ней размышляли, собирали по крохам любые сведения и слухи, даже «вспоминали», пытаясь как-то представить себе незнакомую жизнь аборигенов в суровых условиях Северной Азии.

«Отец истории», грек Геродот, живший в V в. до н.э., добрался в одном из своих путешествий до самой северной из всех древнегреческих колоний – Ольвии, расположенной на реке Буге. Он описал суровую природу: «к северу от скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой...», «восемь месяцев там стоит невыносимая стужа»⁹.

Сами же тогдашние северяне-сибиряки, конечно, ведать не ведали ни того, что они живут в «земном раю», ни того, что их страну «отгораживает» от остального человечества «железная стена».

Правда состоит в том, что для коренных народов Северной Азии рая на их родной земле, конечно, никогда не было. Но вот стена – каков парадокс истории! – некая «стена» вокруг Северной Азии действительно возникла. Случилось это, правда, почти две тысячи лет спустя.

Далекie наши предшественники и предки никак не могли знать, не могли и представить себе, что их привольная, изобилующая природными богатствами, повсеместно обитаемая, цветущая сибирская родина прослывет впоследствии не только глухим медвежьим углом, но и краем губительной ссылки множества поколений бунтарей, отверженных обществом то ли за свободомыслие, то ли за уголовные преступления. Не знали они, — да и кто бы мог предугадать? — что благословенная древним человеком Сибирь с развитием цивилизации (!) станет страной каторжных централов и концентрационных лагерей.

Первые в истории российской науки археологические раскопки древних курганов с целью получения сведений о былых обитателях края были проведены не в землях начальной истории

славян, не в знаменитых скифских степях и не на благославляемых греками берегах Черного моря, а в Сибири. Они были произведены с 1 по 6 января (по новому стилю с 12 по 17) 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом на левом берегу Енисея, т.е. на земле современной Хакасии, сразу же после присоединения ее к Российскому государству¹⁰. С тех пор прошло 270 лет¹¹. И хотя на исторической карте Северной Азии и теперь еще можно отметить значительные белые пятна, уже достигнуты значительные успехи и сделаны важные открытия. И главное из них, пожалуй, состоит в том, что Сибирь с седой древности и до недавнего прошлого вовсе не была краем диким и отсталым.

Процесс исторического развития древнейшего коренного населения Сибири шел нормальным прогрессивным путем. Никакого отставания от уровня развитых племен Европы и Азии не было в длительную эпоху первобытнообщинного строя. Иначе разве смогли бы сибиряки, рано вышедшие на берега Ледовитого океана, в период верхнего палеолита, около 20 тысяч лет тому назад, впервые пройти по бывшему тогда берингоморскому перешейку и открыть пустовавшие до них континенты Нового Света? Они, первые из людей, заселили постепенно просторы, как мы теперь говорим, обеих Америк, отдали этим землям свои труд, плоть и кровь¹². Они стали первыми «индейцами», как ошибочно называли их поздних потомков – коренных жителей обоих континентов Нового Света, малосведущие, но чванливые и жестокие «белые люди», приплывшие туда из Европы почти 19,5 тысяч лет спустя.

Итак, древние сибиряки совершили одну из важнейших великих миграций в истории человечества. Они положили начало прогрессивному развитию человеческих культур, охвативших со временем не только просторы Северной, но и Южной Америки. В этом состоит великая заслуга ранних сибиряков каменного века перед всем человечеством. В огромной области Мезоамерики и Южной Америки далекие потомки обитателей Северной Азии создали древние высококультурные царства и самобытные городские цивилизации.

Но после путешествия Колумба европейцы в конце XV в. объявили о своем «открытии» Америки, населенной, по их мнению,

«дикарями-язычниками». Присвоив себе высшие права богоизбранной расы, осененной иудео-христианским вероучением, «цивилизованные» разбойники и мракобесы из алчности к богатствам Нового Света и ради утверждения своей идеологии методично и безжалостно разрушили и стерли с лица Земли оригинальнейшую культуру аборигенного населения.

Продолжая нашу тему, добавим к сказанному, что древние сибиряки были прародителями не только коренного населения Нового Света, но и первопоселенцев многих островов Тихого океана и, прежде всего, ранних обитателей Японских, Курильских и Алеутских островов.

Напоминая о некоторых важнейших деяниях древних сибиряков, исторические заслуги которых по достоинству еще не оценены человечеством, скажем также о целом ряде сделанных ими открытий (этот вклад в культуру всего человеческого рода долгое время оставался малоизвестным).

Например, сибиряки первыми стали использовать в качестве топлива удивительный черный камень, пласты которого нередко выходят на поверхность в береговых обрывах могучих и быстрых рек. Каменный уголь люди в Сибири знали уже в эпоху палеолита, свыше 10 тысяч лет назад. Остатки перегоревшего каменного угля в очагах и запасы его, приготовленные к употреблению, но не востребованные, обнаружены археологами в древних жилищах, исследованных на стоянке Красный яр на берегу реки Ангары¹³.

А высокоцивилизованные европейцы – жители Венеции – даже в XIII в. не могли поверить своему земляку, знаменитому путешественнику Марко Поло, что в Северо-Восточной Азии «есть черные камни; выкапывают их в горах, как руду, и горят они, как дрова... и дешево, да и деревья сберегаются»¹⁴. Добавлю, что уроженец Кавказа Бакуви даже в XV в. за диковинку сообщал, что у кыргызов (на Енисее) «...есть камень, который зажигают ночью, и он заменяет им светильники»¹⁵.

В том же древнекаменном веке обитатели верховий Чулыма первыми освоили в Кузнецком Алатау... горное дело! Они научились отыскивать в поверхностном залегании медную (малахит, азурит) и железную (магнетит, гематит) руды. Но применяли их

только для изготовления натуральных красок, разводимых на животном жире. Кучки не востребованных обломков этих руд обнаружены в жилищах палеолитических людей на стоянке Малая Сыя, исследованной на реке Белый Июс. Радиоуглеродный анализ показал, что поселок существовал 34 тысячи лет тому назад¹⁶.

В условиях древнего оледенения сибиряки не только соорудили теплые жилища (округлые полужемлянки и чумы), но первыми создали арктическую меховую одежду – малицы и кухлянки, изобрели спальные мешки, научились ездить на прирученных ими собаках. Всем этим пользуемся теперь и мы – люди XX столетия¹⁷.

В новокаменном веке (неолите) сибиряки изобрели сложный боевой лук, усиленный костяными пластинами, и защитный доспех – панцирь из костяных пластин. Такого вооружения не знала тогдашняя Европа¹⁸.

Человечество недостаточно оценило тот вклад в историю его развития, который внесли около рубежа нашей эры саяно-алтайские племена, одомашнив северного оленя¹⁹. От них оленеводство распространилось далее по всей зоне тайги и тундры Старого Света. Разведение домашнего оленя явилось единственной формой производящего хозяйства в этих суровых климатических условиях. Оно обеспечило многие народы постоянным мясом и молоком, а также и ездовыми животными. Сибирь подарила оленеводство и Северной Америке.

Отступим здесь от хронологического принципа построения текста, чтобы привести наиболее характерные примеры несостоятельности теории извечной «сибирской дикости» в сравнении с «европейской цивилизованностью».

Раскопки древних могил в долинах рек Енисея, Абакана и Чулыма выявили, например, что в самом начале нашей эры знатные люди Южной Сибири пользовались в знойные летние месяцы зонтами, оберегавшими их от солнечного удара²⁰. Западная Европа о зонтах узнала только в XVIII в. Другой пример. Ювелиры на Среднем Енисее около 1800 лет тому назад изобрели весьма эффективные сложные орудия: молотки-напильники, которые употреблялись до XV в.²¹ В Европе инструменты такого технологического уровня стали применяться лишь 500 лет назад.

Первые орудия, отлитые из чугуна, появились в Приморье в I тыс. до н. э., а в Южной Сибири в V в. н. э.²² Европа же освоила производство чугуна лишь в XIV столетии, и то в землях, включенных в Золотую Орду (бывшая Волжская Булгария), куда чугунолитейное производство принесли с собою завоеватели-монголы из глубин Центральной Азии²³.

И еще один пример. В средневековье, когда европейские короли и бароны, предводители дружин викингов и славянские князья разрывали мясо и дичь во время еды руками, используя лишь ножи, в Южной Сибири люди в VIII–IX вв. пользовались при трапезе двузубыми вилками, имея их даже в походном инвентаре.

Подобные примеры из области бытовой культуры можно было бы множить и далее.

Вернемся, однако, к исторической последовательности в рассмотрении материалов. Не было никакого общественного и хозяйственного застоя у населения Северной Азии и в эпохи бронзового и раннего железного веков. Первые городки-крепости, обнесенные валами и палисадами, окруженные рвами, появились здесь уже в медном веке. А 35–36 веков тому назад в междуречье Тобола и Ишима уже строились первогорода. Наземные добротные жилища, со стенами из бревен и необожженного кирпича, образовывали в них плотные кварталы. Обнаружены округлые цитадели, правильная планировка улиц, системы водоснабжения и дренажа. Жители этих городов владели боевыми колесницами, и разворачивавшиеся у их стен сражения внешне вполне могли напоминать знаменитую Троянскую войну, воспетую Гомером. По-видимому, создатели первых западносибирских городских центров были передовым массивом индоевропейских племен, в своем развитии тесно связанных с далекой Передней Азией²⁴.

Тогда же, в бронзовом веке, сложился и древний широтный торговый путь, связавший Волгу и Каму, Южный Урал и западносибирскую равнину, через долину Байкала и степи Забайкалья, с верховьем Амура и бассейном Хуанхэ. Следы этого пути, на многие столетия опередившего знаменитый Великий Шелковый путь, отчетливо прослеживаются археологами прежде всего по распространению характерных и высокоценных украшений

из шлифованного нефрита. Их производили в отрогах Саянских гор в Прибайкалье, и уже отсюда специфические изделия сибирских мастеров расходились на далекий Запад и Восток.

Вместе с драгоценными поделками из камня по этому пути, который можно назвать Великим Нефритовым путем, вывозились многочисленные слитки саяно-алтайского олова, меди, серебра и бронзы, а также и орудия, отлитые из этих металлов по новой для того времени высокоэффективной технологии. Это были втульчатые топоры-кельты, втульчатые копья особых видов, ножи с вогнутыми и дугообразными обушками и многие другие вещи. Материальная культура и металлургические технологии, приходившие из глубин Сибири, явились для Европы и Китая того времени абсолютной новостью и оказали благотворное воздействие на местное развитие²⁵. Разве можно считать дикарями людей, подаривших Восточной Европе такую эффективную форму топора, как кельт, которая не изменялась здесь до средневековья, а древних жителей Китая научили пользоваться колесницами и бронзовыми зеркалами?

Две с половиной тысячи лет назад Южная и Западная Сибирь уже знали орошаемое земледелие. Выращивать же злаки без искусственного полива здесь начали еще в конце каменного века. В раннем железном веке широко применялись пахотные орудия типа сохи. На базе раннего металлургического производства цветных металлов выросла черная металлургия. Крепла прогрессивно развивавшаяся экономика. Закономерно и то, что вся Сибирь буквально покрылась в эту эпоху крепостями и укреплениями. Сформировались самобытные и мощные государства: в эпоху уюкской культуры – в Туве, тагарской – в Хакасско-Минусинской котловине и пазырыкской – в Горном Алтае²⁶. Найденные захоронения их владык в Хакасии, например, представляли собою земляные пирамиды высотой в семиэтажный дом, окруженные каменными оградами 70 x 70 м, составленными из плит весом до 30–50 тонн каждая. Эти монолиты добывали в специальных каменоломнях и доставляли к строительству за 65 км! Каменная гробница верховного владыки Тувы того же времени имела вид огромного цилиндра, диаметром 126 и высотой

3,5 м. В жертву умершему царю были принесены 160 верховых лошадей, захороненных рядом с ним. Умерших властителей сопровождали в иной мир и добровольно, и насильственно лишавшиеся жизни вельможи и воины, жены и прислуга.

В так называемую скифо-сибирскую эпоху степи Западной и Южной Сибири были соединены торговыми путями не только с Причерноморьем и лесной полосой Восточной Европы, но и с государствами Средней Азии, далекой Индии и Китая. Из древнекитайских государств одним из первых установило взаимовыгодные торговые связи с Сибирью княжество Чу в IV в. до н. э.²⁷

Мы привыкли читать и слышать, что все великие завоеватели Азии первым делом нападали на Китай, стремясь заполучить блага этого развитого государства. Однако дело обстояло иначе. В 201 г. до н. э. создатель гуннской державы Маодунь-шаньюй раньше всего организовал походы на Саяно-Алтайское нагорье и в Забайкалье. Он был возвеличен своими вельможами как мудрый правитель. В 1206 г. князец Темучин стал великим Чингисханом. И уже на следующий год его войска были двинуты в Сибирь. Почему? Аборигенная цивилизация Южной Сибири в раннем железном веке и в средневековье обладала передовым для своего времени уровнем развития экономики. И каждый претендент на мировое господство прежде всего стремился обеспечить себя надежными источниками хлеба и металла, центром производства которых была Южная Сибирь. И только подчинив ее, владыки Центральной Азии обретали уверенность и силу в борьбе с другими державами. Только после этого они поворачивали коней на Юг и на Запад.

А захлебнувшиеся в крови аборигенные народы Сибири вновь принимались за возрождение своей благодатной родины. И набравшись силы от материнской земли, сбрасывали гнет очередного захватчика²⁸. Освободившись от владычества гуннов, Сибирь вновь превратилась в центр исторической активности своих народов. В VI в. на Алтае возник мощный Тюркский каганат, на Енисее – государство древних хакасов, в Прибайкалье – государство курыкан (народа, вошедшего в состав якутов), в Забайкалье в 745 г. возник Уйгурский каганат, в Приамурье и Приморье – государства тунгусо-маньчжурских племен Бохай и, позднее, Айгурунь

(династия Цзинь). В VII–VIII вв. были созданы и получили широкое распространение самобытные письменности средневековых тюркоязычных народов на основе рунических алфавитов: енисейская, южноенисейская, орхонская и др. Было известно и применялось письмо соседей: согдийское, манихейское, брахми, иероглифы и др. Уйгурский алфавит был создан на основе согдийского.

Древнехакасское государство в IX в. объединило юг Западной Сибири, Алтай, Туву, Хакасию, Прибайкалье, Забайкалье и северную часть современной Монголии. И от Байкала до Иртыша, от Ангары до Гоби расцвели горное дело и металлургия, земледелие и скотоводство, встали торговые фактории, большие и малые города, появились рудники, каналы и дамбы, водяные мельницы... Прокладывались регулярные торговые пути в государства Северного, Центрального и Западного Китая, на истоки Амура, в Восточный Туркестан и в Среднюю Азию. Впервые древние хакасы «пробили окно в Европу» – проложили прямой путь с Енисея на реку Урал и далее на Волгу. Всюду караваны торговцев сопровождали хакасские охранные отряды, следуя по установленному маршруту от станции к станции²⁹.

Международная торговля Сибири приобрела регулярный характер. Путь к енисейским базарам стал хорошо известен купцам на Волге и Каме, на Сырдарье и Евфрате, на Ниле и Инде, на Хуанхэ и Амуре. Географ XII в. ал-Идриси, родившийся в Испании и живший на острове Сардиния, по запискам арабских и персидских купцов подробно описал дорогу к Саяно-Алтайскому нагорью и отметил на своей карте крупные города тогдашней Сибири. Его современник – великий азербайджанский поэт Низами Гянджеви, пораженный развитием этой страны, расположенной почти у «моря Мрака», в поэме «Искендер-наме» именно на Енисей привел своего героя – Александра Македонского, искавшего образец государственного устройства и счастливой народной жизни³⁰.

Эта сибирская держава первой встала на пути Чингисхана и в течение 86 лет боролась с центральноазиатской агрессией³¹. Кровавый XIII в. многое изменил в судьбе Сибири. Два-три последующих столетия историки не случайно называют «темным временем».

Но когда в XVI–XVII вв. на Восток начинает продвигаться Россия, Сибирь предстает перед русскими торговыми и воинскими людьми страной городов-крепостей, административных и торговых городов, оседлых деревень и поселков. Их имели как северные самоеды-оленоводы и охотники, выезжавшие на рать на собаках, так и угорские народности Урала и Оби – охотники и рыболовы; как татары-скотоводы Западной Сибири и тюркоязычные рудокопы-металлурги и торговцы Южной Сибири, так и кочевники-калмыки³². Строителям Красноярского острога на Енисее землю и зерно для первого посева предоставили «кочевники»-хакасы, возившие казакам лес для сооружения первой на древней хакасской земле русской крепости. Ясак с шорцев-металлургов царевы слуги брали не белкой и соболями, а железными котлами, кованными доспехами и оружием – и звали этих природных металлургов «кузнецкими татарами» (отсюда и имена города Кузнецка и другие названия Кузбасса)...

И стало «богатство России прирастать Сибирью». Методы же обогащения были не новы: «если всякие ясачные люди, — писалось в правительственном наказе 1639 г., — не похотят быти под государевою царскою высокою рукою», то «прося у Бога милости... битца с ними сколько милосердный Бог помощи подаст, чтоб они впредь были под государевою царскою рукою послушны и стоятельны и в вечном холопстве неотступны». С конца XVI в. началось невиданное и неслыханное для коренных жителей Сибири хищническое разграбление природных богатств этой огромной страны. Как говорится в «Историческом описании завоевания Сибири»: «С сего времени последовало точное завоевание Сибири и в последующия годы более частными людьми из жадничества к богатству»³³. В Великой тайге пушной зверь был истреблен всего за 50 лет! Уже в середине XVII в. в большинстве уездов Западной Сибири царскому правительству пришлось запретить русский соболиный промысел, а в Якутии соболиный ясак был заменен на лисичий³⁴.

Цену ясаку, вносимому в царскую сокровищницу сибирскими аборигенами, назвал писатель середины XVII в. Г. Котошин: «А присылается из Сибири царская казна ежегодно: соболи,

мехи собольи, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белки в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бабры (тигры, — Л. К.), барсы. А сколько числом тое казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больша шти сот тысяч рублѣв». И это богатство, составлявшее треть всех государственных доходов России, бесследно исчезало из Сибири. В основном оно шло на продажу за золото, которое оседало в московской казне.

По свидетельству английского посла Д. Флетчера (1588–1589), царь Федор Иванович, кроме удовлетворения мехами потребности казны, продавал пушнину за границу ежегодно на сумму 400–500 тысяч рублей по ценам того времени³⁵.

В XVII – начале XVIII в. организованные артели так называемых «бугровщиков» разграбили все наиболее богатые и священные курганы предков коренных сибиряков³⁶. Нарушение вечного покоя мертвых родовичей и былинных героев стало для местных обитателей неслыханным дотоле святотатством и потрясением³⁷.

Царское завоевание прервало процесс самобытного исторического развития коренных сибирских народов. Начался распад древней самобытной цивилизации. И пропали по всей Сибири аборигенные города и крепости. Драматическая и болезненная ломка старых экономических и культурных связей стирала прежние формы общественного сознания, мировоззрения и вековых религиозных верований. Самобытную аборигенную культуру в Северной Азии сменила культура русских переселенцев из Восточной Европы.

Царизм превратил прекрасный привольный край в «страну суровую и угрюмую», в страну ссылки и каторги, страшную для всего цивилизованного человечества. Еще до гибели в 1601 г. хана Кучума царское правительство уже высылало в Сибирь бунтарей, разбойников и военнопленных. В 1608 г. в Томский острог поступило 35 ссыльных. В 1649 г. царь Алексей Михайлович внес в Соборное уложение как «жестокое наказание» ссылку в Сибирь, на Лену. На Енисей начали сылать с 1653 г. В 1679 г. прямой указ о ссылке издал «добрый царь» Федор Алексеевич: «Которые воры объявятся... тех воров сылать в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь...»³⁸.

С тех пор так и повелось – европейская Россия при всех репрессиях ссылает в Сибирь «отбросы» своего общества. Контингент озлобленных, разложившихся уголовников и ссыльнопоселенцев из Европы почти на 400 лет стал незатухающей болью и кровоточащей язвой для коренных народов Сибири и прижившихся местных русских сибиряков-чалдонов. Насилие и принуждение вызывало отпор, постоянную настороженность и страх. Тогда-то коренные народы Сибири и стали терять собственное лицо и свою славную историю.

Сибирь при царизме была превращена в край каторги и ссылки не потому, что климат ее был губительным для человека, не потому, что зима длинная, а мороз суровый; не из-за болот и лесов дремучих – всего этого вдоволь хватало и в европейской России. Главной причиной была страшная отдаленность, невозможность ссыльному одолеть те тысячи немереных верст, которые отделяли его от Центральной России. И чем опаснее был так называемый «государственный преступник», тем дальше его высылали: в Забайкалье, на Лену, на остров Сахалин.

Первые русские промышленники и колонисты ехали в Сибирь добровольно. Они радовались широким просторам и богатствам этой страны, незлобности ее коренных обитателей, возможности жить вольно и свободно, без феодального гнета и крепостного права (в русской Сибири за 300 с лишним лет так и не появились помещики). Урожденные русские сибиряки не могли нахвалиться прекрасными качествами своей милой Родины. Вспомним прославление могущества сибирской природы одним из талантливых ученых-самородков, уроженцем Тобольска, Семеном Ульяновичем Ремезовым, в конце XVII в. В своем труде «О грани и межах всей Сибири» он писал: «Воздух над нами весел и в мерности здрав и человеческому житию потребен... Земля хлебородна, овощна и скотна, опричь меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми бесценными. И торги, привозы и отвозы преволны. Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множественно и ловитвенно. Руд, золота и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа и укладу и простова и всяких красок на шелки, и камней цветных много...»³⁹.

Такова Сибирь. Обширная, разноландшафтная, неисчислимо богатая страна, история освоения которой человеком началась в седой древности, на заре каменного века, и бурно продолжается в наши дни. История народов Сибири так же длительна, разнообразна и многогранна, как и ее земля.

Как и во всей России, надежды на счастливую жизнь вспыхнули у коренных народов Сибири с победой Октября. Много обещали большевики, да ведь кое-что и сделали поначалу. В заснеженных чумах и в юртах, спасающих от холода и зноя, появились учителя и врачи, в тайге и на горных разработках – ученые, у власти – заботливые и справедливые люди. Зародилась и стала крепнуть своя местная интеллигенция. Но надежды народов были развеяны, а ростки нового (и в первую очередь молодая интеллигенция) растоптаны тоталитаризмом в 1930–1940-е гг. Истощила силы и борьба с новым захватчиком. Война с фашизмом шла далеко от Сибири, но (вдумаемся!) у немногочисленных народов Южной Сибири: телеутов, камасинцев и тофаларов – в ее огне сгорел каждый четвертый житель! Та же пропорция, что и у населения оккупированной фашистами Белоруссии. Сколько добытчиков-мужчин не вернулось и у других малочисленных народов Сибири? А страна, защищать которую они ушли добровольно, хладнокровно взирает ныне, как среди нефтяных скважин и алмазных карьеров спиваются и деградируют их едва живые потомки. И к такому крепкому русскому слову «народ» мы уже добавляем в отношении сибирских аборигенов жуткое слово «вымирающий».

До последнего времени в нашей науке и в массовом народном сознании уровень самостоятельного развития аборигенов Сибири несправедливо занижался. Распространялось мнение, что к востоку от Уральского хребта издревле обитали лишь полудикие, бродячие лесные охотники, рыболовы и оленеводы, а также степные кочевники-скотоводы, не знавшие ни оседлости, ни городской культуры, ни цивилизации. Необходимо сказать, что этому активно содействовали и наши коллеги-ученые, в особенности – официозные советские историки

из академических кругов: В. И. Шунков, Л. П. Потапов и другие. Они настаивали на констатации у населения дорусской Сибири первобытнообщинного строя, далее которого оно якобы так и не продвинулось.

Член-корреспондент АН СССР В. И. Шунков не занимался исследованием длительного и противоречивого исторического пути, пройденного предками аборигенного населения Сибири, начиная от архантропов и неандертальцев вплоть до русского завоевания в XVI–XVII вв., но высказывался вполне уверенно: «...точнее было бы определить социальный строй Сибири накануне присоединения ее к России как господство родовых отношений в стадии их разложения, а для некоторых народностей в последней стадии разложения»⁴⁰.

Тем самым зачеркивалось нормальное прогрессивное общественное развитие аборигенов Северной Азии на протяжении нескольких десятков тысяч лет собственной истории и утверждалось представление о сильнейшей отсталости коренных сибиряков от уровня социального строя пришлого русского населения, переживавшего феодальную стадию своего развития.

Парадокс заключается в том, что историю у коренных народов Сибири окончательно «отобрали» в то время, когда была выпущена в свет первая академическая «История Сибири» в пяти томах, одним из главных редакторов и редактором второго тома которой также был В. И. Шунков⁴¹.

Любопытно отметить, что если некоторые советские историки отказывали народам Сибири (даже подданным хана Кучума – последнего правителя государства Сибирский Юрт) в признании феодальной стадии их развитая, то русские цари-феодалы признавали князей сибирских народов равными по статусу русским князьям и дворянам, и даже, поначалу, себе самим.

Так, в 1643 г. последнего правителя Кодского хантыйского княжества Дмитрия Алачева царское правительство вызвало в Москву и сделало московским дворянином (с окладом и большими подарками). Вместо Коды хантыйский князь получил вотчину на реке Вычегде: «волость зовомую Лену, близ Еренского городка». Позднее князь Алачев исполнял почетные службы при

царском дворе наравне с русскими вельможами. Не были обижены и мансийские князья. В 1624 г. князья Пелымского города были приписаны к местным «детям боярским», а их дети стали детьми боярскими на Верхотурье. И гораздо позже царское правительство признавало претензии на высокое положение потомков хантыйских и мансийских князей. Например, в 1767 г. Екатерина II возвела потомков первого обдорского князя Василя (казнен в 1607 г.) Тайшиных в дворянское звание, подтвердив все «дипломы», дарованные их предкам прежними государями.

Даже в 1842 г., когда правнук кондинского князя Сатыги (начало XVIII в.), скромный учитель Туринского уездного училища А. И. Сатыгин, вдруг вспомнил о звании своих мансийских предков и подал ходатайство, то требование его было признано вполне законным, и указом царя Сатыгину было пожаловано княжеское достоинство⁴².

Более того, в русских документах XV–XVI вв. фигурируют «Великие князья», правившие в «Кодском государстве» хантов и в «Пелымском государстве» мансей. Этих Великих князей русские авторы приравнивали по значению и могуществу к Великому князю Московскому, т. е. к самому царю.

Вот и ответ на вопрос отечественных историков и этнографов: «Были ли хантыйские и мансийские князья феодалами?».

Некоторые академические историки еще недавно занимались не только искажением и принижением далекого прошлого коренных народов Сибири, но и проводили отвратительное и циничное запугивание местной творческой интеллигенции сталинским жупелом буржуазного национализма. На этом поприще в Сибирском отделении РАН до сих пор «трудится» В. А. Демидов, который в конце 1970-х гг. (40 лет спустя после 1937–1938 гг.!) вновь принялся громить погибших во время чудовищных репрессий и уже реабилитированных «буржуазных националистов» почти всех коренных народов Сибири⁴³. Под «критику» В. А. Демидова попали выдающиеся деятели культуры и науки: знаменитый алтайский художник Г. И. Гуркин, бурятский ученый Ц. Жамсарано, хакасский этнограф С. Д. Майнагашев, замечательный якутский поэт-просветитель А. Е. Кулаковский, якутский этнограф Г. В. Ксе-

нофонов и другие. Досталось и крупному русскому ученому-путешественнику и патриоту Сибири Г. Н. Потанину, и сибирскому этнографу В. И. Анучину.

Но и этих «побед» Демидову оказалось мало. В книге, посвященной идейной борьбе большевиков в первые годы советской власти, автор нашел место для беспардонных и несправедливых нападок на современных нам исследователей: старейшего главу якутских историков профессора Г. П. Башарина, известных ученых Бурятии П. Т. Хаптаева и Б. Д. Цибилова и Горного Алтая – С. Я. Пахаева, В. И. Эдокова и других. Свою критику Демидов сопровождал далеко небезобидными политическими оценками и, наконец, пришел к «весьма важному» выводу: «Весь исторический опыт многонационального Советского государства убедительно свидетельствует, что ленинская национальная политика одержала полную победу»⁴⁴. Современность смахнула в небытие эти пустые слова, но в то время Ученый совет новосибирских историков удостоил В. А. Демидова высшей ученой степени, а издательство Сибирского отделения Академии наук СССР выпустило его «труд» в свет. Этот специалист по сыску даже сейчас не может остановиться – бьет всех и вся!⁴⁵

Многие «критики» «воссоздавали» историю, загоняя ее в прокрустово ложе современной политики. Некоторые «историки» произвольно истолковывали и даже передергивали факты. Делалось это нередко ради удовлетворения личных амбиций и меркантильных побуждений⁴⁶. Доходит до того, например, что у малочисленных древних аборигенов Южной Сибири (хакасов, алтайцев, тувинцев, шорцев, тофаларов и других) упорно «отбирают» их славную средневековую историю, совершая по сути небывалый «исторический геноцид»! Вопреки данным целого ряда наук и документальным фактам их историю приписывают народу, предки которого никогда в Сибири не жили⁴⁷.

Последние пятьдесят лет существования советской власти малочисленные народности Северной Азии постоянно ощущали на себе все более усиливающийся пресс политики русификации, проводимой партийно-государственным руководством⁴⁸. Постепенно стали исчезать национальные районы (например

Горно-Шорский и Тофаларский в 1939 г.); перестали издаваться учебники и газеты на родном языке; ряд этнических групп (долгане, эвены, негидальцы, тофалары, телеуты, шорцы и другие) остались без собственной письменности; преподавание в школах стало вестись только на русском языке⁴⁹. Учащиеся остававшихся у более крупных народностей национальных школ не могли поступить в высшие учебные заведения из-за недостаточного знания русского языка и отсутствия замены на вступительных экзаменах иностранного языка родным.

Возникли драматические коллизии в семьях национальной интеллигенции, сознательно подвергавшей ассимиляции собственных детей, чтобы обеспечить им возможность получить высшее образование и занять в обществе достойное положение, отцы и матери, владеющие и русским, и родным языком, скрепя сердце стали в семье говорить с детьми только на русском языке. В результате их дети вырастали русскоязычными, без знания родного языка, даже хотя бы в разговорной форме. И число людей, не знающих родного языка или же ставших только русскоязычными, резко возросло. Процесс ассимиляции, подталкиваемый сверху, набрал ускорение и объявлялся благом⁵⁰.

Появилась угроза полного исчезновения многих малочисленных этнических групп и народностей из числа коренного населения Сибири. Каждый этнический коллектив, носитель особого языка и самобытной культуры, уникален. Но у нас до сих пор нет Красной книги для аборигенных этносов, нет заботы об их сохранении, нет и самой культуры сбережения. А ведь среди сибирских народностей есть такие этнические уникалы, которые единолично сохраняют язык целой вымершей языковой семьи. Гибель одного такого этноса – это окончательное исчезновение целой языковой семьи, как правило, недостаточно или совсем не описанной и не изученной современной наукой. Это страшная утрата в истории всего человечества. И нужны экстренные меры по спасению тех этнических групп, которые находятся на грани исчезновения, на краю гибели.

История Сибири учит добросовестных исследователей прошлого тому, что нередко периоды высокого подъема развитого общества, с прогрессирующими экономикой и культурой, сменяются

периодами упадка и регресса, в особенности если в это развитие вмешиваются опустошительные вторжения иноземных завоевателей или же неразумная политика, злая воля правящих кругов и т. п. Не менее страшные последствия для любой цивилизации таятся в междуусобных распрях и войнах. И сегодня, когда Сибирь вновь сбрасывает с себя тяжкие путы, мешавшие ее свободному развитию, когда народы Сибири получают возможность стать строителями своего будущего, необходимо помнить об этой опасности.

Мир царит только там, где научились помнить не столько свои, сколько соседские обиды.

Свободная Сибирь должна быть очищена от скверны переселенческих комендатур, тюрем, концентрационных лагерей, освобождена от самого духа ГУЛАГа. Смысл технического прогресса заключается не в том, чтобы сокрушать традиционные культуры, а в том, «чтобы облегчить в их рамках существование человека»⁵¹.

А какой нравственный и морально-психологический урон понесли коренные сибирские народы и их потомки от ссылок, переселений и народного рабства 1950–1970-х гг.: целина, первостройки (железные дороги, плотины гидроэлектростанций, оросительные каналы, БАМ, алюминиевые и химические комбинаты, тайные города – «9-тки», «26-е» и другие секретные объекты), тунядцы, столичные проститутки. И этот список можно продолжить.

В настоящее время пригодные для заселения земли в Сибири давно освоены, сибирские города до крайности перенаселены. Сыграли свою роль здесь и политика подселения в Сибирь целых народов, сделавшихся неуютными для очередных правителей этой страны (ссылные прибалтийцы, поляки, калмыки, поволжские немцы...), и бегство от голода (чуваши и поволжские финны – мордва, марийцы, удмурты). Теперь в Сибирь двинулись беженцы из Средней Азии, Прибалтики и Приднестровья. А между тем, как выяснилось, в центральных нечерноземных областях самой России образовалось много пустынных и залежных земель, заброшенных человеком!

Так давайте проникнемся уважением к сложнейшему историческому пути, пройденному коренными сибирскими народами, вспомним достигнутые на нем вершины, создадим народам условия для благоприятного развития и будем вместе работать над

тем, чтобы Сибирь стала чистым, спокойным и добрым общим домом для всех населяющих ее народов.

Роль сибирского природного потенциала и его первостепенное экономическое значение для судеб всего населения России вновь выходит на передний план. Но Сибирь не может и не должна быть только колониальным придатком европейской метрополии. Пора прекратить бездумное расхищение природы Северной Азии. Коренные народы Сибири должны получить законное право не только на свою долю богатств единственной для них Матери-Природы, но и на почетное место в новой создаваемой цивилизации народов Евразии.

Разум побуждает смотреть в будущее и помнить о потомках наших – их сибирская Родина должна быть благодатной, процветающей, солнечной землей и впредь⁵².

Примечания

1. Здесь под этим термином (из греческого) имеется в виду совокупность исторических сочинений (примечание редактора).
2. Ср.: Мифы народов мира. — М., 1987, т. 1. — С. 307.
3. Там же. — С. 596 (ср.: Алексеев, М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. — Иркутск, 1932, т. 1. — С. XXXI. Известно, что бычьи или коровьи рога в древнем мире являлись символом святости и близости к божеству).
4. Легенда об Александре Македонском, загнавшем «скверные языки» в горы высокие, «в полунощные страны», за Югру, и запершем их медными вратами, приведена и в древнерусской «Повести временных лет» XII в. См.: Лаврентьевская летопись, вып. 1. — Полное собрание русских летописей. — Л., 1926, т. I. — С. 235.
5. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1965. — С. 253 (ср.: Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 15–16).
6. Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский, Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1974.
7. Там же. — С. 24–30, 40–42. См.: Геродот. История в девяти книгах. — Л., 1972. — С. 190–196.
8. Мифы народов мира, т. I. — С. 304 (ср.: Мифологический словарь. — М., 1990. — С. 155, 157, 260. Добавлю, что в XIV в. новгородские мореходы Моислав и Яков «видели» земной рай на одном из островов Ледовитого океана. См.: Послание архиепископа новгородского Василия ко владыце тверскому Феодору о рае. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1853, т. 6. — С. 87–89).

9. Геродот. Указ. соч. — С. 193–194.
10. Кызласов, Л. Р. Начало сибирской археологии. — Историко-археологический сборник. — М., 1962.
11. Имеется в виду год первого издания этой статьи. К нашим дням прошло уже три века (примечание редактора).
12. Карлсон, Р. Л. Ранние культуры Северо-Западного побережья Северной Америки. — Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. — Новосибирск, 1983; Рычков, Ю. Г., Ящук, Е. В. Генетическая память об этногенезе. — Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. — М., 1986; Ларичев, И. П. Палеоиндейские культуры Северной Америки. — Новосибирск, 1976; Окладников, А. П. Первыми американцами были сибиряки. — Наука и жизнь, 1975, № 12.
13. Абрамова, З. А. Красный яр – новая палеолитическая стоянка на Ангаре. — Советская археология, 1962, № 3.
14. Книга Марко Поло. — М., 1955. — С. 123.
15. Абд Ар-Рашид ал-Бакуви. Сокращение (книги о) «памятниках» и чудесах царя могучего. — М., 1971. — С. 104.
16. Муратов, В. М., Оводов, Н. Д. и др. Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сья в Хакасии. — Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982; Ларичев, В. Охотники, художники, рудознатцы. — Знание – сила, 1977, № 2.
17. См. примеч. 52 (примечание редактора).
18. Окладников, А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 18. — М.-Л., 1950. — С. 205, 220–230.
19. Кызласов, Л. Р. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. — Советская этнография, 1952, № 2; он же. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. — М., 1960. — С. 132–134, 183–185, табл. 4, 109.
20. Кызласов, Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. — С. 135.
21. Кызласов, И. Л. Орудия таштыкских ювелиров. К истории ремесленного производства в Южной Сибири. — Советская археология, 1985, № 1.
22. Андреева, Ж. В., Жущиховская, И. С., Конаненко, Н. А. Янковская культура. — М., 1986. — С. 60–61, рис. 21; Окладников, А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — Материалы и исследования по археологии СССР, т. 112. — М.-Л., 1963; Киселев, С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — С. 570.
23. Смирнов, А. П. Волжские болгары. — Труды Государственного Исторического музея. — М., 1951, вып. XIX. — С. 112, 114–115; Киселев, С. В., Евтюхова, Л. А., Кызласов, Л. Р. и др. Древнемонгольские города. — М., 1965.

24. Зданович, Г. Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. — Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

25. Кызласов, Л. Р. Проблемы археологии Сибири эпохи металла. — Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». — М., 1991, вып. 2. — С. 66–69.

26. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. — С. 7–9.

27. Грязнов, М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. — Л., 1980; Кызласов, И. Л. Большой Салбыкский курган. — Абакан, 1985; Лубо-Лесниченко, Е. И. Пазырык и западный меридиональный путь. — Страны и народы Востока. — М., 1987, т. 25.

28. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века.

29. Кызласов, Л. Р. Торговые пути и связи Древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой. — Западная Сибирь в эпоху средневековья. — Томск, 1984.

30. Кызласов, Л. Р. Низами о Древнехакасском государстве. — Советская археология, 1968, № 4; он же. Античная традиция о благословенном городе в центре Азии. — Вестник Московского университета, серия 8, история, 1992, № 3.

31. Кызласов, Л. Р. Борьба народов Южной Сибири против иноземных завоевателей в XIII в. — Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983.

32. Кызласов, Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. — М., 1992.

33. Лебедев, Д. М. География в России XVII века. — М.-Л., 1949. — С. 80; Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982. — С. 311.

34. Павлов, П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972; он же. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. — Красноярск, 1974.

35. Котошихин, Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2. — СПб., 1859. — С. 76–77; Флетчер, Д. О государстве русском. Изд. 3-е. — СПб., 1906. — С. 47.

36. Кызласов, Л. Р. Начало сибирской археологии. — Историко-археологический сборник. — М., 1962.

37. Необходимо осознавать, что современные хищники — частные коллекционеры древностей, вдохновляют грабительские бригады с металлоискателями, на глазах общества навсегда уничтожающие национальное достояние. В отношении хакасов эти люди совершают прямое преступление, истребляя исторические корни народа, постигнуть которые без изучения целостных археологических памятников невозможно (примечание редактора).

38. Котошихин, Г. Указ. соч. — С. 76 и 81; Ключевский, В. О. Курс рус-

ской истории. — Сочинения в девяти томах. — М., 1988, т. 3. — С. 136; Андреев, А. И. Этнографические труды С. Ремезова о Сибири. — Советский Север, 1938, № 1.

39. Гольденберг, Л. А. Семен Ульянович Ремезов. — М., 1965. — С. 139.

40. Шунков, В. И. Генезис феодальных отношений в Сибири. — Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. — М., 1969. — С. 251–252 (ср. критическое выступление по его докладу Л. Р. Кызласова; там же. — с. 285–287); он же. Вопросы аграрной истории России. — М., 1974. — С. 223–252 (ср.: Потапов, Л. П. К истории освоения русскими Красноярского края в XVIII в. — Русское население Поморья и Сибири. — М., 1973).

41. История Сибири. — Л., 1968, т. 1–5 (ср.: том 2, с. 26).

42. Бахрушин, С. В. Научные труды. — М., 1955, т. 3, ч. 2. — С. 130–135, 145, 148–151.

43. Демидов, В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923 гг. — Новосибирск, 1978.

44. Там же. — С. 12–22, 363.

45. См.: Демидов, В. А. Крах Каракорума. — Классы и политические партии в Октябрьской революции и Гражданской войне в Сибири. — Новосибирск, 1991. — С. 142–144.

46. См. одиозную брошюру Ю. С. Худякова «Кыргызы на Енисее. Учебное пособие» (Новосибирск, 1986) и псевдонаучную книгу В. Я. Бутанаева «Этническая история хакасов XVII–XIX вв.» (М., 1990).

47. См.: «Вопросы этнической истории киргизского народа» (Фрунзе, 1989) и справедливую рецензию А. М. Мокеева «К выходу в свет книги "Вопросы этнической истории киргизского народа"». — Известия АН Киргизской ССР, 1990, № 3, с. 66–71 (ср. критические статьи И. Л. Кызласова «О самоназвании хакасов» и «Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай»). — Этнографическое обозрение, 1992, № 2).

48. Потапов, Л. П. О национальной консолидации народов Сибири. — Вопросы истории, 1955, № 10.

49. Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе. — Новосибирск, 1967.

50. Топоев, А. Г. О некоторых моментах национального развития хакасской народности в эпоху диктатуры пролетариата. — Ученые записки Хабаровского гос. педагогического института. — Магадан, 1958, т. 3.

51. Кулемзин, В. М., Лукина, Н. В. Знакомьтесь: ханты. — Новосибирск, 1992; Тарасов, А. Поминки по северу. — Газета «Известия», № 193, от 9 октября 1993 г.

52. Журнальный вариант этой статьи опубликован: Вестник Московского университета, серия 8, история, 1993, № 4 (примечание редактора).

Новая оценка жизнестойкости Древнехакасского государства

Принято считать, что основными символами государства являются флаг, герб, гимн и денежная единица. Но есть и другие не менее важные признаки. Среди них большое значение имеет самобытная титулатура должностных лиц, сохранение которой свидетельствует об исторической преемственности государственной системы. Этот признак действует даже в том случае, когда произошли изменения в принципах построения иерархической лестницы. Важным показателем является также собственная государственная письменность, свидетельствующая о сохранении культурной и мировоззренческой традиции.

Оценивая историческую роль крупнейшей южносибирской державы эпохи средневековья – Древнехакасского государства – важно установить длительность воздействия его традиций на общественную жизнь народов Сибири. Мы предлагаем новый взгляд на документальные факты, определяющие историческую стойкость государственных установлений этого более чем тысячелетнего образования в сфере самобытной письменной культуры и официальной титулатуры.

Может ли быть что-либо более трагичное для культуры малочисленных тюркоязычных народов Южной Сибири, чем утрата и забвение ими собственной оригинальной письменности? Свыше пятисот лет ее знали, изучали, постоянно ею пользовались

жители территорий современных Восточного Казахстана, Горного Алтая, Тувы, Монголии, Прибайкалья и Хакасско-Минусинской котловины. По современным данным тюркоязычные близкородственные руноподобные письменности находились в употреблении с VIII по XIII в. и, предположительно, исчезают в период монгольского нашествия в XIII в.¹ Причина и время их окончательного исчезновения еще точно не установлены². Для решения этой проблемы требуются дополнительные исследования, которые мы и проводим.

Обнаруживая средневековые надписи далеких предков на скалах или каменных плитах, современные южносибирские турки прочесть их не умеют. Далеко немногие из них знают, что это памятники забытой письменности, употреблявшейся некогда их собственными прадедами. Иногда же за надписи люди принимают тамги или наскальные рисунки.

Но не все исчезло. В памяти народов брезжит свет воспоминаний о своей письменности. Полнее всего тема письменности раскрывается в фольклоре хакасов, алтайцев, тувинцев, шорцев и других тюркоязычных народностей Саяно-Алтайского нагорья.

В их героических сказаниях молодые богатыри обычно грамотны от рождения. Все они пишут и много читают. Герои эпоса на бумаге, бересте или коже пишут записки, письма, гадания и даже книги. Иногда боги-создатели опускают с небес священные книги, желая образумить, умудрить и наставить на путь истинный богатырей и их родственников.

Переносчиками записок и писем в фольклоре оказываются или вещая птица, например ворон (хара хусхун), или волшебная живая стрела, которую богатыри-алпы всюду посылают в качестве посла. Письма к живой стреле привязывают. Так как стрелы у богатырей всегда свистящие, то о полете живой стрелы узнают по издаваемому ею свисту.

В хакасском эпосе упоминаются, например, «черная книга», «большая книга», «золотая книга», «книга в золотой обложке», «книга в серебряной обложке», «книга в виде бумажного свитка» и т. д. В «Древней черной книге» алып «увидел, где находится (искомая) гора Ах сын» (сказание «Хан Киче-

гей»); «черная книга дала совет» («Албынжи»); в бумажной книге «на 60-той странице было написано...» («Тюльгю хызыл алып-хыс»); «в большой книге давным-давно было предсказано, что будет в течение жизни трех поколений после Вашего отца» («Айдолай»). «Большая книга в серебряной обложке» была волшебной – в ней содержался список продуктов. Когда ее читали: «мясо, сметана, молоко...», то все это возникало на столе. В «золотой книге» богатырь читает целое сказание о деяниях другого богатыря («Хан Кичегей»); по «черной книге» всему учатся, но прежде всего богатырским делам и обычаям («Кўмўс ханаттыҒ...»).

В некоторых сказаниях рассказывается, что герои-алыпы пишут «острием стального меча» послания на каменных плитах, скалах, на медных «камнях» и на деревьях («Алтын АрыҒ»)³.

В фольклоре современных хакасов, алтайцев и тувинцев постоянно фигурирует вещая «Золотая Книга» (Алтын сүхдур или судур), падающая с неба. По этой книге мудрые сестры богатырей предсказывают их судьбы, гадают о будущем. «Алтын судур» переводится как «Золотая сутра». Очевидно, в реальной жизни южносибирские тюрки были некогда хорошо знакомы с известным сочинением – «Сутра золотого блеска» (Алтун яруг ном). Так называлась священная книга восточнотуркестанских уйгуров-буддистов, которая еще в X в. была переведена на древнеуйгурский язык. Это сочинение настолько запало в народную память предков современного населения Южной Сибири, что имя его сохранилось и дошло до нас в фольклоре как символ учености⁴.

Если бы списки «Сутры золотого блеска» в X–XII вв. существовали только в записи уйгурским вертикальным письмом, то едва ли многие средневековые хакасы сумели бы их прочесть. Уйгурскую письменность знали отдельные знатоки, но в широком обиходе на Енисее она не была. В Хакасии найдена лишь одна серебряная чарка XI в. с уйгурской надписью, привезенная из Восточного Туркестана⁵.

Можно предположить, что «Сутра золотого блеска» была переведена на литературный язык средневековых хакасов и существовала в списках на енисейской руноподобной письменности, подобно другим переводным книгам. Одной из последних

в тюркском средневековье была знаменитая «Гадательная книга» – «Ырк битиг», также широко известная по фольклорным произведениям алтае-саянских народов.

Для осознания роли самобытной древней культуры существенно также, что скалы с руническими и иными надписями хакасы называют «Пічіктіг хая», тувинцы – «Бижиктиг-Хая», алтайцы – «Бичикту-Кайа». Означает это одно и то же: скала с надписями. Следовательно, в своих языках южносибирские тюрки имеют собственные термины для понятия письмо, грамота, надпись: «бижик» (тувинцы), «бичик» (алтайцы), «пічік» (хакасы, литературное), «мічік» (сагайцы и шорцы). Все они не прямо восходят к древнетюркскому «битиг», как обычно тюрки называли в средневековье любой текст, записанный руническим алфавитом⁶. В монгольскую эпоху (XIII–XIV вв.) под воздействием чужого, но господствующего языка (у монголов «бичиг») у саяно-алтайских тюрков в середине этого слова звук «т» перешел в «ч» – «битиг» стало «бичик, бижик, пічік».

Впрочем, монгольское «бичиг», как показывают филологи-монголоеды и тюркологи, само восходит к тому же древнетюркскому «битиг» и заимствовано монголами в начале XIII в. от уйгурских писцов-грамматеев и переводчиков с тюркских языков⁷. До того времени никакой письменности у монголов не было. Она появилась в результате необходимости обучения детей Чингисхана, а затем и для ведения государственных дел. Делопроизводители из числа пленных уйгуров на базе уйгурского алфавита с 1204 г. стали создавать для монголов их первое вертикальное письмо⁸.

В записках китайских дипломатов, ездивших к монголам в 1233–1236 гг., сказано, что управителей делами государства монголы называют «бичэчэ», т. е. писарями⁹. В документах, написанных на созданной в 1269 г. квадратной монгольской письменности, употреблялась полная форма «бичиг» – письмо от «бичи» – писать. Например, это слово встречается в Эдикте Мангала 1276 г.¹⁰

Когда же южносибирские тюрки сменили классическую форму древнетюркского слова «битиг» на монгольское «бичиг»? Со времени второго кровавого завоевания Южной Сибири арми-

ей Джучи-хана в 1218 г. и до победоносного восстания средневековых хакасов в 1273 г. прошло 55 лет¹¹. Это достаточный срок для того, чтобы культура господствующего народа наложила тяжкий отпечаток на физический тип, культуру и языки завоеванных народностей.

С насильственной активной монголизацией связаны этнические преобразования в составе населения Южной Сибири. Начался процесс формирования современных южносибирских народов и их языков.

После победы над монголами в 1273 г. хакасские князья восстановили свою власть в бассейнах верхнего и среднего течения Енисея. Наступил заключительный период самостоятельного существования древнего государства тюркоязычного населения Южной Сибири. Продолжался он 20 лет, до 1293 г. Это было не только время реставрации собственных государственных институтов, но и время духовного возрождения народа. Тогда-то и была произведена, очевидно, реформа государственной енисейской письменности. При этом были учтены многие лексические и иные изменения, произошедшие в языке южносибирских тюрков за прошедшие 55 лет монгольского языкового засилья.

Как известно, нормы правописания этапа классического рунического письма VIII–XII вв. оставляли без обозначения гласный звук в начале или середине слова. Все гласные звуки обычно восстанавливаются при чтении в соответствии с исконно тюркской гармонией входящих в слово гласных и согласных звуков¹². Например, слово «битиг» в древнетюркских памятниках писалось лишь четырьмя руническими знаками, без обозначения буквой второго гласного звука, а иногда – лишь тремя знаками, без обозначения гласных¹³.

Реформа рунической письменности, произведенная, судя по некоторым данным, в Древнехакасском государстве в период реставрации 1273–1293 гг., привела к новой системе правописания – полному обозначению на письме буквами всех гласных звуков в любом слове. Так, енисейская руноподобная письменность вступила во второй этап своего развития, датирующийся концом XIII – началом XV в.¹⁴

Ярким примером надписи второго пореформенного этапа является слово «бичиг» – надпись, приписанное в конце текста пись-

менного памятника с реки Ербы (обозначаемого обычно как Е 37). Надписи Е 37/1 начертаны в середине X в. рунами классического первого этапа на плоской спине мужской каменной скульптуры, изображающей умершего древнехакасского вельможу. А слово «бичиг» (Е 37/2) дописано позднее, вверху, на свободном месте, уже на голове изваяния¹⁵. Слово это явно послемонгольское, прижитое тюркам монгольскими правителями, написано оно по-новому, с обозначением всех гласных звуков буквами, но все же енисейской графикой (например, «б» имеет характерный облик, отличающий енисейские написания от орхонских).

Очевидно, его приписал как пояснение к старому тексту местный грамотей из числа хакасов после прочтения основной надписи. Но дописал его в новой омонголенной форме и по новой орфографии. С процессом активной монголизации в конце XIII – начале XV в. связаны, следовательно, современные формы этого слова у всех народов Саяно-Алтайского нагорья. Как видим, енисейская руническая письменность не погибла в начале XIII в., как полагали ранее. Она пережила все ужасы монгольского завоевания и уцелела. Вычленение рунических надписей нового этапа, созданных в период монгольского господства над народами Южной Сибири, это еще дело будущего. Но, без сомнения, «бичиг» в надписи Е 37/2 – первый образец слова, относящегося ко второму хронологическому этапу развития тюркоязычной рунической письменности у населения долины Среднего Енисея. Другой образец – надпись из Тувы, вырезанная на скале Бижиктиг-Хая в горе Хая-Бажи, на правом берегу реки Хемчик¹⁶. Дальнейшая работа поможет выявить и другие тексты.

Монгольский период в истории Южной Сибири привел к видоизменению не только этнического состава и физического типа населения, но и к изменению его языкового состояния. В XIV–XV вв. складываются, в силу исторических причин, современные южносибирские народности: хакасы, тувинцы, алтайцы, шорцы и тофалары. Все они испытали, хотя и в разной степени, монгольское воздействие. В ту же эпоху оформляются самостоятельные языки этих народов со всеми присущими им особенностями¹⁷.

Кроме «бижик, бичик, пічік» – письмо, грамота – у южносибирских тюрков известны связанные с фольклором названия «сабыра пічік» – богатырское письмо (хакасы), «сабыр пичик» – письмо, получаемое шаманом от верховного божества Ульгена (телеуты); «самбыра» (алтайцы), «самбыра, санбара» – записная книжка из трех дощечек, покрытых особым составом из пепла и сала для письма (тувинцы)¹⁸, а у монголов это «самбар» – доска, стэнд.

«Сабыра» – позднее монголо-тибетское лексическое заимствование (восходящее к санскриту), связанное, скорее всего, с монгольской письменностью, и поэтому применять этот термин к руническим текстам некорректно.

Но вернемся к вопросу о времени окончательного исчезновения енисейской рунической письменности тюркоязычных народов Южной Сибири. Монгольская письменность, основанная на старом уйгурском алфавите, появившаяся в начале XIII в., вплоть до современности обслуживала монгольский письменный язык¹⁹.

В XVI–XVII вв. монгольская письменность приобретает международный характер. Ее ответвлением становится калмыцкое письмо. К этому времени, в силу политического принуждения, монгольская письменность получила некоторое распространение и среди двуязычных представителей южносибирских тюрков. Но писали они на ней только по-монгольски. Для тюркских языков на Саяно-Алтае она не применялась. Известны сохранившиеся в московских архивах (ЦГАДА) дипломатические письма хакасских князей XVII в., посланные ими царю в Москву. Они написаны новым монгольским письмом на калмыцком языке²⁰. Этот факт не является доказательством отсутствия в XVII в. старой хакасской руноподобной письменности. Она могла сохраняться среди тюрков Южной Сибири для внутреннего употребления. Предположение это опирается на некоторые косвенные данные.

Сто десять лет тому назад в г. Санкт-Петербурге был издан один документ, вышедший в 1701 г. из Красноярской воеводской канцелярии²¹. В нем по свежим следам сообщается, что в августе–сентябре 1701 г. в «Киргизской земле» (т. е. в Хакасии)

на реке Абакан находились с дипломатической миссией красноярские посланники во главе с Романом Торгашиным. Им было поручено заключить письменный мирный договор с находившимся в Хакасии калмыцким зайсаном Абой – представителем джунгарского хана – и хакасскими князьями из аристократического рода Хырғыс. Красноярские послы выполнили свою нелегкую миссию, и договор был заключен. Это произошло с помощью влиятельного хакасского законоведа «езерского судьи ажо» (другие написания в русской адаптации: «ожо» или «оджа»). Но из двух сопутствующих документов (№ 15 от 1700 г., с. 75 и № 122 от 1714 г., с. 522) проистекает, что «ажо» – это титул езерского судьи, которого звали Боту (упоминаются в русской адаптации: «Тажин сын Ботиажо» и «Тажину сыну Боте», а также – зайсан Ботю «киргизской породы»). Боту чаще других ежедневно посылался к русским послам, потому что, без сомнения, знал русский язык и был грамотен по-русски.

Сопоставим теперь этот титул начала XVIII в. с известными средневековыми данными. О Древнехакасском государстве VI–X вв. китайские летописи (Таншу (X в.), Синь Таншу (первая половина XI в.), Тайпинхуаньюцзи (976–983) и др.) многократно сообщают: «Государь называется Ажо: почему и прозывается также Ажо. У него водружено знамя»; «Но только что уйгуры начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать... – вдовствующей ханьшею, жену... – ханьшею»; «Ажо имеет пребывание у Черных гор. Стойбище его обнесено надолбами»; «Законы их очень строги. Произведший замешательство пред сражением, не выполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство приговаривают к отсечению головы»²².

Как видно, в VI–XII вв. у древних хакасов Ажо был титулом государя, который был и верховным судьей – исполнителем законов. Этот титул весьма самобытен – он существовал только в Древнехакасском государстве и не известен у других народов²³.

Но в XVII – начале XVIII в. в Хакасском государстве единодержавного государя Ажо (кагана или хана) уже не было. Из скудных сведений русских источников можно заключить, что в последний период своего существования Хакасское государство представля-

ло собой феодальную федерацию из четырех княжеств: Алтысарского, Езерского (Ызырского), Алтырского и Тубинского. Каждым княжеством управляли князья из аристократического хакасского рода Хыргыс. Но Боту ажо, происходивший из того же хыргысского рода, от природы занимал самое высокое положение среди хакасской знати. Это видно из того, что джунгарский хан к 1714 г. возвел его в звание зайсана. В 1701 г., согласно русскому документу, по должности своей он был «езерским судьей», т. е. хранителем законов Езерского (Ызырского), центрального по положению княжества «Киргизской земли». И этот высший почетный титул Ажо в тот период, очевидно, имел один Боту, вероятно, получив его по наследству. Ни о каком другом Ажо за сто лет борьбы с Хакасским государством русские документы, насколько известно, не сообщают.

Следовательно, почти вплоть до перехода остатков хакасского народа под юрисдикцию Российской империи еще сохранялись собственно хакасские государственные институты с номенклатурными должностями, которые занимали представители титулованной знати хакасов. Важно понять, что в течение целого тысячелетия сохранялся высший древнехакасский титул Ажо. Только после присоединения Хакасии к России он перестал употребляться не только в документах, но и в языке хакасов.

Отчего же этот титул пропал со страниц истории вместе с именем самого Боту? Ведь у него был сын-наследник.

Тажин, «сын Боти ажо», в 1701 г. уже был высоким государственным чиновником. Документ № 15 упоминает его среди «лутчих киргиских людей». К Тажину в то время были «собраны киргиские киштыми со всех посторонних рек»²⁴. Вероятно, сын Ажо распределял задания кыштымам на осеннюю пушную охоту и, скорее всего, управлял сбором и хранением албана, то есть обязательной государственной подати.

Безвозвратная утрата хакасским обществом верховного титула Ажо сама по себе означала окончательное крушение последних остатков древней хакасской государственности. Эта утрата произошла спустя два года после заключения вышеупомянутого хакасско-красноярского договора. В июле 1703 г. прави-

тель Джунгарии хан Цэван-Рабдан (1697–1727 гг.) приказал своему наместнику в Хакасии Аранжаме «киргиз и киргизских кыштымов всех с женами и с детьми, и со скотом привести к себе». Джунгарский правитель, по-видимому, опасался, что Хакасская земля будет вскорости захвачена, если не Россией, то Цинами. На последнюю причину переселения «киргизов» джунгарами в 1703 г. указал еще П. А. Словцов, подчеркнув, что соседняя «земля урянхайская занималась китайскою силою»²⁵.

Угон был насильственным и неожиданным. Людей и скот перегоняли тремя колоннами под конвоем из двух тысяч конных калмыцких воинов. Путь шел через Горную Шорию на Алтай и закончился в верховьях Иртыша. И хотя джунгары угнали далеко не все хакасское население (всего около 3000 человек), хотя почти половина угнанных в последующие года вернулась на родину, это событие оказалось роковым для государственности хакасов, т. к. была уведена вся правительственная верхушка из рода Хыргыс²⁶.

Впоследствии в резиденции джунгарского хана на реке Или оказались алтысарский тайчжи Агалак Кашка, алтырский князь Тангыт-батыр-тайчжи, ызырский князь Шарло Мерген, ведущий князь Корчун (сын знаменитого Иренака), малоизвестные князья Кулеген, Колича и другие²⁷.

Тогда же были вывезены с Енисея в Джунгарию и Боту Ажо с сыном. В ставке джунгарских ханов Ажо пользовался большим уважением и почетом не только как высокородный князь, но и как многоопытный специалист-дипломат. Он, например, вместе с «лучшими» калмыцкими зайсанами участвовал 29 февраля 1714 г. в сложных переговорах с русским послом Иваном Чередовым, направленным из Тобольска. Посол в отчете особо отметил, что «киргиской породы два зайсана Сонжюр и Ботю призывали его Ивана на переговоры и на написанные статьи в листу ответ давали»²⁸, так как, очевидно, не только говорили по-русски, но и были по-русски грамотны.

Другой русский посол, майор Угримов, посетивший джунгарского хана в 1731–1733 гг., в своем отчете в Москве специально отметил, что «киргизский князь Бото... в конференциях при калмыцком владельце Галдан-Церене... был и заседал»²⁹.

В интересах дальнейшего изложения сразу же отметим здесь, что приведенные данные свидетельствуют, прежде всего, насколько образованным и высокопрофессиональным политиком был последний хакасский Ажо Боту. Выясняется, что он был знатоком многих языков и не только говорил, но и был грамотен как на хакасском, так и на русском, монгольском, калмыцком и на языках тюркоязычных народов Сибири и Джунгарии. Не исключено, что Боту мог объясняться по-китайски и на диалектах южносамодийских и енисейскоязычных кыштымов, и соседей хакасов, с которыми он имел дела на своей многоэтничной родине. Находясь в чужой стране свыше 30 лет, в период правления двух джунгарских ханов, он благодаря своим способностям беспрерывно занимал высшие должности в дипломатическом ведомстве калмыцкого государства. Его имя, без сомнения, было хорошо известно не только посланникам центральноазиатских стран, но, в первую очередь, о нем знали руководители международных ведомств Российской империи – Сибирского и Посольского приказов.

Приходим к выводу, что в 1703 г. произошел не просто угон в плен части населения Хакасии, каких и до этого было немало. В 1703 г. произошло историческое событие, которое, образно говоря, означало «отчленение головы» от хакасского общества и перенесение ее в чужую страну. Когда были вывезены члены государственного аппарата и родовитые хакасские феодалы, тогда сразу и окончательно исчезло Хакасское государство.

Оставшиеся на родине хакасы, по рождению входившие в аристократический род Хыргыс, как показали изучавшие эту проблему исследователи, в 1704–1707 гг. подверглись безжалостному истреблению³⁰. Их уцелевшие потомки уже не только не претендовали на верховную власть в своей земле, но предпочитали скрывать традиционные права своего рода даже в XIX и XX вв.

Именно в начале XVIII в. происходит окончательное присоединение Хакасии к России – присоединение земель, лишенных прежних устоев (как и самой поддерживавшей их правящей верхушки общества), дезорганизованных, фактически неуправляемых, разобщенных, истекающих кровью.

Весьма характерно, что Российское государство закреплялось на Енисее прежде всего там, где разрушалась местная си-

стема власти. Показательны в этом смысле конец хакасского Тубинского княжества и все последствия этого события. Красноярские власти, уже с начала 1660-х гг. считавшие население енисейского правобережья своими ясачными инородцами³¹, в 1692 г. карательными отрядами произвели, как пишет выдающийся исследователь истории Сибири член-корреспондент Академии наук СССР С. В. Бахрушин, «настоящую бойню» в Тубинском княжестве. Тогда сначала «были перебиты все тубинцы и киргизы, которые издавна кочевали под Красноярском», а затем, во время двухдневного сражения, было убито около 700 тубинских воинов, среди которых пали и четыре князя. Более 600 осиротевших женщин и детей угнаны в полон³².

Этот жестокий погром обезлюдил Тубинское княжество и сильно ослабил всю «Киргизскую землю». Тогда-то на правобережье Енисея из оставшихся кыштымов сформировалась так называемая «Койбальская ясачная волость».

Теперь понятно, почему основная инициатива о принятии Хакасской земли в состав Российской империи исходила от кыштымов «Койбальской ясачной волости», которые в ряде писем царю Петру просили, «чтоб в пристойном месте для сбора ясаку и им и иноземцам для обороны от киргиз поставить острог»³³. Поэтому опорный Абаканский острог для безопасности был сооружен в 1707 г. посреди Хакасской земли, но не на реке Абакане, а на правом берегу Енисея, пониже известной горы Туран. 30 августа были привезены из восьми окрестных улусов «лучших людей 20 человек», которые пообещали платить по 6 соболей с человека и оставили в русском новом остроге двух аманатов-заложников. «Добровольное присоединение» Хакасии к России закончилось в 1718 г. сооружением второго воинского Саянского острога близ новой границы с Китайской империей³⁴.

Вернемся ко второму аспекту обсуждаемой нами темы – к проблеме самобытной хакасской письменности и времени ее исчезновения. Затронутый выше документ, повествующий о хакасско-русском договоре 1701 г., позволяет заключить, что для

внутреннего употребления и судопроизводства в Хакасском государстве и в конце последнего его периода существовала собственная письменность. В документе № 37 ясно сказано: «У подлинного договору написано в конце татарским письмом; а что написано, того перевести в Красноярске некому»³⁵. Приписку «татарским письмом» сделал, вероятно, непреременный участник переговоров с хакасской стороны верховный хранитель древних государственных законов Боту ажо. Какова же была эта собственная «татарская» письменность хакасов в начале XVIII в.? Ни уйгурская, ни старотюркская арабскими буквами, ни чагатайская письменности никогда на Енисее не употреблялись. К тому же их знали бы жившие в Красноярске турки-мусульмане (татары, бухарцы и др.) и заезжие купцы с Востока. Если тысячу двести лет на Енисее сохранялся титул древнехакасского государя-правителя, существовал собственный государственный аппарат, то для функционирования такого должно было сохраняться и старое государственное письмо – древняя енисейская руническая письменность. Как мы видели, она не погибла в эпоху монгольского нашествия в XIII–XV вв. Сохранялась она, вероятно, корпоративно, в среде высшей знати, обучавшей старой грамоте только свое мужское потомство. Поэтому рядовые «езерцы» (ызыр) – красноярские качинцы – рунической письменности не знали и читать ее не умели. Не знали ее и не могли знать чиновники русской администрации, которые, очевидно, впервые увидели руническое письмо только на тексте договора 1701 г.

Примечательно, что схожая ситуация возникла через 20 лет, когда Д. Г. Мессершмидт – первый европейский ученый, открывший енисейские рунические надписи на камнях и древних предметах, – пожелал узнать, чьи это письма. Он имел возможность здесь же в Сибири показать их большому числу знатоков восточных письменностей – и их «не могли признать за свои» ни «весьма сведущие в письменности турецкой, бухарской, персидской и арабской, ни тангуты, ни Дели-индийцы, а тем менее монголы и китайцы»³⁶.

Столь продолжительное существование енисейской письменности не должно удивлять. Ведь возникшая вместе с нею в VIII в.

письменность уйгурская, как известно, также продолжала употребляться в начале XVIII в.³⁷ Здесь необходимо учесть своеобразное явление, давно уже отмеченное тюркологами и востоковедами. Еще В. В. Радлов писал: «Так как Чингиз-хан лично интересовался распространением уйгурской грамоты, то эта грамота сделалась официальной в канцеляриях ханов и продолжала употребляться даже и в то время, когда эти ханы вполне стали тюрками, и даже в тех местах, где ни народ, ни ученые не знали ее». Это было в Золотой Орде, где уйгурское письмо стало ханским, а простой народ и многие другие тюркоязычные этносы Востока пользовались старотюркской «чагатайской» письменностью на арабском алфавите³⁸. То же, очевидно, произошло и с енисейской письменностью, оставшейся письменностью аристократического рода Хыргыс, который до конца составлял руководящий аппарат Хакасского государства.

Гипотеза о существовании в Хакасии древней самобытной письменности вплоть до XVIII в. позволяет по-новому взглянуть и на некоторые известные данные предшествующего времени. Например, судя по личному имени, енисейскую письменность должен был знать первый из хакасских князей, с которым столкнулись русские власти в самом начале XVII в. О нем царю Борису Годунову в январе 1604 г. рассказал приехавший в Москву с ходатайством князец томских татар Тоян, что от его вотчины «ходу... до киргиского де князька до Номчи семь дён и людей у него тысяча человек»³⁹. Спустя 12 лет русские послы объяснили, что в «Киргизской земле... Немек-князь и начальной. И та Киргизская земля вся ныне его, а наперед того была отца его, да под ним, Немekom, два князька лучших Номча и Кара». До конца XVII столетия главными князьями на Среднем Енисее являлись потомки Номчи – его дети, внуки и правнуки⁴⁰.

Но для нас самым важным является тот факт, что «Номча» из русских документов XVII в. – это не имя упоминаемого князя. Русские люди приняли за имя его почетный титул. Номчи у древних тюрков и хакасов значило «проповедник религиозных законов, религиозный наставник». Этот освященный мудростью религиозного учения титул происходил от слова «ном», про-

никшего в VIII в. к центральноазиатским и сибирским тюркам из согдийского языка вместе с манихейской религией. «Ном» означало: 1) религиозное учение, религиозный закон; 2) священная книга, писание. «Тенгри номы» – вера в бога и религиозные установления⁴¹. Скорее всего, именно манихейство – государственную религию предков – проповедовал в Хакасии XVI–XVII вв. этот князь-проповедник. Он, видимо, был авторитетным религиозным наставником высшей знати в Хакасском государстве. Для нас важно понять и другое. Чтобы получить столь высокое религиозное звание, князю пришлось в молодости много и серьезно учиться. Где? Вероятно, кандидат на звание «номчи» из хакасов ездил на длительную учебу в духовные монастырские школы Восточного Туркестана или Средней Азии.

Значит, молодой князь из рода Хыргыс, чтобы постичь все таинства религиозного вероучения, связанного с высоким уровнем философского мирозерцания, должен был изучить несколько иностранных языков и проработать немало написанных на них сочинений. Во всяком случае, он, безусловно, был грамотен и на своем родном языке. Следовательно, князь владел тем «татарским письмом», которое, с нашей точки зрения, было енисейской рунической письменностью.

Заметим, что в XVI–XVII вв. в Хакасии в семьях аристократического рода Хыргыс существовала устойчивая традиция обучения детей и подростков грамоте и поощрения многоязычия в условиях полиэтничного окружения. Вторым языком хакасов в XVII в. был монгольский, ибо они жили в условиях монгольского засилия с XIII в., т. е. к тому времени около 400 лет. Князья не только знали разговорный язык, но и писали на монгольском калмыцким письмом. Даже среди «улусных мужиков» встречались люди, которые «по-мугальски писать и читать умеют»⁴².

Но уже с начала XVII в. не только многие князья хорошо владели русским языком и письменностью, но и рядовые хакасы, особенно в районах, прилегающих к Российским пределам. Например, качинцы, жившие в районе Красноярска и поступившие совместно с крещеными киргизами на русскую службу. Русские воеводы, как и монгольско-калмыцкие ханы, постоянно исполь-

зовали хакасских князей в своих посольских связях в качестве проводников и переводчиков. Переводились не только речи, но и письменные документы. Переводили с русского на монгольский и с монгольского на русский, например, князья Кара, Кочербай, «киргизишенин Енечко» и другие⁴³.

К этому следует добавить, что хакасам надо было общаться с самодийскоязычными и кетоязычными кыштымами, обитателями енисейского правобережья и проживавшими в бассейнах рек Кана, Маны и Упсы (Тубы).

Коснемся, наконец, современных данных, которые проливают свет на заключительный этап истории енисейской рунической письменности.

За время путешествий по территории Хакасии с археологическими экспедициями и разведками с 1946 по 1991 г. мне неоднократно и в разных районах области приходилось слышать рассказы, преимущественно старых людей, о том, что они видели в свое время хакасские книги с кожаными страницами, «написанные на нашем языке». Такие книги видел, например, «в царское время» неграмотный Назар Боргояков из сеока Хобый. Жил он в Мо-стальыг-аалы на Нижней Тее у брода Тирец кичиг (умер в 1956 г. 96-и лет от роду). В 1959 г. в улусе Верх-Аскиз старики рассказывали, что во время насильственной коллективизации скотоводов в 1929 г. сундук с хакасскими книгами был зарыт в пещере хребта Чити-хыс возле Казановки.

В конце 1950-х гг. в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории обращалась учительница г. Абакана В. Марьясова-Гончарова. По рассказу, ее старый отец, находясь в ссылке и страдая, что не имеет сына, которому он мог бы передать старинную грамотность, стал учить ее, тогда девочку, хакасскому письму. Она научилась читать и писать, но отец вскоре умер. Марьясовой пришлось много лет бороться на чужбине за физическое выживание, и поэтому она многое забыла. Но, попав на родину, она в Абакане увидела в изданной в 1948 г. книге Л. А. Евтюховой енисейские рунические надписи⁴⁴.

В. Марьясова пришла тогда в институт рассказать, что именно такой была старая письменность хакасов, которой учил ее в детстве в ссылке раскулаченный в 1929 г. отец – «бай» Марьясов из рода Хырғыс. Она продемонстрировала опыт своего чтения рунических текстов.

Нельзя пройти мимо еще одного этнографического факта. С древности и до 1930-х годов хакасские скотоводы употребляли деревянные счетные бирки со своеобразными цифровыми знаками. Их называли по-разному, но чаще «киртик (сиртик)», или «рубас». Местные русские торговцы и крестьяне заимствовали эту систему наглядного счета голов скота, применявшуюся между хакасскими баями и их наемными пастухами. На хакасских счетных планках в качестве знаков раздела между отдельными группами цифр (обычно при приеме или сдаче разовых групп скота), а также при окончании цифровых групп ставились по вертикали две точки⁴⁵. Именно для тех же целей знаками раздела слов в древнетюркских рунических письменностях служили подобные двоеточия.

Изучение мною в 1950-х годах счетной системы хакасов выявило, что аналогичными «рубежами» учитывались денежные ссуды и долговые обязательства неграмотными русскими, бурятами, остяками, тофаларами, монголами и издревле китайцами⁴⁶. Судя по опубликованным данным, никто из этих народов, кроме хакасов, не применял на бирках знаки раздела в виде двоеточия. Это обстоятельство может быть истолковано в пользу сохранения до современности в памяти хакасского народа знаков собственной письменности.

Итак, когда же окончательно исчезла из культуры хакасов енисейская руническая письменность? Есть основания полагать, что ее хранителей и знатоков, в лице последних малочисленных потомков родовитых хакасских князей, трепетно и тайно сохранявших в своей среде драгоценное прадедовское письмо, сгубил в ссылках и концентрационных лагерях в тридцатые годы человеконенавистнический тоталитарный режим.

Кроме вполне самостоятельного историко-культурного значения, вопрос о времени исчезновения енисейской письменности имеет, как мы видели, прямое отношение к проблеме окончательного забвения древнехакасской государственной традиции.

Изучение весьма важных фактов сохранения верховного государственного титула Ажо и звания верховного первосвященника Номчи до XVII–XVIII вв. доказывает, что отмирание древнехакасской самобытной социальной системы и ее институтов произошло не в эпоху монгольского нашествия XIII–XIV вв., как считалось раньше, а в период введения европейского государственного строя, отличавшего могущественную Российскую империю.

Теперь можно обоснованно заключить, что Древнехакасское государство пережило периоды постепенного прогресса и подъема (VI–VIII вв.), бурного расцвета военной мощи, экономики и культуры (IX–XII вв.), героического сопротивления захватчикам (XIII в.), разрушительное поражение 1293 г., период начавшегося регресса под гнетом монголов в XIV в. Затем, в XV–XVII вв., была пережита целая эпоха феодальной раздробленности, экономического и культурного упадка, сопровождавшаяся постоянными грабительскими набегами, совершаемыми со всех сторон света различными иноземными ордами и отдельными отрядами.

Несмотря на многочисленные драматические ситуации, почти всегда ведущие к гибели, история этого крупного, необыкновенно устойчивого и жизнеспособного сибирского государства, судьба которого была тесно переплетена с судьбами многих племен и народов Сибири, Средней и Центральной Азии, оказалась очень длительной. Начавшись в далеком VI в., она закончилась в 1718 г., т. е. продолжалась тысячу двести лет.

Нет ничего удивительного в том, что в настоящее время в составе России существует и трудится в качестве субъекта федерации Республика Хакасия. Хакасский народ живет и здравствует. В составе этого народа на родной земле здравствуют и хакасы, относящие себя к роду (хак. сӱӱк) Хырғыс (рус. кыргызы). В этом роду сейчас насчитывается свыше пятидесяти фамилий. Общее число их семейств и количество душ еще никем не подсчитано. Как в XVII в. по всем княжествам, так и теперь они распространены по основным этническим группам. Сеоки Хырғыс есть среди Хаас'ов (рус. качинцев), Сагай'ев (рус. сагайцев), Хызыл'ов (рус. кызыльцев) и у чулымских хакасов⁴⁷.

Примечания

1. Кызласов, И. Л. Рунические письменности степной зоны Евразии. Проблемы источниковедения. Автореферат докторской диссертации. – М., 1990.
2. Боргояков, М. И. Источники и история изучения хакасского языка. – Абакан, 1981. – С. 112.
3. Майногашева, В. Е. Эпические мотивы письма у хакасов и их исторические основы. – Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1976, вып. 20.
4. Кызласов, Л. Р. Младописьменные литературы народов Сибири и исторические основы их формирования. – Известия Сибирского отделения АН СССР, серия общественных наук, № 6. – Новосибирск, 1982, вып. 2.
5. Щербак, А. М. Древнеуйгурская надпись на серебряной чарке из могильника «Над Поляной». – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – М., 1968, вып. 114.
6. Габен фон, А. Культура письма и печатания у древних тюрков. – Зарубежная тюркология. – М., 1986, вып. 1. – С. 162, 182.
7. Владимирцев, В. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. – М., 1989. – С. 173 и 405; Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Буква «Б». – М., 1978. – С. 156–158, 172–173, 405.
8. Мэн-да бэй-лу. Перевод с кит. Н. Ц. Мункуева. – М., 1975. – С. 52, 125–128.
9. Пэн Да-я и Сюй-Тин. Краткие сведения о черных татарах. – Проблемы востоковедения, 1960, № 5. – С. 137, 141, 142, примеч. 33, 34, 108.
10. Поппе, Н. Н. Квадратная письменность. – М. – Л., 1941. – С. 48, 59, 104, 147.
11. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – С. 95–97.
12. Кононов, А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980. – С. 57–59.
13. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М. – Л., 1959. – С. 8, 27, 32, 93 (ср.: с. 33, строка 39). Ср.: Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. – Фрунзе, 1971. – С. 38 (№ 177) и 89 (№ 177).
14. Кызласов, Л. Р., Кызласов, И. Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.). – Российская археология, 1994, № 1.
15. Малов, С. Е. Енисейская письменность тюрков. – М. – Л., 1952, рис. 14; Кызласов, Л. Р. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей. – Советская археология, 1964, № 2. – Рис. 1.
16. Кызласов, Л. Р., Кызласов, И. Л. Указ. соч.
17. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. –

С. 154–155; Сыдыков, С. Тюрко-монгольские параллели. – Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе, 1966.

18. Иванов, С. В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. – Сборник Музея антропологии и этнографии. – М. – Л., 1955, т. XIV. – С. 260; Яковлев, Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск, 1900. – С. 110.

19. Орловская, М. П. О периодизации истории развития монгольского письменного литературного языка. – Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. – М., 1986.

20. Письмо Иренака к русским. – Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963, вып. 1.

21. Памятники Сибирской истории XVIII в., книга 1, 1700–1713. – СПб., 1882. – № 37. С. 174–186. Документ № 37 хранится в Центральном государственном архиве древних актов, фонд 126, Монгольские дела, 1701 г., опись 1, дело № 2, лист 16.

22. Бичурин, Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. – Л., 1950, т. 1. – С. 352–355.

23. О происхождении и значении титула Ажо см.: Кызласов, Л. Р. История Тувы в средние века. – М., 1969. – С. 90; он же. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984. – С. 59–60. Имя Боту см.: botu – 1. верблюжонок, 2. дитя; любезный (Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 115). Ср.: современное имя хакасов Пота и фамилию Ботин.

24. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1. – С. 75.

25. Словцев, П. А. Историческое обозрение Сибири. – СПб., 1844, кн. 2. – С. 74.

26. Копкоев, К. Г. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века. – Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Абакан, 1965, вып. 11.

27. Арзыматов, А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII вв. – Фрунзе, 1966. – С. 56.

28. Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. 1. – № 122. С. 522. Ср.: Арзыматов, А. Передвижение енисейских киргизов в Или-Иртышское междуречье в XVIII веке. – Материалы по истории и экономике Киргизии. – Фрунзе, 1963. – С. 142.

29. Арзыматов, А. Передвижение енисейских киргизов в Или-Иртышское междуречье в XVIII веке. – С. 143.

30. Копкоев, К. Г. Об угоне «енисейских киргизов» в Джунгарию в начале XVIII века; Арзыматов, А. К вопросу о формировании хакасской народности. – Ученые записки Историко-юридического факультета Киргизского гос. университета, серия история. – Фрунзе, 1964, вып. 8; Абдыкалыков, А. Енисейские киргизы в XVII веке. – Фрунзе, 1968. – С. 124–125.

31. Быконя, Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.

– Новосибирск, 1981. – С. 38–39, 49.

32. Бахрушин, С. В. Енисейские киргизы в XVII веке. – Научные труды. – М., 1955, т. 3, ч. 2. – С. 221.

33. Арзыматов, А. К вопросу о формировании хакасской народности. – С. 190.

34. Быконя, Г. Ф. Указ. соч. – С. 50–58. Ср.: Копкоев, К. Г. Добровольное присоединение Хакасии к России. – 250 лет вместе с великим русским народом. – Абакан, 1959; История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 188–193.

35. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1. – № 37. С. 186.

36. Спицин, А. А. Сибирская коллекция Кунсткамеры. – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб., 1906, т. VIII, вып. 1. – С. 245.

37. Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М. – Л., 1951. – С. 101.

38. Радлов, В. В. Ярлыки Токтамышя и Темир-Кутлуга. – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., 1888, т. 3, вып. 1 и 2. – С. 3; Бартольд, В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов. – Сочинения. – М., 1968, т. 5. – С. 368.

39. Бояршинова, З. Я., Голицева, Г. А. Первый документ о строительстве русского города на берегу Томи. – Из истории Сибири. – Томск, 1970, вып. 1.

40. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – С. 154.

41. Древнетюркский словарь. – С. 360–361; Малов, С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – С. 403.

42. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – С. 167.

43. Там же. – С. 168.

44. Евтюхова, Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948.

45. Патачаков, К. М. Культура и быт хакасов (XVIII–XIX вв.). – Абакан, 1958. – С. 22, рис. 8; Яковлев, Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – С. 37, 155.

46. Просвиркина, С. К. Крестьянские счетные бирки в собрании музея. – Ежегодник Государственного Исторического музея. 1960 год. – М., 1962; Хороших, П. П. Бирки иркутских бурят. – Сибирская живая старина, вып. 1 (5). – Иркутск, 1926; Старцев, Г. Остяки. – Л., 1928; Очерки жизни и быта карагас. – Материалы Иркутского местного комитета Севера. – Иркутск, 1926, вып. 1; Пэн Да-я и Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах. – С. 141.

47. Журнальный вариант статьи опубликован: Вестник Московского университета, серия 8, история, 1992, № 6 (примечание редактора).

Хакасы и казаки

1

Когда великий русский художник Василий Иванович Суриков задумал создать картину «Покорение Сибири Ермаком», он в 1892 г. поехал из Москвы к хакасам, которых тогда неверно и пренебрежительно называли «минусинскими татарами». Царские чиновники в официальном делопроизводстве все тюркоязычные народы, проживавшие в Российской империи от Немана и Днестра на западе до Витима и Лены на востоке, именовали «татарами». В то время только ученые-специалисты знали, что это совсем разные народы, и не только по происхождению, но и по антропологическому типу и по языку.

Различной была и конкретная история каждого из этих народов. Хакасы, например, никогда не входили ни в Золотую Орду, ни в государство Сибирского Юрта, последним правителем которого был прибывший из Средней Азии шейбанидский царевич – хан Кучум. Главным его врагом и стал казачий атаман Ермак Тимофеевич.

А сам В. И. Суриков происходил из старинной семьи служилых казаков Енисейского казачьего войска, поселившихся в Красноярске еще в XVII в. Пользуясь приглашением известных южносибирских золотопромышленников господ Кузнецовых, Суриков уже однажды, летом 1873 г., гостил в Хакасии. Он жил в «резиденции» Кузнецова в хакасском улусе Аскизе, на приисках Немир и Узунжул и отдыхал на горькосолоном озере Шира. Художник написал

акварелью несколько прекрасных степных пейзажей, воссоздал портреты живописных хакасов в национальной одежде, юношей с конями, древнее каменное изваяние. Он тогда же зарисовал некоторые жанровые сценки из жизни коневодов и охотников¹.

В 1892 г., вновь посетив знакомые места, Суриков с большим вниманием вглядывался в самобытные лица «минусинских татар», подбирал нужный ему типаж, писал с них этюды, создавал карандашные рисунки и наброски. Ему было все равно: хакасы это или западносибирские юртовые татары. Важны были обветренные, суровые или, может быть, даже диковатые лица нерусских степняков.

Получилось, что на бессмертной картине «Покорение Сибири Ермаком» по воле нашего земляка-художника живописные фигуры моих хакасских дедов – их портреты – противостоят колоритным образам русских героев, писанных автором со своих современников – потомков красноярских казаков. И в этом Суриков нисколько не изменил исторической правде. Только воспроизведенная живописцем на полотне волнующая, динамичная сшибка аборигенов с воинственными бородатыми пришельцами – если учесть реальные прототипы изображенных – произошла не в 1582 г. на далеком Иртыше, в волнах которого потонул Ермак, а на Енисее в 20-х гг. XVII в.²

Конечно, один бой не мог принести победы. Дружине Ермака понадобилось три года непрерывных упорных сражений (1582—1585), прежде чем хорошо вооруженное казацкое войско сумело разрушить государство западносибирских татар. Сам хан Кучум был убит в 1601 г., т. е. 16 лет спустя после гибели атамана, в 1585 г.³

В 1598 г., когда воевода г. Тары Андрей Воейков нагнал и на берегу Оби, при устье реки Ирмени, наголову разгромил последний остаток войск убежавшего хана Кучума, оказалось, что русские войска впервые вышли «на рубеж» Южной Сибири⁴.

2

Далее к востоку, на Томи и Чулыме, правых притоках Оби, начинались земли данников другого мощного государства, которое по аристократическому княжескому роду его правителей (род

Хыргыз) русские власти называли «Киргизской землей»⁵. «На запад киргизы распространяли свою власть на верховья Оби – Чулым, Кондому, Мрассу и Бию. До основания Томска (1604) даже далекие яуштинцы, жившие при устье реки Томи, "князь Тоян со всеми своими тоянцы" платили им дань, были их "лучшие холопы"»⁶. На завоевание и последующее присоединение к Российскому государству обширных и благодатных долин, выработанных средним течением Енисея и его притоками, а также верхним течением впадающей в Обь реки Чулым, у царских воевод и служилого казачьего войска ушла целая эпоха – свыше 120 лет. Хакасское государство оказалось самым крепким оплотом политической власти местных тюркоязычных князей в Северной Азии. Неоднократно переживая в своей истории политические и экономические кризисы, захваты и разорения, это государство всякий раз, как сказочная птица Феникс, воскресало из огня и пепла. И просуществовало в целом свыше 1200 лет⁷.

Годом окончательного присоединения его земель к Российскому государству справедливо считается 1718 г. – год строительства Саянского острога⁸. Крепость эта была сооружена в стратегически весьма важном месте – вблизи исхода ущелья, прорезавшего Западный Саянский хребет, т. е. при выходе Енисея в Хакасскую степь. Зимой, когда лед сковывает водяной поток на целых четыре месяца, «труба» на протяжении веков являлась прямой и верной дорогой, соединяющей Туву и Монголию с Хакасией. Ее надежно «закрывл» пограничный Саянский острог.

По данным Г. Ф. Миллера (1735 г.), острог именовался хакасами Умай-Тура, потому что находился вблизи скалистой горы Умай-Тайга⁹.

3

Невозможность скорой и легкой победы заставила царское правительство перейти к постепенному присоединению окраинных земель, входивших в Хакасское («Киргизское») государство. Сначала Хакасию с севера, по дугообразной линии, огородили цепью крепостей-острогов. Казаки сооружали их по слабозаселенному приграничью, местные жители которого, обязуясь вы-

плачивать ясак русскому царю, переставали тем самым быть данниками «кыргызских» князей. Казацкие гарнизоны острогов, в свою очередь, брали обязательство охранять своих новых ясажных от внешних нападений. В 1602 г. сооружен Кетский острог, в 1604 г. – Томский, в 1618 г. – Маковский на реке Кеть и Кузнецкий – на Верхней Томи, в 1619 г. – Енисейский, в 1621 г. – Мелецкий на Среднем Чулыме, в 1628 г. – Братский и Рыбенский – на Ангаре, в 1636 г. – Канский, в 1646 г. – Удинский острог на реке Уде.

Но очень скоро под разными предложениями царские воеводы принялись совершать вооруженные вторжения и стали претендовать на коренные хакасские земли.

Особенно остро этот вопрос встал тогда, когда в северной тайге, по Нижнему Енисею и его притокам, русские зверопромышленники выбили пушного зверя. В Москве и сибирской столице – городе Тобольске – было решено явочным порядком сооружать на Среднем Енисее в «Качинской земле» новый острог. Этот район являлся северной оконечностью центрального Езерского (по-хакасски: Ызырского) княжества. Там протекала река Ызырсуй, левый приток Енисея. Ее благодатную долину испокон веков заселяли хакасы, называвшие себя «ызыр кизи», что означает ызырские люди.

Ызырцы относились к этнической и диалектной группе хаас'ов. Пришлые казаки, подчиняясь обычной для русских губной артикуляции, называли их «качинцами», а реку – Качей. В свою очередь хакасы, приняв самоназвание казаков за общее название незнакомого дотоме народа, первоначально всех русских называли «хазах» (казак), и только много позже в хакасском языке появился синоним «орыс», являющийся правильной тюркской адаптацией этнонима «рус, русский».

В эпоху колонизаций народов Сибири царское правительство России всюду упорно проводило старую имперскую политику «кнута и пряника». Как справедливо подчеркивал специально изучавший историю присоединения Сибири к Российскому государству крупнейший историк С. В. Бахрушин: «Основной целью (царского правительства, – Л. К.) был ясак. Все средства были хороши, чтобы заставить туземцев нести пушнину в государеву казну»¹⁰.

Правительственный наказ, выданный в Тобольске основателю Красноярского острога владимирскому дворянину Андрею Дубенскому¹¹, ничем не отличался от наказов другим воеводам, идущим на завоевание новых земель: «Да будет которые земли учиняца вновь под царскою высокою рукою и ясак с себя учнут платить, и Ондрею тех людей к шерти приводить (брать клятву, – Л. К.), и ясак с них имать, смотря по тамошнему делу. И от обид их беречь, чтоб их вдруг не ожесточить, и давать им государева жалованья, сукна, смотря по людем, кому доведетца, и напоить и накормить, и ласку и привет держать и от служилых людей от обид во всем оберегать.

А будет на Енисее реке, на походе, или в Качинской земле на Красном Яру ево, Ондreja, и служилых людей тамошних землиц люди встретят и пропустити ево на то место не похотят, и острогу поставити не дадут и учинят с ними бои; и ему, Ондрею, и служилым людем, прося у Бога милости, с ними битися и над ними промышлять сколько милосердный Бог помочи подаст»¹².

Так и вышло. Когда хорошо снаряженная экспедиция во главе с А. Дубенским на 13 дощанниках и трех стругах (270 рядовых, три атамана-сотника, шесть пятидесятников, 24 десятника – всего 304 человека) доплыла из Енисейска до Большого порога, где начиналась Тюлькинская аринская земля, то «за порогом Андрея встретили тюлькинские князцы Татуш и Обытай и лошадей ему давали на острог лесу возить»¹³. И так, местные жители, не зная еще истинных намерений пришлых чужеземцев, встретили их дружелюбно и предупредительно. Однако вскоре оказалось, что хорошо вооруженные казаки приплыли надолго и строят, нико-го не спросясь, на прибрежном холме не торговую факторию, как можно было бы полагать, но постоянную и мощную крепость.

Это вызвало протест. «26 июля, когда работы еще далеко не были закончены, качинские и аринские татары "приходили к острогу войной в кюяхах и панцырях". В бою из русских были ранены два человека, а у нападающих "многих мужиков побили", после чего "качинские и тюлькинские мужики откочевали от того острогу прочь в степь вверх по Енисею". 17 августа Дубенский послал преследовать их атамана Ивана Кольцова с отрядом в 140 человек, которые "многих побили и взяли в плен"»¹⁴.

Так произошла встреча казаков и хакасов на Енисее, где летом 1628 г. был сооружен-таки первый на хакасской земле «Красный», или «Новый Качинский острог», который вскоре стал называться Красноярским. Глубоко знающий первоисточники С. В. Бахрушин писал: «Оружие было тем решающим средством, которым только можно было понудить туземцев давать завоевателям ценные шкурки. Таким образом, основным способом получения пушнины из Красноярского уезда был в течение первого столетия существования Красноярска ясак, принудительная дань, взываемая с туземцев, иначе говоря, военный грабеж»¹⁵.

Воеводы Красноярского и Томского острогов неоднократно пытались создать к югу от возникшего рубежа на Хакасской земле новые опорные пункты с казацкими гарнизонами. Но долгое время сделать это им не удавалось. Так, в 1638 г. была отправлена военная экспедиция для постройки Тубинского острога. Место выбрали при впадении справа в Енисей реки Упсы (ныне река Туба). Под напором хакасских войск красноярцам пришлось отступить.

В 1642 г., после удачного военного похода под командованием Якова Тухачевского, в Кызыльской землице на реке Чулым был сооружен Ачинский острог, который был вскоре сожжен хакасами и только впоследствии отстроен на новом месте.

В 1675 г. в 200 км к югу от Красноярска, на левом берегу Енисея, был поставлен Караульный острог, а близ устья Абакана на острове Карагас срублен Абаканский малый острожек, простоявший только три года. К 1680 г. на Хакасской земле сохранился лишь один ближний Караульный острог. В связи с открытием серебряной руды в 1697 г. на северо-западе страны сооружен новый острог на реке Каштак (притоке реки Туз-юла, впадающего слева в реку Серту). Из-за этого снова разгорелась хакасско-русская война.

4

Итак, исторический отрезок времени с 1628 по 1718 г., протекший со дня сооружения первого на Хакасской земле Красноярского острога до построения последнего – Саянского, – это те 90 лет, в которые уложилась вся история военного знакомства хакасов

с казаками во всем своем многообразии: и героическом, и трагическом. За этот срок на земле сменились три поколения людей, закончились на Руси царствования трех православных царей – первых из династии Романовых: Михаила (1613—1645 гг.), Алексея (1645—1676 гг.), Федора (1676—1682 гг.). Воцарился первый император – Петр Великий (1682—1725 гг.). Южносибирская пушнина, собранная в виде ясака с енисейских ясачных инородцев, уткла по старым, наезженным «тропам» через Москву в Литву и в Польшу, в Германию и Данию, во Францию и Италию, в Португалию и Англию, в Грецию и Иран или в Китай¹⁶. Золото осело в Москве.

Самым страшным результатом почти непрерывных войн, которые вели южносибирские коренные народы около 120 лет (с многочисленными внешними неприятелями: джунгарами, монголами, бурятами и русскими казаками)¹⁷, явилось полное истощение сил народа. С угоном в Джунгарию в 1703 г. почти всей княжеской правительственной верхушки рухнули последние остатки древней хакасской государственности. Хакасский народ был подведен к грани полного физического уничтожения. В этих условиях произошло «добровольное присоединение Хакасии к России»¹⁸.

Принятие подданства Российского государства явилось для хакасов не только наименьшим злом, но и единственной возможностью уцелеть. Положение последних остатков некогда могущественного народа изменилось кардинальным образом. По мирному соглашению, хакасы стали коллективным кыштымом Белого царя Петра I. Со всеми своими землями и водами они очутились в податном сословии российских ясачных «инородцев». Как правовой акт это означало, что российское правительство отныне взяло на себя всю полноту ответственности за жизнь, права, земли, имущество и дальнейшую историческую судьбу хакасского народа. Кыштымы платили ясак, а повелители обеспечивали охрану их жизней, всего достояния и, главное, заботились о поддержании мира на их территории.

Бывшие враги – казаки – теперь по личному наказу государя императора обязывались верно защищать все новоприобретенное мирное ясачное население и его земли от нападений внешних врагов. Енисейские казаки стали пограничной стражей,

входившей в общегосударственную Сибирскую казачью линию. Саянский острог с гарнизоном в 100 служивых воинов-казаков оказался опорным пунктом формирующейся границы Российской империи с Монголией и Цинской маньчжурской империей.

Граница прошла от Телецкого озера на Алтае, через верховья реки Абакан и далее по хребтам Западного Саяна к Восточному. Там, на озере Косоголь, в 1717 г. был отстроен второй русский острог, также ставший опорным охранным пунктом в Саяно-Алтайском нагорье. Между острогами протянулась цепочка караулов в виде укрепленных изб. На восток от Енисея караулы стояли в долинах рек Кебез, Шадат и Нарыссе, а на запад – на реке Абакане – Монокский, на реке Таштыпе – Таштыпский и в высокогорье – Верхнеабаканский. Казачьи разъезды посещали летние выездные караулы, устроенные на перевалах Саянских хребтов.

К 60-м годам XVIII в. возле острогов и караулов возникают казачьи деревни: Таштыпская, Арбаты, Монок, Табат и Бея. Потянулись к югу переселенцы – русские северяне-старожилы. Сначала перебирались из Енисейского в Красноярский уезд, позже поэтапно – в Хакасию. В конце века это были не только сибирские крестьяне и разночинцы, но и первые ссыльные, а также приписанные заводские рабочие и рудокопы. К середине XVIII в. в Хакасии на каждого русского приходилось два хакаса, но на рубеже XIX в. русские в численном отношении стали уже преобладать. Площадь земель, на которых расселялось ясачное население, за эти годы неуклонно и неумолимо сокращалась¹⁹. Коренные жители отходили в степь.

В 1797 г. на территории Хакасии насчитывалось 8188 мужчин, плативших ясак²⁰. Это соответствовало не более чем 40 тысячам душ населения. В то же время со страниц истории начали исчезать следующие этнические группы енисейских туземцев: аринцы, котты, ястинцы, буклинцы, бохтинцы, хайдынцы, кашинцы, моторы. Остатки их были ассимилированы тюркоязычными хакасами и, отчасти, русскими.

Казаки-завоеватели, промышленники – смелые охотники за драгоценной пушниной, торговцы, первые беглые крестьяне, разночинцы и ссыльные – все они приходили в Сибирь холостыми, без женщин. Осевший в Сибири русский народ полной мерой почерпнул и пополнил себя плотью и кровью смешавшихся с ним инородцев. В результате возник коренной сибиряк – на местном наречии «чалдон» (синонимы его: «карым» или «гуран») – скуластый, черноволосый и разбитной. Он всегда считал себя безусловно русским по языку, вероисповеданию и бытовой культуре, но в XVII – XVIII вв. обладал нередко дву-, а то и трехязычием и помнил еще своих «ясачных» бабушек.

Чалдоны жили много «справнее» и сильно отличались от вновь приезжавших из «Расеи» крестьян-новоселов, везущих с собою на новые «слабодные» земли стариков, жен, соломенноголовые ребятишек и весь немудрый домашний скарб, вплоть до корыт и рогачей-ухватов. Основное отличие чалдонов от «расейских» новоселов состояло в том, что они вобрали в свой быт все жизненно важное из местной аборигенной культуры. Для них быт и духовность коренных сибирских народов были близки и хорошо знакомы – это была культура их языческой Родины.

Хотите представить себе физический тип коренного русского сибиряка, но не чалдона – крестьянина или ямщика, а енисейского казака, – взгляните в портреты самого Василия Ивановича Сурикова. В его лице ясно проглядывают несглаженные еще черты хакасской прабабушки-качинки, о которой он сам мог ничего и не знать.

А между тем хакасы-качинцы, после первой же стычки с казаками воеводы А. Дубенского в 1628 г., «добровольно» сдали всю свою «Качинскую землицу» енисейским казакам, под стенами острога принесли клятву Белому царю, и в скором времени часть их перешла из ясачного сословия в разряд царских служивых воинов. Они сами стали красноярскими казаками и смешивались с ними. «Служилые татары» под предводительством Карочана Тайларова приняли равноправное и активное участие в известном казачьем бунте, происходившем против засилья «грабителей воевод» в Красноярске в 1695–1698 годах. В том же бунте уча-

ствовавали прямые предки Василия Ивановича Сурикова: «казачий десятник» Илья Суриков и его брат Петр²¹. Сам художник признавался: «От этого Петра мы и ведем свой род»²².

Но ведь кто-то из современных русских людей ведет свой род от Карочана Тайларова или от других красноярских хакасов-качинцев, которые предпочли смерти обрусение и, на глазах истории, из ясачных и служилых перевелись сначала в разряд крестьян и казаков, а затем в сословия красноярских мещан и разночинцев. В 1737 г. известен, например, «отставной служилый атаман Мугунчаков», написавший «Сказку о состоянии Качинской земли». Как известно, красноярские качинцы никуда не ушли и полностью обрусели к середине XIX в.²³ Так сколько же хакасской крови течет в жилах наших современников – коренных русских красноярцев? Тот же вопрос можно задать относительно местных русских, постоянных жителей Хакасско-Минусинской котловины, особенно о потомках казаков.

Но ведь можно задать себе и другой вопрос: сколько же в современных хакасах течет русской, точнее – славянской, крови? Прошло 275 лет совместной жизни²⁴. За это время на земле сменилось 11 поколений смертных и грешных людей. Были и любовь, и дружба, и мир на земле. Сколько же крови и плоти хакасов уже вросло в россиян и сколько крови и плоти россиян впитал в себя хакасский народ? Кто возьмется посчитать? Недаром в языке хакасов есть термин «чарымхазах» – полуказак, т. е. полурусский. Так зовут тех детей, у которых один из родителей – русский.

А ведь такие дети, особенно живущие в деревне, говорят по-хакасски и считают себя хакасами, когда вырастают.

6

Хакасы и по происхождению своему народ-метис, как, впрочем, и другие народы. Их первоначальное ядро возникло от смешения древней народности динлинов, жившей в долине Среднего Енисея, с пришлыми тюркоязычными гяньгунями. Случилось это свыше 2000 лет назад. До XV – XVI вв. в древних книгах хакасов описывали в основном как рыжеволосых и голубоглазых,

но с XIV в. на Енисей пришла пора монгольского засилья и началась новая метисация²⁵.

Тюркоязычные хакасы всегда жили в окружении самодийско-язычных, кетоязычных и угроязычных этнических групп. Остатки их, еще в XVIII – XIX вв. помнивших свой язык, хакасы, как говорилось выше, отюречили и включили в свой состав. Как видим, процесс метисации сопровождает хакасов на протяжении всей их более чем двухтысячелетней истории. И этот процесс не только не умаляет хакасский народ, но даже, напротив, спасает его от вырождения, усиливает жизнеспособность и стойкость генотипа. Как известно, метисы обычно люди талантливые.

В XVIII – XIX вв. прадеды и деды современных хакасов продолжали «разменивать» плоть и кровь своего народа. Из любви к русоволосым красавицам да к квашеному печеному хлебу и сытой жизни они женились на пришлых в степь чужеродных женщинах из числа русских или украинских переселенков. Этому способствовал начавшийся еще в XVII в. процесс христианизации хакасов. По требованию священников новокрещенные «инородцы» не должны были жить среди своих сородичей-язычников, а обязаны были уходить к христианам, т. е. в русские деревни и села. Их освобождали от уплаты ясака, выдавали русскую одежду и принимали на службу. Крестившихся хакасок выдавали замуж за русских, в том числе и за красноярских казаков²⁶. И это началось еще в XVII в. Крещеные хакасы в вопросах семьи и брака властями приравнивались к русским. Приведу пример – в 1654 г. в Красноярск по неясному делу о хакаске Санкай из Москвы последовал указ: «Будет она прямо креститься хочет и оглашена, и окуп татарам заплатит, и ее крестить и выдать за русского человека замуж (подчеркнуто мною, – Л. К.), а татарину (т. е. качинцу, – Л. К.) окуп заплатит»²⁷.

В XIX в., как отмечают ученые исследователи, «в делах архивов есть немало данных относительно смешения инородцев с крестьянами посредством браков, причем безразлично, – то инородцы женятся на русских, то крестьяне берут себе в жены инородок. Иногда такие браки соединяются с усыновлением брачующегося его будущим тестем»²⁸. Как видим, никаких национальных огра-

ничений при браках русские власти никогда не делали, лишь бы обе стороны были крещеными.

Свыше 100 лет назад, в июле 1883 г., известный ученый-путешественник Д. А. Клеменц проезжал «Сагайской тропой» и на «р. Чели», впадающей справа в реку Тёю, остановился «в Усть-Челейском улусе» (ныне пос. Усть-Чуль). Вот что он писал: «Жителей улуса инородцы и русские крестят именем джарым-казактер, т. е. полуказаками, и они заслуживают этого названия. Вероятно, благодаря смешению с русскими, они усвоили себе многие черты жизни последних. Все население от мала до велика говорит на двух языках.

По-русски они говорят лучше подгородных минусинских татар. Обыкновенно у инородцев женщины не говорят по-русски, если даже и знают этот язык: это считается неприличным. Такое правило этикета соблюдается строго до нелепости. Раз мне пришлось встретить инородца, женатого на природной русской казачке (подчеркнуто мною, – Л. К.), и она ни полслова не сказала со мной по-русски, а вместе с тем переводила своему мужу все, что я говорил, на татарский (хакасский, – Л. К.) язык.

Здесь же у джарым-казактер, при входе в юрту, хозяйка завела со мной бойкий разговор на русском языке, пересыпая его прибаутками и поговорками, не хуже разбитной горожанки. Я думал, что она родом казачка, оказалась – чистейшей инородкой, сагайкой из рода Томнар.

Обстановка жилищ у джарым-казактер чисто инородческая. Тип, очевидно, смешанный – очень много белокурых, но приплюснутые носы и широкие скулы выдают инородческую кровь»²⁹.

Один из первых археологов Южной Сибири А. В. Адрианов, рассказывая о том, что известный Оглахтинский могильник на Енисее был открыт в 1902 г. «инородцем» (хакасом) из улуса Саргова, сообщил, что «расследование могилы было произведено его тещей, оказавшейся русской казачкой»²⁹.

Со времен наказа императора Петра казаки в Хакасии патронировали и защищали «ясачных инородцев». Кто знает, сколько казачек стали крестными матерями крещеным хакасским младенцам? Известны многие случаи, когда в казачьи семьи (особен-

но в станицах Монок, Арбаты и Таштып) брали хакасских сирот, которые выростали вместе с детьми казаков. Достигая совершеннолетия, хакасы возвращались в свои улусы и затем, в течение жизни, постоянно и взаимно общались с казаками, почитая друг друга в качестве родственников-побратимов. Наиболее близкий автору пример – жизнь Ивана Ивановича Сунчугашева (1873—1948 гг.), жителя улуса Теренчин-аалы на Нижней Тёе, выросшего в казачьей семье в Арбатах. Крестной матерью автора настоящей статьи стала в 1924 г. в подтаежном селе Синявино (хакасское названием Снемин-аалы) казачка Марфа Бабарыкина.

Известный хакасский писатель М. Е. Кильчичаков рассказывал, что его отец Еремей три года прожил в семье казаков Петренко в Таштыпской станице, «чтобы научиться русскому языку, счету, умению торговать на Минусинской ярмарке. Мать Елизавета жила тоже три года в русской семье в Бее. Она училась у русских шить, стряпать, солить».

Неоднократно бывали и обратные случаи, когда хакасские семьи выращивали русских детей-сирот, причем многие из них, став взрослыми, продолжали жить с новыми родственниками в улусах и считали себя хакасами. Пример: русский мальчик Гриша Карташов был выращен в улусе на левом берегу Енисея, в урочище Ким Істі, в хакасской семье Копковых. Он женился на хакаске и всю жизнь считал себя хакасом. Он был родным отцом покойного доцента политехнического института в г. Абакане хакаса Константи́на Григорьевича Копкоева. А на реке Тёе широко известна чисто русская семья Медведевых, все члены которой прекрасно говорят по-хакасски и живут хакасским бытом, никак не обособляя себя от принявших их одноулусников.

М. Е. Кильчичаков в том же газетном интервью добавил, что его дядя Егор (брат матери) «взял в семью русского мальчика Виктора. Тот потом принял фамилию дяди – Боргояков. Хакасы любили петь русские народные песни. Кто переводил их на хакасский язык – неизвестно. Дай бог также дружно жить сейчас»³¹.

Если мы задумаемся над вопросом «Чем особенно примечательна история хакасского народа?», то должны будем ответить: «Непрерывным процессом метисации». При этом народ всегда

сохранял родной язык, который продолжал развиваться по своим присущим ему законам. Вместе с тем поддерживалась устойчивая жизнеспособность, продуктивность населения, укреплялась линия духовной и кровной связи с отдаленными предками. Ученые выявили давнюю однородность (гомогенность) антропологического состава всех территориальных групп хакасов, что, по их мнению, свидетельствует о древнем слиянии хакасского этноса в единую устойчивую народность³². Численность хакасов к 1989 г. возросла до 81428 душ.

Когда в старые времена друзья или бывшие враги хотели побрататься, чтобы жить спокойно и мирно, то они надрезали себе руки и смешивали свою кровь. Приведенные выше факты убеждают нас в том, что за 275 лет совместной мирной жизни хакасы и казаки настолько перероднились, что должны считаться народами-побратимами, каковыми они в действительности и являются³³.

Примечания

1. Кеменов, В. С. В. И. Суриков. Историческая живопись. 1870—1890. — М., 1987. — С. 15, 17, 64—66, 523, примеч. 124.
2. Быконя, Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск, 1981. — С. 36. Отмечу, что раннее, вероятно, созданное на Енисее, русское фольклорное предание «Ермак взял Сибирь», вошедшее в «Сборник Кирши Данилова», красочно описывает, как Ермак Тимофеев погиб в бою и утонул именно «на тое Енисее — быстрой реке» (см.: «Сборник Кирши Данилова». Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. — М., 1977).
3. Скрынников, Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1982.
4. Синяев, В. С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1585 году. — Вопросы географии Сибири. — Томск, 1951, сб. 2. Ср.: Катанаев, Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. — Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. — Омск, 1893, кн. XIV, вып. 1. — С. 31.
5. Бахрушин, С. В. Енисейские киргизы в XVII в. — Научные труды. — М., 1955, т. III, ч. 2. — С. 176.
6. Бахрушин, С. В. Указ. соч. — С. 180.
7. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 30—35, 165. См. также предыдущую статью настоящего сборника.

8. Быконя, Г. Ф. Указ. соч. — С. 57—58.
9. Русское население Приморья и Сибири. — М., 1973. — С. 438.
10. Бахрушин, С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. — Научные труды. — М., 1959, т. IV. — С. 10.
11. Быконя, Г. Ф. Кем был основатель Красноярска. — Красноярский краевед. — Красноярск, 1991, вып. 1.
12. Миллер, Г. Ф. История Сибири. — М. — Л., 1941, т. II. — С. 331.
13. Бахрушин, С. В. Основание Красноярского острога. — Научные труды. — М., 1959, т. IV. — С. 22.
14. Бахрушин, С. В. Указ. соч. — С. 22.
15. Бахрушин, С. В. Народы Красноярского края. — Научные труды. — М., 1959, т. IV. — С. 45.
16. Павлов, П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. — Красноярск, 1972. — С. 87—91.
17. Бахрушин, С. В. Енисейские киргизы в XVII в.; Абдыкалыков, А. Енисейские киргизы в XVII веке. — Фрунзе, 1968; Арзыматов, А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII — первой половине XVIII вв. — Фрунзе, 1966; История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. — М., 1993.
18. Копкоев, К. Г. Добровольное присоединение Хакасии к России. — 250 лет вместе с великим русским народом. — Абакан, 1959.
19. Быконя, Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — С. 75—110.
20. Карцов, В. Г. Хакасия в период разложения феодализма. XVIII — первая половина XIX в. — Абакан, 1970. — Табл. «Б». С. 33—39.
21. Оглоблин, Н. Н. Красноярский бунт 1695—1698 годов. — Томск, 1902. — С. 8, 26, 30, 37.
22. Кеменов, В. С. Указ. соч. — С. 17.
23. Карцов, В. Г. Из истории красноярских качинцев и аринцев. — Ученые записки ХакНИИЯЛИ. — Абакан, 1960, вып. VIII; Копкоев, К. Г. Некоторые данные к вопросу о происхождении хакасов. — Там же. — С. 153—154. Ср.: Андреев, А. И. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. — Советская этнография, 1936, № 6. — С. 102.
24. Отсчет ведется автором от 1718 г. — даты строительства последнего, Саянского, острога. С выхода статьи прошло 23 года — т. е. сменилось еще одно поколение (примечание редактора).
25. Кызласов, Л. Р. История Южной Сибири в средние века.
26. Бахрушин, С. В. Енисейские киргизы в XVII в. — С. 185; Безъязыков, Л. В. Красноярск изначальный. — Красноярск, 1978. — С. 29, 120.
27. Бахрушин, С. В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII в. — Научные труды. — М., 1959, т. IV. — С. 97—98.
28. Ярилов, А. А. Мелецкие инородцы. — Былое и настоящее сибир-

ских инородцев. Материалы для их изучения. – Юрьев, 1899, вып. II. – С. 61—62.

29. Материалы, собранные Д. А. Клеменцом при экскурсиях в верхний Абакан в 1883 и 1884 гг. – Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества. – Омск, 1891, кн. XI.

30. Адрианов, А. Оглахтинский могильник. – XXIX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» к № 249, 16 ноября 1903 года. – С. 3.

31. Кильчичаков, М. Е. Спокойную жизнь отвергая (интервью). – Газета «Советская Хакасия», № 47 от 24 февраля 1990 г.

32. Хить, Г. Л. Расогенетические связи населения Алтае-Саян по данным дерматоглифики. – Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. – М., 1986.

33. Статья впервые опубликована в газ. «Хакасия» от 17—18 июня 1993 г. с конъюнктурными редакционными сокращениями (примечание редактора).

И. Л. Кызласов

доктор исторических наук

Народ Тянь-Шаня: с Енисея – только имя

Сегодня науке известны три мифа о происхождении народа *кыргызы*. *Первый*, и наиболее древний, дошел до нас в китайской записи VIII в. (Ю-ян цзацзу), но принадлежит к собственным представлениям пришедшего на Енисей народа. Он повествует о появлении первоначально от соединения бога с коровой внутри горной пещеры. *Второй*, раннесредневековый, известен в изложении перса Гардизи (середина XI в.) и привнесен со стороны. Он служил объяснением экзотического для мусульман облика сибиряков: связывал статность и светловолосость их правителей с ушедшим на Енисей славянским князем, а многоликость подданных – с приставшей к нему разноплеменной вольницей. *Третий* миф принадлежит к новому и новейшему времени и также привнесен в сознание кыргызского народа со стороны. Он утверждает, что народ кыргыз пришел на Тянь-Шань с Енисея.

В исторической науке существует концепция, которая предполагает прямую связь между кыргызами и хакасами Южной Сибири, с одной стороны, и кыргызами Тянь-Шаня – с другой. Утверждается, что кыргызы Енисея на протяжении почти 2000 лет то небольшими группами, то массово переселялись на Тянь-Шань и в конечном итоге составили основное ядро современных кыр-

гызов¹. Эта гипотеза зародилась в XVIII в., но утвердилась в науке и в народном сознании лишь в 1930—1940-е гг., во многом благодаря активной популяризаторской деятельности. Таких представлений не было в самом киргизском народе, но заняв официальные позиции, они уже несколькими поколениями киргизов внушаются с детства.

Зададимся простым вопросом. Почему существующий в наши дни взгляд на происхождение большого среднеазиатского народа оказался связан с привнесенной в сам народ третьей версией происхождения кыргызов? Это произошло по двум причинам: из-за тюркоязычности современных киргизов и из-за главенства этнонимического подхода к проблеме. Поскольку лишь третья легенда прямо увязана с именем народа и его тюркским языком. Можно сказать, что перед нами прямое воздействие магии народного имени.

Имя кыргызов – символ аристократии

Обычное представление о названии народа как о неизменном и едва ли не характеризующем народ явление далеко от исторической истины. Совпадение имени не может быть единственным ориентиром при исторических исследованиях: при длительном бытовании термин, воспринимаемый нами как народное имя, многократно меняет свое общественное значение. При изучении конкретных периодов и источников всякий раз необходимо отыскивать и оговаривать присущий им действи-

¹ Историк, пишущий о кыргызах, вынужден как-то различать два народа с одинаковым именем. Неловкость нарастает, когда речь идет о древних и современных кыргызах, что не одно и то же. Поэтому в специальной литературе появились наименования, которых никогда не было в реальности и которых нет ни в одном письменном источнике прошлого: в кабинетах ученых возникли как «енисейские», так и «тяньшаньские» киргизы/кыргызы. Встреча двух имен, одинаково звучащих по-тюрки, побуждает и нас для ясности писать о титульном народе Кыргызстана *киргиз*, также и потому, что приходится часто цитировать русские документы XVII—XVIII вв. и советскую научную литературу, применявшую русское название населения Киргизской ССР.

тельный смысл, казалось бы, знакомого названия. Следует ясно понимать, что *на отрезке письменной истории* народное имя в определяющей степени связано с *политической, а не с этнической историей народа*.

Славяне *болгары*, в раннем средневековье прошедшие на Балканах стадию *общего политонима* с тюркоязычными *болгарами*, ныне носят древнее тюркское имя, и никто не знает, из какой языковой семьи оно перешло к предкам тех ханов, что принесли его на Дунай. Сибирские *татары* получили свое имя не по происхождению из Монголии, а от русских, продвигавшихся в былые владения Орды. При давнем подчинении восточных славян варяжской династийной группе *русь* возникло и национальное имя *русских*. Даже если сам этноним *русь* и вправду имеет южношведское происхождение, не в Скандинавии надо искать корни русского народа. Со временем первоначальное определение подданства («Чьи вы подданные?» – «Мы люди русские») превратилось во всенародное имя. Как о том и говорит летопись: «А словеньский языкъ и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, и первое беша словене» (Повесть временных лет. СПб., 1996, с. 16).

В исторической цепи, тянущейся за народным именем, такое наблюдается часто. В жизни народного имени выделяются три последовательных звена: древний этноним – политоним – новый этноним. Иными словами: 1) древнее (если угодно, первичное) название народа – 2) государственное название, даваемое по имени этого народа, – 3) новое содержание того же народного имени. На стадии политонима (в условиях многоплеменного государства, называемого по имени правящего народа) бывший этноним вполне может стать и нередко становится наименованием другого народа, с иным историческим прошлым, а часто – и с другим языком.

Превращению политонима в новый этноним служит стремление местной знати к союзу и сближению с новым правящим слоем, приводящее к принятию его имени, а часто и языка. Через посредство знати изменения захватывают иных подданных. Тем самым преодолевалась этнополитическая разобщенность общества. Для этого процесса первоначальная языковая принадлежность подданных не имела значения.

Именно этот процесс пережили и предки современных киргизов Средней Азии. Имя, несомненно, связывает их праотцов с *политической историей* крупнейшей раннесредневековой державы Южной Сибири и Центральной Азии, но *происхождение* теперешнего среднеазиатского народа не сводимо к древнему населению Енисея, впервые прославившим имя киргизов, но и не связано с ним.

Начнем с того, что распространение имени *кыргыз* не ограничивается Тянь-Шанем и Саяно-Алтаем (где он поныне бытует у хакасов, тувинцев, алтайцев).

Якуты также уверены в том, их прародителями были кыргызы, и отразили это в своих легендах (Ксенофонов, 2004, с. 53, 186, 264, 265). Один из сюжетов повествует и о переселении первопредка-кыргыза на Лену из южных земель за три тысячи верст от Иркутска (Окладников, 1949, с. 355, 356). Тюркоязычные северные таежники считают древних обитателей своих земель кыргызами: выражением *кыргыз өтөх* обозначается у якутов всякое место старинной стоянки. Люди убеждены, что их предшественники на Лене были скотоводами и коневодами, устраивали праздники-ысыахи и сжигали своих мертвых.

Сходные представления встречаем у бурят и монголов: те и другие древние курганы своих степей приписывают кыргызам и называют их «хиргисийн ур» – киргизскими могилами.

С XVII в. казахов в России называли «казаками» или «казакскими (касацкими) татарами», «казацкими ордами» и т.п. С XVIII в., на протяжении всего XIX в. и первой трети XX в. положение изменилось: поскольку «самоназванию киргизского народа – киргиз – искусственным путем было придано обобщающе-родовое значение», то киргизами (киргиз-кайсаками) стали именовать уже и казахов, дабы отличать их от русских казаков (Благова, 1970; 1973). Почему изо всех соседних этнонимов для казахов в России избрали именно слово *киргиз*? Живи киргизы между русскими и казаками, такой перенос знакомого имени далее на восток был бы понятен (так случилось с этнонимом *татар*), но география, как известно, противоположная.

Дело в том, что в первой четверти XVIII в. только что закончилось покорение земель Хакасского государства, более столе-

тия происходившее в напряженной борьбе с его правящим родом *кыргыз* и по-русски именовавшегося Киргизской землицей. Окончательная гибель в 1718 г. позднекыргызской политической системы вывела политоним *кыргыз* за бывшие государственные пределы, связав его в качестве этнонима с непокорной степной вольницей вообще. Не случайно казахи поименованы киргизами уже на карте Сибири, составленной в круге С. У. Ремезова около 1718 г.

Однако это объяснение учитывает не все известные данные. Следует обратить внимание на кыргызов Узбекистана. Племя с таким именем поныне проживает в долине реки Заравшан. Собранные факты позволяют заключить, что малочисленное «племя *кыргыз* в прошлом имело значительный общественный вес». По всему Узбекистану и далее на запад в восточной части Туркменистана до самой Амударьи при конноспортивных, борцовских и иных народных состязаниях (вплоть до петушиных и перепелиных боев) две противоборствующие команды именуются *мангыт* и *кыргыз*. Участники помнят свою родовую принадлежность во многом благодаря этому спортивному членению и, согласно ему, каждый знает, к какой команде принадлежит. *Кыргызами* называют и одну из двух соперничающих сторон внутри общин некоторых городов Узбекистана. Вполне понятно сделанное этнографом заключение, что в этих условиях «наименование *кыргыз*... полностью утратило этнонимическую окраску» (Кармышева, 1997, с. 34–37).

В этом былом *не этническом*, а сугубо *социальном статусе* имени *кыргыз* и скрыт ответ на вопрос: каким образом малочисленное племя «при состязаниях стояло в одном ряду с племенем *мангыт*, к которому принадлежала правящая [узбекская] династия»? В этом былом статусе заключено объяснение и иным зафиксированным фактам: почетному начальному месту кыргызов в списках узбекских племен XV–XVII вв., высоким должностям, предоставлявшимся их представителям, отнесению кыргызов к правому, привилегированному, крылу раннего узбекского государства (Кармышева, 1997, с. 36). Напомним, что именно такая политическая роль аристократического династийного рода *кыргыз* была давно установлена историческими исследованиями как в отношении древних хакасов, так и раннесредневекового Древ-

нехакасского государства (Кызласов, 1959; 1984, с. 52—68). О ней уже шла речь в первой части нашей книги.

Для определения хронологических границ изучаемого процесса важно учесть, что высокий политический статус кыргызов отмечается, как мы видели, еще среди кочевых узбекских племен, возглавлявшихся Шейбани-ханом, т. е. уже существовал к концу XV в. Именно это средневековое членение строго соблюдалось при разделении участников народных состязаний: те племена, которые не входили в состав родов, участвовавших в давнем завоевании Средней Азии узбеками, могли лишь, следуя традиционному порядку, присоединиться к той или иной спортивной команде (Кармышева, 1997, с. 35).

Среди табынской части башкирского народа, кроме подразделения *кыргыз*, известен и род *кахас*. И те, и другие поныне считают, что они пришли с Саяно-Алтайского нагорья или в целом из дальней «сибирской стороны». Появление западной части башкирских кыргызов «в тысячах километров от одноименного этнонима» исследователи относят к XIII—XIV вв., т. е., как и в случае с узбеками, «до завершения формирования киргизов в народность» на Тянь-Шане.

Рассматривая ситуацию в целом, выясняем, что носители имени кыргызов, кроме южносибирских народов, в позднем средневековье (по крайней мере в XVI—XVII вв.) «жили *одновременно...* в Восточном Туркестане, на Тянь-Шане, Памиро-Алае, в Средней Азии и казахских степях, в Приуралье (среди башкир), т. е. на весьма отдаленных друг от друга территориях» (Абрамзон, 1971, с. 19). К пределу проникновения имени *кыргыз* на западе надо отнести степи Молдовы и Крым с их характерными географическими названиями, наиболее, вероятно, связанными с ногайцами (Киргиз, Киргиз-Катай (Киргиз-Китай), Одоман-Киргиз, Баш-Киргиз, Кучук-Киргиз и др.) (Кузеев, 1974, с. 362).

Следует помнить, что для всего раннего средневековья «ни рунические надписи, ни свидетельства Махмуда Кашгарского в его "Диване» [XI в], ни "Сборник летописей" Рашид-ад-Дина [XIV в.], ни другие источники не содержат убедительных доказательств в пользу того, что термин "кыргыз" был этнонимом» (Абрамзон, 1971, с. 20, 21).

Перестав быть наименованием народности уже с древних времен гуннского нашествия на Саяно-Алтайское нагорье и произошедшего смешения кыргызов-гяньгуней с динлинами, имя кыргызов, став обозначением правящего рода, превратилось в политоним (Кызласов, 1984, с. 52—68) и, с гибелью южносибирского Древнехакасского государства под ударами Чингизидов в XIII—XIV вв., распространилось по широким пространствам Азии на население различного происхождения.

Для многих племен первоначально это имя не было самоназванием, а (подобно болгарам или руси) служило обозначением правящей верхушки, аристократии того огромного по охвату южносибирского и центральноазиатского государства, в которое эти племена и народы входили в течение нескольких веков в домонгольское время – с IX по XIII в. Это долго осознавалось. Недаром словам историка XVII в. (Абуль-Гази, 1906, с. 38: «Монголы и другие племена, истребив киргизов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя киргизов. Они сами знают, из какого они рода») вторят слова этнографа, сказанные в отношении современных киргизов: «Совсем не так уж далеко ушло время, когда к самоназванию "кыргыз" обязательно прилагалось название племени, к которому относилось себя то или иное лицо» (Абрамзон, 1971, с. 21).

Как мы видели, в ту эпоху имя кыргызов стало **символом тюркоязычной аристократии и благородного происхождения** не только в восточной части тюркского мира (начиная от Якутии), но и в центральной (среднеазиатской) и западной его части (включая Южный Урал и степи Молдовы).

Трудно не связать распространение благородного имени *кыргыз* со свидетельствами двух гуманитарных наук: истории и археологии.

Письменные источники, собранные первой дисциплиной, указывают на *широкую известность в иных землях имени кыргызов*, в течение нескольких столетий возглавлявших в домонгольскую эпоху крупнейшую державу Сибири. Упомянем, например, таких средневековых авторов, как Махмуд ал-Кашгари (XI в.) из Кашгара; Шарафа Марвази (XII в.) из Мерва; Гардизи (XI в.), Ибн Хордадбега (IX в.) и Рашид-ад-дина (XIV в.), живших в Иране; Низа-

ми Гянджеви (XII в.) из Азербайджана; ал-Идриси, жившего в Испании в г. Сеуте и написавшего свою книгу в г. Палермо на о. Сицилия. Китайские хроники сообщают о караванной торговле Древнехакасского государства не только с самой Поднебесной империей, но и с землями Средней Азии и Тибетом. А в рунических надписях на Енисее встречаются сведения о том, что конкретные люди ездили послами «к тибетскому хану», к «Кара-хану» (очевидно, в государство «караханидов» в Восточный Туркестан), в тюргешское государство (в Семиречье), в «уйгурскую землю» (современная Монголия) и даже учиться в государство Табгач (в данном случае в государство киданей в Северном Китае) (Кызласов, 1984, с. 3, 4).

Другой наукой в последнее время засвидетельствованы целые серии археологических памятников, демонстрирующих материальные свидетельства пребывания древнехакасских посольств, а также существование постоянно действующих ремесленных факторий в Восточной Европе – в Волжской Булгарии и на Руси – с конца X по XIII в. Южносибирских послов, купцов и ремесленников знали от Новгорода и Смоленска до Поднепровья и Закарпатья. Не может быть сомнения, что вместе с искусными изделиями, которым в Европе начали подражать, распространялась и слава о стране, возглавляемой династийным родом кыргызов.

В XIII—XIV вв. археологическая наука отмечает уже иной характер выхода государственных вещественных признаков Древнехакасской державы за территориальные пределы так называемой аскизской культуры. Прежде и более всего – характерных принадлежностей воинской касты: конской сбруи и всаднического костюма и снаряжения. Весьма показательно, что ряд форм и их декор стали одним из признаков официальной культуры Монгольской империи. Можно думать, что в ее пределах и происходили названные процессы: с одной стороны – распространения древнехакасских изделий и их производных, с другой – **гордого имени политической верхушки, кыргызов**, лишившихся в то время собственной государственности.

Для XIV в. отмечено массовое использование и копирование кыпчаками и близкими им племенами социально значимых саяно-алтайских изделий – восходящие к ним формы донине

характерны для мужского снаряжения казахов и ряда соседних народов. Такое явное стремление кыпчакских витязей подражать облику сибирско-кыргызской аристократии наводит на мысль о том, что высшее сословие степей могло и называть себя кыргызами, вкладывая в это имя социальный, а не этнический смысл. Дальнейшее разделение на узбеков и казахов сохранило почетное место имени *кыргыз* у одних и, можно предполагать, повлияло на русское наименование других.

Нельзя не признать, что период домонгольского Древнехакасского государства был эрой великих свершений, более никогда уже не наступивших в истории коренных народов Сибири. Однако приведенные материалы по распространению этнонима *кыргыз* показывают, что эта последняя эра их великих свершений осталась в памяти как самих сибиряков, так и их соседей, далеко выйдя за первоначальные пределы. Нельзя не заметить, что ареал изучаемого явления так или иначе совпадает с былыми границами Древнехакасского государства, равно как и с распространением сменившей его официальной культурой Монгольской империи. Важно видеть, что в новом качестве имя *кыргыз* распространялось лишь среди тюркских народов. Так сохранялась память о том, что возглавляемое аристократами-кыргызами Древнехакасское государство было последней в истории тюркоязычной державой Южной Сибири и Монголии.

Получивший за века предшествующего самостоятельного развития не этнический, а острый и вековечный политический смысл, *термин кыргыз с гибелью страны распространился за ее пределы*. Процесс, начавшийся в XIII—XIV вв., завершился с окончательным включением бывлой древнесибирской государственности в состав России в XVIII в.

Все показанные выше процессы включают в себя ***и ход обращения киргизами Средней Азии их современного имени, превращая его в одно из целого ряда подобных и закономерных исторических явлений***. Имя киргизов не изначально и не вызвано их происхождением от древних кыргызов Енисея. *Политоним* многоплеменного саяно-алтайского государства, в которое с IX в. входили жившие в степях и горах Восточного Туркестана и Монго-

лии центральноазиатские предки современных киргизов, с XII в. и особенно с гибелью этой огромной страны в конце XIII в. *был воспринят и поднят из пепла как символ бывшего величия; он превратился в этноним иного народа.*

Переселения с Енисея не было

Строгие научные разработки происхождения и национальной истории современного киргизского народа ныне существуют во всех основных исторических дисциплинах: в истории, археологии, этнографии, а также в языкознании и антропологии. Они прежде всего связаны с именами Л. Р. Кызласова, В. П. Юдина, М. Б. Джамгерчинова, С. М. Абрамзона, Г. Ф. Дебеца.

Начав в 1953 г. археологические работы в Киргизии, Л. Р. Кызласов, в результате целенаправленных поисков, уже к 1954 г. понял, что никаких подтверждений проникновения древних или средневековых южносибирских культур (а значит и их носителей) на землях обитания современных киргизов нет. На научной сессии 1956 г. во Фрунзе, специально посвященной происхождению киргизского народа, им был сделан доклад на эту тему, подводивший итоги комплексного исследования гуманитарных наук и антропологии (Кызласов, 1959). С тех пор научные позиции, отрицающие какую-либо прямую связь киргизов Тянь-Шаня с населением исторической Хакасии, не только не изменились, но и пополнились новым фактами.

В самом деле, в китайских документах на протяжении всего времени, когда им было известно имя кыргыз – от рубежа III—II вв. до н. э. по XVIII в., мы нигде не находим ни прямых, ни сколько-нибудь доказательных косвенных данных о переселении хакасов или кыргызов на Тянь-Шань, хотя в «Юань ши» («Истории монгольской династии Юань») имеются сообщения о насильственных переселениях монголами части кыргызов (цзилицзисы) из Хакасско-Минусинской котловины, Тувы и Алтая – после подавления антимонольского восстания 1293 г. и позднее – в Маньчжурию, в район слияния Сунгари и Амура, и в Шандун. В китайских источниках этого времени вообще нет упоминания о киргизах

на Тянь-Шане. А между тем китайские войска, путешественники и поселенцы, начиная с первых веков до н. э. и в средневековье, неоднократно бывали на территории Семиречья и описывали его население.

Орхонские памятники рунической древнетюркской письменности, нанесенные на поминальные стелы и прославляющие деяния каганов и вельмож VIII в., также сообщают лишь о кыргызах Енисея и не знают киргизов на Тянь-Шане, хотя восточные тюрки были хорошо осведомлены о делах Западнотюркского каганата и неоднократно осуществляли походы в Среднюю Азию. Только о кыргызах Енисея, не Тянь-Шаня, сообщают монгольские летописи XIII в. («Сокровенное сказание») и тибетские источники.

Многочисленные арабо- и персоязычные, а также европейские авторы раннего средневековья пишут о кыргызах Енисея и не знают киргизов Тянь-Шаня, хотя многие из них жили близко от Семиречья или неоднократно проезжали через эту территорию, во всяком случае, были хорошо осведомлены о делах и людях этой области, так как сообщали о городах современного Северного Кыргызстана. Иные авторы описывают древние города нынешнего Северного Кыргызстана, различные военные походы на эту территорию и разнообразные политические события, происходившие здесь, *но совсем не упоминают киргизов.*

Л. Р. Кызласов уже в 1956 г. разобрал все имеющиеся сообщения арабо-персидских авторов X—XIII вв., показав, что только лишь Мирза Хайдер, автор середины XVI в., впервые сообщает в своем труде «Дарихи Рашиди» о киргизах Тянь-Шаня, описывая события 1503—1504 гг. Однако ни Хайдер и никто другой не говорит о том, что тянь-шаньские киргизы являются переселенцами с Енисея.

Таким образом, письменные источники, как западные, так и восточные, нигде не содержат никаких свидетельств о переселении кыргызов Енисея на Тянь-Шань, что нельзя считать случайностью, которой могли бы пренебречь историки Кыргызстана.

И те из них, кто в 1960—1980-е гг. всерьез занимался изучением истории своего народа, делая это по первоисточникам, приходили к верным выводам об отсутствии каких бы то ни было фактических данных о переселении кыргызов Енисея на Тянь-Шань,

заклячая: «сибирские киргизы не были этническим компонентом киргизской народности» (Джамгерчинов, 1971; 1972). Материалы, выявленные А. А. Арзыматовым, позволили ему в 1964 г. сделать вывод, что «современное население Хакасской автономной области, несомненно, является потомками древних киргизов, что подтверждают не только архивные источники, но и происхождение самого названия этого народа». Такие взгляды получили обобщенное изложение, а необоснованная гипотеза о переселении киргизов с Енисея была отвергнута в вышедшей в 1984 г. во Фрунзе академической «Истории Киргизской ССР» (т. I), в которой авторы от лица Главного редакционного совета в частности писали: «Енисейские киргизы не являются прямыми и непосредственными предками киргизского народа, на их основе сложилась хакасская народность» (с. 50). Делались ссылки и на работы Л. Р. Кызласова. К сожалению, начиная с 1990-х годов, эти профессионально выверенные работы пришли в противоречие с официальной доктриной Кыргызстана.

Целенаправленные исследования показали, что ничего подобного переселению киргизов не подтверждается и археологически. Результаты многолетних исследований памятников Хакасско-Минусинской котловины не содержат никаких данных, которые позволили бы констатировать факт миграции киргизов Енисея на Тянь-Шань. Таких данных не выявлено и во всех памятниках, начиная с первых веков до нашей эры, раскопанных за годы археологического изучения Кыргызстана.

Если бы было передвижение киргизов с Енисея на Тянь-Шань в эпоху средневековья или ранее, то оно фиксировалось бы, прежде всего, погребениями по обряду сжигания умерших, столь характерном с древнейших времен для гяньгуней-киргизов, а затем и для хакасов, вплоть до XVIII в. Эти захоронения сопровождалось бы вещами, характерными для культур Енисея. Но таких погребений на Тянь-Шане нет.

Особенно показательным является отсутствие на Тянь-Шане и Памиро-Алае памятников тухтятской и аскизской археологических культур, характеризующих Древнехакасское государство IX–XVII вв. Захоронения и изделия этих культур ныне известны от

восточных границ Восточной Сибири (отрогов Яблонова хребта в Читинской области) до западного края Восточной Европы (отроги Карпатских гор на Украине). Они указывают на широчайшую международную активность управлявшейся киргизами саяно-алтайской державы. Её постоянные торговые фактории XI–XII вв. обнаружены на Каме, Волге и Суре (Кызласов, 1984; Руденко, 2001), но домонгольские древности земель Кыргызстана – долины рек Чу, Таласа или Нарына – не содержат следов пребывания там сибирских киргизских посланцев.

Перейдем к свидетельствам этнографической, антропологической и лингвистической науки. Глубокое исследование родоплеменного состава современных киргизов и всей совокупности их самобытной культуры показало, что в их сложении практически не участвовало население Саянской горной страны. Основу киргизского народа преимущественно и поэтапно составили жители обширного региона Центральной Азии: от северных предгорий Тянь-Шаня до Монгольского Алтая. Потому киргизы – самый монголоидный из народов Средней Азии и по этим физическим признакам уступают лишь алтайцам и бурятам. Не случайно язык южных алтайцев наиболее родственен современному киргизскому, а прочие тюркские языки Саяно-Алтая далеки от него. С южноалтайскими совпадают не только названия ряда киргизских этнических групп, но даже и их подразделений (Абрамзон, 1971, гл. I; Труды, 1959, с. 74–78; Баскаков, 1969, с. 340–349). Все это не сибирские, а центральноазиатские этнические особенности, указывающие на места происхождения как киргизов, так и южных алтайцев.

Киргизоведам и фольклористам хорошо известно, что, не считая отдельных фрагментов, записей эпоса «Манас» не велось вплоть до 20-х годов XX в. Лишь в эти, уже советские, годы была осуществлена полная запись народных героических песен от манасчи С. Орозбакова. Тогда и началось серьезное исследование этого великого народного произведения. Но ведь это были уже не древние времена, и в эпосе неизбежно отразились поздние культурные контакты киргизского народа, отразилась и просветительская деятельность эпохи культурной революции. Например, в «Манас» вошла песнь о борьбе Манаса и Ильи Муромца. А затем – и внедренная со стороны идея о приходе киргизов с Ени-

сея. Понине существующая и нередко звучащая отсылка на эпическую народную память о долинах материнской реки Эне-сай, созвучной гидрониму Енисей, выявляет позднее и внеисторическое мышление и совершенно несостоятельна. Великую сибирскую реку Енисеем стали называть только русские. Аборигенные народы звали ее Кем (и зовут Ким или Улуг-Хем, сохраняя древнее имя еще дотюркской поры). Фольклорное Эне-сай сближено с Енисеем (или появилось в устах сказителей?) уже под воздействием исторической русской литературы, возводящей киргизов Тянь-Шаня к древним киргизам Енисея.

К проблемам национальной истории приводит и анализ основ духовной культуры киргизского народа. Широкое сохранение древних, едва ли не общетюркских культов закономерно указывает на исконную принадлежность современных киргизов к тюркскому миру. Важно, однако, и другое обстоятельство, замеченное востоковедом В. В. Бартольдом: источники XVI—XVII вв. не считают киргизов Тянь-Шаня мусульманами. Казалось бы, это противоречит фактам процветания ислама на территории современного Кыргызстана уже при династии Караханидов в X—XII вв. и ревностного его насаждения там Великими Моголами в XIV—V вв. Сравнивая эти данные, В. В. Бартольд считал маловероятным пребывание киргизов на Тянь-Шане «в эпоху принятия ислама среднеазиатскими монголами» и определял серединой XV в. приход киргизов на их нынешние земли из немусульманских тогда районов Центральной Азии. «Эти киргизы и в XVI в. считались чуждыми исламу и мусульманской культуре» (Бартольд, 1927, с. 36, 39; 1963, с. 514, 517). Выводы востоковеда ныне подтверждаются наблюдениями этнографов: киргизы – единственный крупный народ Средней Азии, у которого отсутствуют свои сейиды (потомки Пророка и мусульманских святых) (Абашин, 2001, с. 53).

Итак, нет никаких фактов или источников, устанавливающих единство происхождения киргизов Енисея и киргизов Тянь-Шаня.

Весь комплекс научных данных, направленных на исследование происхождения киргизского народа Средней Азии, приводит к двум несомненным выводам:

а) происхождение киргизов Енисея и Тянь-Шаня было раз-

личным; никакого переселения киргизов Енисея на Тянь-Шань никогда не было, и Хакасско-Минусинская котловина не является исторической родиной киргизов Кыргызстана; убежденность в обратном, на каком бы общественном уровне она ни выражалась, является следствием незнания исторических фактов и порождена ошибочными представлениями;

б) самих киргизов до позднего средневековья не было на территории их современного пребывания в Средней Азии; этот народ поэтапно переселялся на Западный Тянь-Шань и прилегающие к нему земли с востока уже на глазах истории, и это переселение описано в ученых трактатах XV—XVII вв.

Корни киргизов

Отрицая приход киргизов с Енисея, Л. Р. Кызласов уже на сессии 1956 г. обратил внимание исследователей на те источники, которые указывали место первичного обитания предков киргизского народа (1959, с. 111—113). Кратко остановимся на этих данных.

Первые упоминания о киргизах Тянь-Шаня, как мы видели, относятся к началу XVI в. (Тарихи Рашиди), причем в это время киргизы оставались язычниками и еще не приняли мусульманства. По мнению академика В. В. Бартольда, киргизы пришли с востока на Тянь-Шань вместе с калмыками в середине XV в., далее он полагает, «что эти киргизы после ухода калмыков остались на западе, в Тянь-Шане, хотя и об этом в источниках ничего не говорится» (1927, с. 36). Но иного вывода из письменных источников сделать нельзя, так как киргизы упоминаются в событиях 1503—1504 гг. уже как жители Семиречья.

О позднем приходе киргизов из Центральной Азии на Тянь-Шань красноречиво свидетельствуют и данные антропологии. Как говорилось, изучение современных киргизов показало, что они наиболее монголоидны из всех народов Средней Азии и даже монголоиднее казахов. Это является свидетельством того, что киргизы вышли из Центральной Азии в очень позднее время, тем более что все известные антропологические серии более раннего периода (вплоть до XIII—XIV вв. включительно), происходящие с территории самого Кыргызстана, представляют иные типы ев-

ропейского и смешанного населения, генетически не связанные с типом современных киргизов. «Еще в начале второго тысячелетия н.э. в Чуйской долине жили люди, похожие на современных таджиков» (Г. Ф. Дебец).

Таким образом, антропологические заключения о времени прихода киргизов из Центральной Азии не только не противоречат выводу В. В. Бартольда, сделанному на основании анализа письменных источников, но и существенно дополняют его. Центральноазиатское происхождение киргизов и их позднее появление на Тянь-Шане подтверждается также фактами лингвистической и этнографической наук.

Член-корреспондент Академии наук СССР языковед С. Е. Малов считал, что тюркоязычное население озера Лобнор (на западе современного Китая), обследованное им в 1914 г., говорит на древнекиргизском языке (так же как, вероятно, и хотоны в Северо-Западной Монголии), что лобнорцы являются остатком основной массы киргизов, сравнительно недавно ушедшей на запад, на Тянь-Шань, так как еще не произошло расхождения в языках лобнорцев и киргизов.

Раскрывая в исторической последовательности пути сложения этнического состава киргизского народа, этнограф-киргизовед С. М. Абрамзон, доказал, что основное и древнейшее ядро современных киргизов составляют алтайские тюрки и другие центральноазиатские тюркоязычные и монголоязычные этнические группы, исторически известные нам для периода VI—XIV вв. И только в XV—XVIII вв. к этому ядру добавились среднеазиатские этнические группы (ногайско-казахские и таджикские).

Хронологические рамки, даваемые С. М. Абрамзоном, также отражают позднее (XV в.) соприкосновение центральноазиатского компонента в составе киргизов со среднеазиатским, т.е. *этнографические данные совпадают с данными лингвистическими, антропологическими и историческими* относительно прихода основной массы киргизского народа на Тянь-Шань из Центральной Азии в середине II тысячелетия н.э.

Однако следом возникают вопросы: когда, как и где в Центральной Азии сложилось основное ядро киргизов. Ответы на эти вопросы отыскивались Л. Р. Кызласовым не только в 1950-е годы,

но и позднее, получив краткое заключение в 1984 г. (с. 65—67).

Наиболее ранними источниками по истории предков современных киргизов являются сообщения о *центральноазиатских* киргизах, относящиеся к XIII в. В то время, по данным «Юань ши» («Истории монгольской династии Юань»), центральноазиатские киргизы жили на территории современной Монголии возле города Каракорума (Хэлинь) в долинах Орхона и Толы. Эти киргизы были подданными монгольской Юаньской империи. Совместно с тюркоязычными восточнокипчакскими племенами они составляли особую армию, которую возглавлял известный юаньский генерал кипчак Тутуха (тюрк. Тутук), а после него – его прямые потомки.

Центральноазиатские киргизы не были родственны кыргызам Енисея. Они, например, в 1293 г. в составе карательной армии Тутухи, действовавшей по приказу императора Хубилая, участвовали в подавлении восстания саяно-алтайских племен (при этом была захвачена и истреблена знать енисейских кыргызов). Их даже поселяли в качестве военных поселенцев на полуопустошенной земле качинцев. Центральноазиатские киргизы происходили из многочисленных тюркоязычных племен, которые обитали в Центральной Азии еще в периоды Тюркского (VI—VIII вв.), а затем Уйгурского (VIII—IX вв.) каганатов. В 840—847 гг. эти земли были захвачены древними хакасами, во главе которых стояли каганы и беги из рода кыргыз. После того как восточные монголоязычные племена вытеснили древних хакасов из Центральной Азии обратно на Енисей, бывшие подданные кыргызского кагана, центральноазиатские тюркоязычные племена, в XII—XIII вв., восприняли имя кыргызов. Затем они попали на феодальную службу к монгольским владыкам. Их происхождение определил среднеазиатский историк XVII в. Абул-Гази, опираясь на известные ему источники. По его данным, в монгольскую эпоху настоящих кыргыз на территории современной Монголии оставалось мало и их именем стали называть себя тюркоязычные и ассимилированные ими группы совершенно иного происхождения. Его слова мы приводили выше, но не грех повторить их здесь: «В наше время очень немного людей из этого рода. Монголы и другие племена, истребив кыргызов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя кыргызов. Они сами знают, из какого они рода».

Еще в 30-х гг. XIX в. глубокий знаток истории Центральной Азии известный русский синолог Н. Я. Бичурин справедливо предупредил историков: «Киргис есть название монгольскому (по занимаемой территории; читай «тюркоязычному» – И. К.) поколению, давно пропавшему, и сие поколение не надобно смешивать с кэргизами, обитающими ныне между Кашхаром, Мауриньяром и Бухарию. Сей народ составляет орду, от турков [т. е. тюрков] происходящую».

Центральноазиатские киргизы впоследствии передвинулись на Тянь-Шань и явились основным компонентом в сложении современного киргизского народа. Выявлен и другой важный источник эпохи переселения, подтверждающий завершение этого процесса. По данным Махмуда ибн Вали (XVII в.), «в раджабе 1045 г. (хиджры, т. е. в декабре 1635 – январе 1636 г.) двенадцать тысяч семейств киргизов, которые прежде обитали на широком просторе между Каракорумом и Керуленом... и проводили жизнь в неверии, невежестве и в заблуждении, прибыли через Каратегин в окрестность Гиссара...». Таким образом, не с Енисея, а **из глубин Центральной Азии переселялись предки современных киргизов в Среднюю Азию.**

Следовательно, не на хакасских землях и не в истории наших предков, а в истории восточных центральноазиатских кипчаков и примкнувших к ним тюркоязычных племен, проживавших в древности в степях между Алтаем на западе и Хинганом на востоке, следует искать современному киргизскому народу свое происхождение и свою прародину.

В свете приведенных фактов нельзя путать между собой ни многочисленных древних центральноазиатских киргизов (ставших основой для сложения современных киргизов), ни средневековых хакасов с их древним господствующим родом кыргыз (послуживших основой для этногенеза современных народностей Саяно-Алтайского нагорья, в том числе современного хакасского народа, сохранившего в своем составе род Хырғыс).

Тот факт, что в 2001 г. ученое сообщество отмечало 22 века появления имени кыргызов не на Енисее, к долинам которого на деле относится древняя и раннесредневековая история этого имени и где его носители живут поныне (составляя саяно-алтай-

ские подразделения-сеоки *Хырғыс/Кыргыз*), а на Чу, в Бишкеке, рождает правомерные опасения: *ошибочный подход к этногенезу современного киргизского народа на деле отнимает историю у современных народов Южной Сибири.* Этот процесс, как видим, способен принять торжественно-государственную форму и облачиться в одежды международного научного собрания. По-видимому, такой ход событий не беспокоит ни политиков, ни настроенных на юбилеи ученых по причине нынешней малочисленности истинных – сибирских – потомков древних кыргызов и оттого не кажется особенно значимым.

Однако следует задуматься и над другими последствиями происходящего – *подлинной древней и средневековой истории в действительности лишается и большой тюркоязычный народ, носящий имя кыргызов сегодня.* Ранний период его существования только из-за совпадения названия подменяется историей других земель и других народов, забытыми оказываются настоящие, собственные предки. Можно допустить, что это мало волнует кого-то из ученых. Нам же следует понимать, что происходящее – **национальная трагедия киргизского народа.**

Лишь преодоление исторической наукой Кыргызстана (и остальным киргизоведением) наследия фольклорной мифопоэтической традиции, из которой она по существу до сих пор не вышла окончательно, способно привести к выяснению происхождения киргизского народа и вернуть потомкам подлинную историю их предков. Сегодняшнее понимание этого вопроса в Кыргызстане отбросило науку почти на полвека. Оно стало шагом назад не только в отношении обобщающих работ начала 1970-х и 1980-х гг. (Абрамзон, 1971; История, 1984, с. 12, 408—441), но и в сравнении с известной сессией 1956 г. (Труды, 1959). Ныне, как и в прошлом, «попытки установления прямолинейной связи между киргизами Тянь-Шаня и Памиро-Алая, с одной стороны, и киргизами Енисея – с другой, основанные главным образом на совпадении имени тех и других, не принесли какого-либо существенного результата, не стали базой для научного решения проблемы происхождения киргизского народа» (Абрамзон, 1971, с. 20).

История самого народа неравнозначна истории народного имени киргизов. Это разные вещи.

Литература

- Абашин С. Н. Потомки святых в современной Средней Азии. – Этнографическое обозрение, 2001, № 4.
- Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
- Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. – Казань, 1906.
- Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. – Фрунзе, 1927.
- Бартольд В. В. Сочинения, т. II, ч. 1. – М., 1963.
- Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
- Благова Г. Ф. О русском наименовании тюрков и тюркских языков. – Советская тюркология. – Баку, 1973, № 4.
- Благова Г. Ф. Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах*. – Этнонимы. – М., 1970.
- Джамгерчинов М. Б. Были ли сибирские киргизы этническим компонентом киргизской народности? – Труды Киргизского гос. университета, вып. XI. – Фрунзе, 1971.
- Джамгерчинов М. Б. Из истории киргизской народности XVI – 1-й пол. XVIII в. Автореф. канд. дисс. – Фрунзе, 1972.
- Кармышева Б. Х. Узбеки племени кыргыз в Среднезеравшанской долине. – Этнографическое обозрение, 1997, № 2.
- Ксенофонтов Г. В. Элэйада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – Якутск, 2004.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. – М., 1974.
- Кызласов И. Л. История народа: научный поиск и магия этнонима. – Российская археология, 2003, № 2.
- Кызласов Л. Р. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня (К вопросу о происхождении киргизского народа). – Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. – Фрунзе, 1959.
- Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984.
- Окладников А. П. Прошлое Якутии до присоединения к русскому государству (История Якутии. Т. 1). – Якутск, 1949.
- Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского облика в Среднем Поволжье. – Казань, 2001.
- Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III. – Фрунзе, 1959.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Л. Р. Кызласов	
Как нам себя называть?	7
К вопросу об этногенезе хакасов	25
Сибирь: на границе прошлого с грядущим	54
Новая оценка жизнестойкости Древнехакасского государства	78
Хакасы и казаки	99
И. Л. Кызласов	
Народ Тянь-Шаня: с Енисея – только имя	115

Научное издание

Леонид Романович **Кызласов**,
Игорь Леонидович **Кызласов**

Ключевые вопросы истории хакасов
Сборник статей

Компьютерное обеспечение Е. В. Чезыбаева

Подписано в печать 21.03.2016. Формат бумаги 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 8,5. Тираж 500 экз.

ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н